

ISSN 2072-0831

**В мире
научных
открытий**

№ 11.2(71), 2015
Социально-гуманитарные науки
Научный журнал

Электронная версия
журнала размещена
на сайте
www.nkras.ru/vmno/

Журнал включен
в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых
научных журналов

Журнал основан в 2008 г.
ISSN 2072-0831
Импакт-фактор
РИНЦ 2014 = 0,312

Главный редактор – **Я.А. Максимов**
Ответственный секретарь редакции – **К.А. Коробцева**
Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**
Компьютерная верстка – **Р.В. Орлов**

**In the World
of Scientific
Discoveries**

№. 11.2(71), 2015
Humanities & Social Sciences
Scientific Journal

The electronic
version takes place
on a site
www.nkras.ru/vmno/

The journal is in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and editions, approved by Higher
Attestation Commission

Founded 2008
ISSN 2072-0831
RSCI IF (2014) = 0,312

Editor-in-Chief – **Ya.A. Maksimov**
Executive Secretary – **K.A. Korobtseva**
Support Contact – **Yu.V. Byakov**
Imposers – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2015
Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2015
Publishing House Science and Innovation Center

12+

Издательство «Научно-инновационный центр»

ISSN 2072-0831

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

ПИ № ФС 77-39604 от 26 апреля 2010 г.

В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. № 11.1(71) (Социально-гуманитарные науки). 350 с.

Периодичность – 12 выпусков в год по сериям.

Журнал включен в Реферативный журнал и Базы данных ВИНИТИ РАН:
<http://catalog.viniti.ru/>

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал «В мире научных открытий» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals directory» в целях информирования мировой научной общественности.

Журнал представлен в ведущих библиотеках страны, в Научной Электронной Библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и имеет импакт-фактор Российского индекса научного цитирования (ИФ РИНЦ).

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Правила для авторов доступны на сайте журнала: <http://www.nkras.ru/vmno/guidelines.html>

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: open@nkras.ru

<http://www.nkras.ru/vmno/>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94089

Учредитель и издатель: Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2015

Члены редакционной коллегии

А.П. Анисимов, д-р мед. наук, профессор (Государственный научный центр прикладной микробиологии и биотехнологии Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека)

Н.А. Шнайдер, д-р мед. наук, профессор (Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации)

Л.В. Музурова, д-р мед. наук, профессор (Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского Министерства здравоохранения Российской Федерации)

А.С. Пуликов, д-р мед. наук, профессор (Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера»)

А.С. Казакова, д-р биол. наук, профессор (Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия)

Т.В. Рожко, к-т биол. наук, доцент (Сибирский федеральный университет)

О.Л. Москаленко, к-т биол. наук (Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера»)

С.Е. Батырбекова, д-р хим. наук (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

А.И. Рахимов, д-р хим. наук, профессор (Волгоградский государственный технический университет)

Н.А. Рахимова, д-р хим. наук, профессор (Волгоградский государственный технический университет)

В.Е. Бахрушин, д-р физ.-мат. наук, профессор (Классический приватный университет)

Н.П. Шаталова, к-т физ.-мат. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет)

В.Н. Василенко, д-р техн. наук, доцент (Воронежский государственный университет инженерных технологий)

Д.И. Прошин, к-т техн. наук, доцент (Пензенский государственный технологический университет)

Е.А. Тыщенко, к-т техн. наук, доцент (Кемеровский технологический институт пищевой промышленности)

- Д.В. Покрищук*, к-т полит. наук
- З.П. Оказова*, д-р сел.-хоз. наук, доцент (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова)
- А.А. Лисняк*, к-т сел.-хоз. наук, доцент
- И.Д. Тургель*, д-р экон. наук, профессор (Уральский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)
- М.П. Придачук*, д-р экон. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Волгоградский филиал)
- Г.В. Ившина*, д-р пед. наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- С.Д. Якушева*, к-т пед. наук, доцент (Московский городской педагогический университет)
- Т.П. Грасс*, к-т пед. наук, доцент (Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева)
- В.Н. Абросимов*, к-т пед. наук, профессор (Высшая школа социальных отношений)
- Ф.Н. Денисенко*, к-т пед. наук, доцент (Филиал КГПУ им. В.П. Астафьева в г. Железногорске)
- О.Н. Финогенова*, к-т психол. наук, доцент (Филиал КГПУ им. В.П. Астафьева в г. Железногорске)
- П.Ю. Наумов*, к-т пед. наук (Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России)
- О.В. Евтихов*, к-т психол. наук, доцент (Сибирский юридический институт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков)
- Ф.Г. Галиева*, д-р филол. наук, к-т ист. наук, доцент (Уфимский научный центр Российской академии наук)
- А.Г. Готовцева*, д-р филол. наук, доцент (Российский государственный гуманитарный университет)
- Т.А. Магсумов*, к-т ист. наук, доцент (Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов)
- И.В. Корнилова*, д-р ист. наук, доцент (Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов)
- Г.С. Широкалова*, д-р соц. наук, профессор (Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия)

Editorial Board Members**Medical and Pharmaceutical Sciences**

A.P. Anisimov (Federal Service for Supervision in the Sphere of Customers Rights and Human Well-Being Federal State Institution of Science State Research Center for Applied Microbiology and Biotechnology, Obolensk, Russian Federation)

N.A. Shnaider (Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russian Federation)

L.V. Muzurova (Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, Saratov, Russian Federation)

A.S. Pulikov (Federal State Budgetary Scientific Institution «Scientific Research Institute of medical problems of the North», Krasnoyarsk, Russian Federation)

Biology

A.S. Kazakova (Azov-Black Sea State Agroengineering Academy, Zernograd, Russian Federation)

T.V. Rozhko (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation)

O.L. Moskalenko (Federal State Budgetary Scientific Institution «Scientific Research Institute of medical problems of the North», Krasnoyarsk, Russian Federation)

Chemistry

S.E. Batyrbekova (al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan)

A.I. Rakhimov (Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation)

N.A. Rakhimova (Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation)

Physical and Mathematical Sciences

V.E. Bakhrushin (Classic Private University, Zaporozhe, Ukraine)

N.P. Shatalova (Novosibirsk State Pedagogical University, Kuybyshev, Russian Federation)

Engineering Science

V.N. Vasilenko (Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation)

D.I. Proshin (Penza State Technological University, Penza, Russian Federation)

E.A. Tyshchenko (Kemerovo Institute of Food Science and Technology, Kemerovo, Russian Federation)

Political Science

D.V. Pokrishchuk (Moscow, Russian Federation)

Agricultural Sciences

Z.P. Okazova (North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation)

A.A. Lisnyak (Kharkov, Ukraine)

Economics

I.D. Turgel (Urals Academy of Public Administration, Ekaterinburg, Russian Federation)

M.P. Pridachuk (Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation)

Pedagogics

G.V. Ivshina (Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation)

S.D. Yakusheva (Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russian Federation)

T.P. Grass (Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation)

V.N. Abrosimov (Higher school of social attitudes, Minusinsk, Russian Federation)

F.N. Denisenko (Branch of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev in Zheleznogorsk, Krasnoyarsk, Russian Federation)

P.Yu. Naumov (Novosibirsk Military Institute of the Internal Troops named after general of the Army I.K. Yakovlev of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation)

Psychology

O.N. Finogenova (Branch of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev in Zheleznogorsk, Zheleznogorsk, Russian Federation)

O.V. Evtikhov (Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian Federation)

Philology and Linguistics

F.G. Galieva (Ufa Branch of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation)

A.G. Gotovtseva (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation)

Historical Studies and Archeology

F.G. Galieva (Ufa Branch of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation)

T.A. Magsumov (Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russian Federation)

I.V. Kornilova (Naberezhnochelninsky Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Naberezhnye Chelny, Russian Federation)

Sociology

G.S. Shirokalova (Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Материалы
X Международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
"Научное творчество XXI века"
(Красноярск, 30 ноября, 2015 г.)

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

FOREIGN LANGUAGES, LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ КАК АКТИВНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Воеводина И.В., Виниченко Н.В.

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Россия

В статье обосновывается целесообразность использования деловых игр при обучении студентов устно-речевому общению на английском языке, как в социокультурной, так и профессиональной сфере.

Опираясь на свой практический опыт, авторы рассматривают основные этапы проведения деловой игры и виды деловой игры, использование которых на определенном этапе приводит к максимально успешному овладению коммуникативными навыками. На основе теоретического анализа и опыта работы раскрываются подходы к выбору и организации игровых форм в обучении английскому языку. Подчеркивается важность учета психологического аспекта как неотъемлемой части речевой деятельности в формировании иноязычной профессиональной компетенции.

***Ключевые слова:** коммуникативный подход; деловая игра; устно-речевое общение; мотивация студентов; теоретический анализ; навыки и умения; профессиональная компетенция.*

THE USE OF ROLE PLAYS IN TRAINING FUTURE SPECIALISTS FOR BUSINESS ACTIVITY

Voevodina I.V., Vinichenko N.V.

Moscow region state budgetary educational institution
of higher vocational training «University of technology», Korolev, Russia

In this article the authors refer to communicative approach to the process of teaching foreign languages. The motivating effect of this approach on the process of learning is emphasized. On the basis of their practical experience the authors determine the main stages of choosing and organizing different types of role plays that help to prepare students to develop communication skills. The importance of the psychological aspect as essential part of verbal activity is considered.

***Keywords:** communicative approach; role-play; verbal communication; student's motivation; theoretical analysis; habits and skills; professional competence.*

В наше время отмечается значительный рост интереса к изучению иностранных языков и особенно английского языка, т.к. повсеместно он признан языком профессионального общения. Чтобы улучшить процесс обучения необходимо взглянуть по-новому на способы формирования различных видов речевой деятельности. Именно коммуникативно-ориентированное обучение может в этой связи обеспечить успех овладения тем или иным языком. Очень важно насколько учебная коммуникация соответствует условиям естественного общения. Чтобы учебный процесс был максимально приближен к реальной жизни, необходимо как можно чаще прибегать к активным формам и методам обучения. Именно они позво-

ляют активизировать, стимулировать познавательную деятельность. Вот почему с нашей точки зрения необходимо не отказываясь от хорошо известных апробированных форм занятий, внедрять и игровые технологии.

Будучи средством общения и познания окружающего нас мира, иностранный язык занимает очень важное место в системе образования, т.к. именно он наделен познавательными, социальными и развивающими функциями. Обучаясь иностранному языку, человек развивает свои эмоции, свое мышление, поэтому, по мнению многих методистов, просто необходимо включать эмоциональную и мотивационную сферу личности обучающегося в процесс изучения иностранного языка. Если язык изучается в условиях, когда на нем не говорят окружающие, требуется создавать ситуации, которые могли бы способствовать появлению желания общаться на этом языке. Мы считаем, что этому может способствовать использование творческих заданий. Такие задания требуют от учащихся самостоятельной работы и стимулируют выражение своих мыслей, как в монологе, так и в диалоге, пользуясь изученным языковым материалом. Многие авторы такие, как Д.Б. Элькони, В.С. Мухина, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, Н.Д. Гальскова, А.А. Деркач, И.Л. Бим, А.Н. Утехина, А.Н. Леонтьев и другие активно занимались изучением творческого процесса при обучении иностранным языкам. Опираясь на их работы и на свой многолетний опыт, мы можем утверждать, что в период, когда меняются условия существования и развития общества, когда реформируется сфера образования, невозможно обойтись без новых технологий. Эти технологии способствуют подготовке специалистов с хорошим знанием английского языка обладающих навыками коммуникативной и самостоятельной деятельности. К таким технологиям можно в полной мере отнести игру, которая обладает большим потенциалом моделировать реальную, в том числе и коммуникативную, деятельность. Следовательно, игре необходимо уделять достаточное внимание в процессе обучения иностранному языку, принимая во внимание, что она активизирует стремление учащихся к общению и правильно вести себя в процессе этого общения. Что же касается деловой игры, то помимо упомянутого по-

ложительного эффекта, она еще и учит будущих специалистов работать в команде, обсуждать сложившиеся ситуации в производственной сфере, делать выводы и принимать правильные решения. По мнению А.А. Деркач, учебная игра должна использовать в учебном процессе такие задания, которые содержали бы учебную задачу, проблему, проблемную ситуацию, решение которых могло бы обеспечить достижение поставленной учебной цели [5]. По нашему мнению это определение учебной игры является наиболее верным. В настоящее время меняется подход к понятию игры, ее рассматривают как общенаучную, серьезную категорию. Игра, по мнению Э. Берна, должна быть близка к реальной жизненной ситуации, а иногда и быть неотделимой от нее [1]. В то же время педагогическая игра должна обладать определенными признаками. К таковым мы относим цель обучения, которая должна быть четко определена и результат, который должен вполне соответствовать этой цели. По виду деятельности игры можно разделить на интеллектуальные или умственные, физические или двигательные, психологические, социальные и трудовые. По характеру педагогического процесса их можно разделить на такие группы игр, как обучающие, тренировочные, обобщающие и контролирующие; воспитательные, познавательные и развивающие, продуктивные, репродуктивные, творческие, коммуникативные, профориентационные, диагностические и др. По характеру игровой методики игры могут быть сюжетными, ролевыми, деловыми, имитационными. Моделируя игру в учебном процессе, нужно создать проблемную ситуацию через игровую ситуацию. Основу деятельности здесь составляет игровое моделирование. При этом учащиеся должны действовать по определенным правилам. Роль преподавателя, как мы убеждаемся каждый раз, проводя игру, достаточно сложна. Он должен быть и организатором, и помощником, и соучастником общего действия. В итоге игры мы стремимся получить как игровой, так и учебно-познавательный результат.

Как преподаватели английского языка, мы конечно хотели бы упомянуть языковые игры, которые помогают нам в обучении профессиональному общению на иностранном языке. По мнению Доможировой М.А.,

которое мы вполне разделяем, принципами такого обучения являются: принцип профессиональной направленности, принцип коммуникативности, принцип лингвострановедческой направленности, принцип активности [6].

Языковые игры способствуют усвоению различных аспектов языка. Например, фонетические игры помогают поставить произношение звуков и отработать интонацию. На продвинутом этапе обучения мы скорее занимаемся коррекцией, т.к. фонетике как аспекту языка больше времени уделяется на начальном этапе. Лексические игры помогают расширить словарный запас, отработывая употребление той или иной лексики на определенных ситуациях. Немаловажную роль имеют и грамматические игры, обеспечивающие умение применять знания по грамматике на практике, Они направляют мыслительную деятельность на употребление грамматических структур в ситуациях естественного общения. Используя на занятиях деловые игры, мы пришли к выводу, что при подготовке к ним, особое внимание необходимо уделять стилистическим играм, которые своей целью ставят научить студентов понимать в чем состоит разница между официальным и неофициальным стилем общения, четко различать ситуации, в которых можно использовать тот или иной стиль.

Все перечисленные виды языковых игр должны применяться в процессе обучения регулярно и систематически, чтобы у учащихся формировался навык такого вида работы, и не требовалось слишком много времени на организационные моменты. Результаты, получаемые от проведения этих игр, послужат хорошей основой проведения и собственно деловых игр, которые активизируют учебный процесс и стимулируют познавательную деятельность, что приобретает особое значение в наше время, когда коммуникативно-ориентированное обучение иностранным языкам становится методическим стандартом. Методический стандарт подразумевает большее соответствие учебной коммуникации условиям естественного общения. Чем больше это соответствие, тем успешнее проходит процесс овладения тем или иным языком. Огромное значение в этой связи приобретают активные формы и методы обучения, к которым, безусловно,

следует отнести деловые игры, роль которых в обучении иностранному языку очень высока. В процессе деловой игры создается, моделируется реальная деятельность, в том числе и коммуникативная. Также деловая игра не только стимулирует учебный процесс, но и помогает воссоздать условия профессиональной деятельности, в которых предстоит работать будущим специалистам. В настоящее время специалисты по-разному подходят к определению понятия «деловая игра». Одни считают, что она является моделью процесса разработки и принятия решений [12], другие придерживаются позиции, что деловая игра представляет собой модель взаимодействия людей, которые стремятся достичь те или иные цели, например, экономические, политические или даже некоторые цели престижного характера [7]. Некоторые специалисты представляют деловую игру как модель, отражающую содержание, условия той или иной деятельности, динамику ее развития [13]. Различные практики и различный опыт человека имеют свои собственные характеристики, моделью которых, с точки зрения некоторых ученых, может также быть деловая игра [8]. По мнению других исследователей собственно деловая игра не является моделью, а является средством работы с моделью, которая содержится в структуре деловой игры. В этом смысле они рассматривают деловую игру, как только учебную игру [9]. С нашей точки зрения деловая игра представляет собой набор ситуаций, отражающих различные варианты профессионального общения. Этот набор объединяется целостным методическим сценарием. В этом смысле такой комплекс ситуаций может быть формой организации коллективной учебной работы. Он также может быть и формой контроля этой работы. Любая профессиональная деятельность специалиста имеет свой предмет, свое социальное содержание. Деловая игра, по нашему мнению, должна отражать этот предмет и это содержание. Она должна моделировать отношения, характерные для той или иной деятельности, должна предлагать ситуации, в которых отражаются профессиональные проблемы, с которыми придется сталкиваться будущим специалистам. В результате конфликтной ситуации, которая, как правило, создается в ходе деловой игры, участники могут показать

как свои профессиональные знания и умения, так и степень владения навыками общения на иностранном языке, если мы говорим об использовании деловой игры в ходе занятия по иностранному языку. Способность определить проблему, проанализировать ситуацию, предложить способы решения проблемы, отобрать наиболее эффективные из них - это те умения, которые вырабатываются в процессе деловой игры. Деловая игра в принципе носит межпредметный характер и чаще проводится по специальным дисциплинам. При этом в случае проведения игры на иностранном языке, совершенствуется навык иноязычного общения и закрепляется изученный материал. Игровая учебная задача, т.е. то, что должно быть сделано в ходе игры, та цель, которую ставит преподаватель, а именно овладение знаниями и умениями, является неотъемлемой составляющей деловой игры. Проведенную деловую игру можно считать успешной, если учебная задача была решена эффективно.

Специалисты, занимающиеся этим вопросом, различают следующие модификации деловых игр, применяемых в учебном процессе, а именно: операционные и имитационные игры, деловой театр и ролевые игры, психодрамы и социодрамы.

Ограниченность решаемых задач характеризует имитационные игры, целью которых является закрепление тех или иных навыков в творческой обстановке, акцентируя внимание на какой-то одной важной категории. Понятно, что применительно к занятиям по иностранному языку, от учащихся требуется очень хорошее знание и активное владение изученным к данному моменту лексико-грамматическим материалом. Применяя данную модификацию деловой игры можно имитировать события и какой-либо определенный вид деятельности людей в тех или иных ситуациях, например: производственное совещание, обсуждение плана или какого-нибудь предложения. При этом полезно воспроизвести условия, в которых происходит данное событие. Ознакомившись с ситуацией и фактами и явлениями, связанными с этой ситуацией, учащиеся должны предложить свои решения, которые необходимо обсудить коллективно. Что касается операционных игр, то они предназначены для отработки и выполнения конкретных опе-

раций таких, как ведения, например, пропаганды и агитации, решения задач, помогают овладеть методикой написания сочинений. При проведении таких игр необходимо моделировать соответствующий рабочий процесс. Учащиеся, принимающие участие в ролевой игре, должны, прежде всего, получить исходные данные по конкретной ситуации, а после этого взять на себя исполнение определенной роли. Другие учащиеся, в присутствии которых происходит исполнение ролей, должны оценить работу участников этой ситуации, оценить принятые ими решения. Оценка должна проводиться в зависимости от сценария игры и от действий других исполнителей. В этих условиях бывает невозможно предсказать развитие ситуации, что может выявить степень владения практическими профессиональными и социальными навыками, а также навыками владения языковым материалом, в случаях, когда деловая игра проводится на иностранном языке.

Еще одной модификацией деловой игры является «Деловой театр», в котором разыгрывают различные ситуации, варианты поведения людей в этих ситуациях. Здесь от участника игры требуется прибегнуть ко всему своему опыту и знаниям, что поможет ему вжиться в образ своего персонажа, понять как ему следует действовать, понять и оценить обстановку и в итоге, определив для себя линию поведения, принять правильное решение. Задача такой деловой игры заключается в том, чтобы участники научились правильно, объективно оценивать свое поведение в различных обстоятельствах, принимать во внимание возможности других лиц, входить с ними в контакт, оказывать на них влияние, изменять их потребности и линию поведения. Чтобы игра имела успех, требуется тщательно разработать сценарий, в котором подробно описать конкретные ситуации, определить функции участников, обозначить задачи, которые они должны решить, дать перечень обязанностей того или иного персонажа игры. Говоря о социодраме и психодраме, нужно отметить, что они во многом схожи с такими модификациями, как ролевые игры и «Деловой театр». Но здесь акцент смещается в сторону выработки умений прочувствовать ситуацию, которая складывается в коллективе, найти правильный вариант поведения, развить умение оценивать состояние другого члена коллектива и умение изменить

это состояние, войдя с ним в результативный контакт. Такие игры призваны обогатить опыт социально ориентированного поведения участников. Социодрамы учат ориентироваться в различных жизненных ситуациях, помогают понимать мотивы поведения других людей.

В процессе преподавания иностранных языков деловые игры могут использоваться и как метод обучения, и как метод контроля на завершающем этапе изучения темы. Деловую игру можно с успехом использовать и на продолженном обучении в высших учебных заведениях. Особенностью проведения деловой игры на иностранном языке является, помимо общих требований, то, что ей должна предшествовать большая работа, направленная на усвоение определенного лексико-грамматического материала на базе лексических, грамматических, условно-речевых и речевых упражнений.

Итак, в рамках вербального процесса специалист должен уметь выслушать и понять речь собеседника, доказать или опровергнуть тот или иной факт, аргументированно выразить свою позицию. Следовательно, решая коммуникативную задачу с помощью иностранного языка, преподаватель создает реальные и воображаемые ситуации общения, что позволяет изучить базовую лексику и терминологию необходимую для ведения бесед, деловых переговоров, заключения контрактов с иностранными партнерами. Таким образом, осуществляется естественный переход к формированию навыков корректного общения как в социокультурной, так и в профессиональной сфере. Тем самым обеспечивается первый шаг студента к его профессиональному успеху.

Список литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: пер. с англ. Берн Э.Л., Лениздат. 1992.
2. Виниченко Н.В. Сущность коммуникативного метода обучения иностранным языкам в современном образовании. В сборнике: Инновационные технологии в современном образовании сборник трудов по материалам II Международной научно-практической интернет-конференции. 2015. С. 59-62.

3. Воеводина И.В., Пермякова С.П. Технология проведения деловой игры. В сборнике: Инновационные технологии в современном образовании сборник трудов по материалам II Международной научно-практической интернет-конференции. 2015. С. 62-64.
4. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 336 с.
5. Деркач А.А., Щербак С.Ф. Педагогическая эвристика. Искусство овладения иностранным языком./ А.А. Деркач, С.Ф. Щербак. М.: Педагогика, 1991. 224 с.
6. Доможирова М.А. Деловая игра в обучении профессионально ориентированному общению на иностранном языке студентов неязыковых вузов: Дис. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. СПб. 2002, 209 с.
7. Емельянов С.В. и др. Метод деловых игр. Обзор / Емельянов С.В., Бурков В.Н., Ивановский А.Г. М.: 1976. 58 с.
8. Змиевская Е.В. Учебная деловая игра в организации самостоятельной работы студентов педагогических вузов: Дис. на соиск. учен степ канд пед наук. М., 1993. 169 с.
9. Игровое моделирование в деятельности педагога: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. В.А. Слостенина, И.А. Колесниковой. М.: Академия, 2006. 368 с.
10. Красикова Т.И. Инновационные формы и методы организации учебного процесса в системе преподавания иностранного языка. В сборнике: Коммуникация в современном поликультурном мире: прагматика лингвистического знака Отв. ред. Т.А. Барановская. Москва, 2015. С. 314-321.
11. Пермякова С.П. Использование деловых игр в обучении студентов иностранному языку. В сборнике: Актуальные вопросы образования и науки сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 11 частях. 2014. С. 93-94.
12. Шамаков С.А. Игры учащихся – феномен культуры. М.: Новая школа, 1994. 240 с.
13. Элькони Д.Б. Психология игры / М.: Просвещение, 1987. 350 с.

О ПОТЕНЦИАЛЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

Галева Ф.Т., Хусаинова Г.Р.

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

В статье рассматриваются и анализируются свойства, потенциал дисциплины «Иностранный язык» для развития творческих способностей обучающихся, рассматриваются организационные формы, методы и средства, которые используются исследователями в области творчества на занятиях по иностранному языку. Анализ трудов лингводидактов и исследователей творчества на занятиях по иностранному языку, позволяет сделать вывод о его большом потенциале «Иностранный язык» для данной цели.

***Ключевые слова:** иностранный язык; творческие способности; лингводидактика; развитие; профессиональная коммуникация.*

THE POTENTIAL OF FOREIGN LANGUAGES AS A DISCIPLINE FOR THE DEVELOPMENT OF THE STUDENTS' CREATIVITY

Galeeva F.T., Khusainova G.R.

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

The article deals with and analyzes the characteristic features and the potential of the foreign language as a discipline for the development of the creative abilities of the students. The article also studies the organizational forms, methods and tools used by the creativity researchers at the foreign language classes. The analysis of the researchers in the field of creativity and linguistics

gives us the right to conclude that foreign language has great potential for the above-mentioned purpose.

Keywords: *foreign language; creative abilities; linguodidactics; development; professional communication.*

Об особенностях влияния дисциплины «Иностранный язык» на личность писали многие ученые. Например, выдающийся ученый, мыслитель, классик советской психологии Л.С.Выготский сопоставляя усвоение родного и иностранного языка показал, что при овладении родным языком идет развитие мышления и познания, а при изучении иностранного языка - приобщение к новым способам мысли. К.Д.Ушинский подчеркивал, что среди учебных предметов нет ни одного предмета, столь способного развить человека, как изучение им языка. По его мнению, главное заключается в нравственном применении результатов обучения. Показателем такого применения будет не столько количество знаний, сколько то, на что они пойдут, в какие взгляды и убеждения сложатся и какое окажут влияние на образ мыслей, чувств и поведение обучающегося. Утвержденный К.Д. Ушинским принцип воспитывающего обучения (единства обучения и воспитания) имеет важное значение в педагогическом процессе по иностранному языку, в частности, для развития творческих способностей.

Исследователи лаборатории А.М. Матюшкина подтверждают, что овладение языками способствует развитию творческих способностей, так как формирует непредвзятый взгляд на мир, более гибкий подход к проблемам и к различным формам самовыражения [5]. Процесс овладения иностранным языком по мнению таких лингводидактов как Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез [1] имеет «активный, творческий, когнитивный характер». Особое внимание уделяли отечественные исследователи особенностям предмета иностранный язык на формирование личности студента (И.Л. Бим, И.В. Лабутова, Г.А. Китайгородская, Е.И. Перовский и др.). Достижение воспитательных целей в педагогическом процессе по иностранному языку, по их мнению, возможно лишь при условии умения общаться на изучаемом

языке. Следует отметить, что в вуз студенты приходят из школы уже с достаточно сформированными навыками коммуникации.

Автор коммуникативного метода Е.И. Пассов предлагает следовать принципу избыточности языкового материала и сочетать управление с эвристикой на занятиях по иностранному языку. А.А. Леонтьев [4] отмечает творческий характер коммуникативно-речевых умений, так как ситуации общения никогда не повторяются полностью, и каждый раз человеку приходится заново выбирать нужные языковые средства.

В диссертационном исследовании И.И. Игнатенко иностранный язык рассматривается как предмет, «несущий не только систему лингвистических знаний, но и формирующий и развивающий личность студента в процессе овладения этими знаниями» [2, с. 164]. Доказывается способность влияния предмета «иностраный язык» на раскрытие творческого потенциала личности студентов. Подчеркивается, что специфика предмета «иностраный язык» в том, что им трудно овладеть без творческого подхода. Исследователем выявлено, что изучение дисциплины иностранный язык предоставляет значительные возможности с точки зрения раскрытия творческого потенциала личности студентов благодаря наличию следующих факторов:

- достаточное количество учебных часов для осуществления подготовки будущего творческого специалиста.
- малочисленный характер языковых учебных групп (10-15 человек), что дает возможность непосредственного общения с каждым студентом и личной централизованности заданий.
- лично-обращенный характер материала;
- нацеленность на непосредственное личностное общение, диалог;
- естественность включения в задания лично-центрированных элементов, обращение к субъектному опыту студента, стимуляция положительных эмоций;
- побуждение к самообразованию, самостоятельности и независимости; регулярный контроль личностных трансформаций студента в процессе усвоения материала, выявление трудностей;

- обеспечение сопричастности и сотрудничества;
- глобальность и междисциплинарность тем и проблем;
- насыщенность заданиями открытого типа;
- направленность на развитие рефлексии и готовности к самооценке.

Развивающая функция учебной информации (содержание обучения иностранного языка) по иностранному языку, а также потенциальные возможности организационных форм учебной деятельности на занятиях по иностранному языку раскрываются в исследовании И.Е. Межуевой. Она считает, что приобщение к иноязычной культуре, происходящее в процессе обучения иностранного языка, расширяет возможности общей и профессиональной культуры, частью которой выступает творческая активность будущего специалиста, при этом изучение иностранного языка рассматривается в связи с интеллектуальным и эмоциональным развитием личности, с будущей профессиональной деятельностью. «Языковая культура человека помогает правильно выразить вербальными средствами различные явления действительности, т.е. она создает сама по себе и предпосылки для развития творческих способностей и личности» [6, с. 8]. О.В. Чаплыгина считает, что иностранный язык способен развивать способности студентов, если изучаемые тексты в учебных пособиях будут отличаться разнообразием, если перенести акцент с описательно-документального на проблемный и критический способы презентации текстов, контрастивное сравнение языка и культуры, затронуть проблемы, характерные для повседневной жизни носителей языка и побуждающие к оценке различных мнений, собственного поведения в аналогичной ситуации, речевому взаимодействию [8].

З.И. Коннова под иноязычной профессиональной компетенцией будущего специалиста понимает выражение развитости продуктивно реализуемой в иноязычной профессиональной коммуникации системы качественных характеристик, которая включает культурологический кругозор и тезаурус, образованный суммой профессиональных языковых умений и навыков; высокую продуктивность иноязычной деятельности на базе развитых в процессе обучения лингвистических способностей; высокий

уровень творческого мышления, обеспечивающий процессы восприятия, структурирования, декодирования иноязычной информации профессионального характера; целостный комплекс знаний в языковой области, обеспечивающий самоопределение, развитие и саморазвитие личности в иноязычной профессиональной коммуникации. Общим показателем развитости иноязычной профессиональной компетенции выступает творческая активность специалиста в процессе иноязычного профессионального общения в будущей деятельности [3].

Лингвообразовательный процесс оказывает существенное влияние на формирование интеллекта, следовательно и на развитие профессионально важных творческих способностей. Об этом свидетельствуют результаты исследований по психологическому обоснованию изучения иностранного языка.

В ходе лингвообразовательного процесса, когда обучающийся погружен в деятельность активного реагирования, происходит активизация интегративной деятельности мозга, образуется огромное количество новых связей в мозгу человека. Ускорение выработки временных связей и дифференцировок является результатом импульсации одних и тех же нейронов, которая под влиянием совместного действия приводит к изменению функциональных свойств задействованных нейронов, что, в свою очередь приводит к актуализации потенциальных морфологических связей, т.е. к формированию специфических актуальных нейронных канстелляций, представляющих собой субстрат «более или менее стабильного аккумулятора умственного развития» и увеличения числа этих канстелляций свидетельствует о развитии умственных способностей индивида, т.е. его интеллекта [7, с. 42].

О том, что лингвообразовательный процесс в значительной степени способствует развитию интеллекта свидетельствует и то, что преподаватели многих профессионально-релевантных и общеобразовательных дисциплин неоднократно отмечают более высокий общеинтеллектуальный уровень студентов «языковых» групп по сравнению со студентами, не изучавшими иностранный язык в школе, более высокий уровень их

коммуникативной культуры, и эта разница становится более очевидной от курса к курсу.

Итак, анализируя труды лингводидактов и исследователей творчества на занятиях по иностранному языку, мы видим, что сам по себе предмет иностранный язык работает на развитие компонентов творческих способностей будущих специалистов. Это, по видимому, также связано с потенциалом дисциплины «Иностранный язык», которая, несмотря на то, что является «беспредметной» дисциплиной – в том смысле, что не дает человеку знаний о действительности, его преподавание концентрируется в основном на контекстном употреблении и изучении профессионально ориентированного материала на иностранном языке, что представляет ценность с точки зрения повышения уровня профессиональных знаний студентов по специальности. С точки зрения развития умений и способностей будущего специалиста иностранный язык ценен тем, что он предоставляет возможность моделирования любой нестандартной профессиональной ситуации будущего специалиста.

Например, на занятиях по иностранному языку применяются классические игры (games), решение коммуникативных задач (problem solving), интервью, дискуссии (interview, discussion), ролевые игры (role play, interaction, activities), моделирование реальных ситуаций (simulation), свободное общение (encounter) [2].

О.В. Чаплыгиной используется разнообразие способов представления учебной информации (например, использование газетной статьи, плаката, фото и др.), исследователем делаются выводы о необходимости перехода от описательного изложения материала к проблемно-критическому [Чаплыгина]. Н.В. Савчук, Г.А. Халюшовой, А.В. Крюковой, использующие различные методы визуализации, наглядности (пиктограммы, метод фразеологизмов, рассказы в картинках, «Spidergrams», структурирование учебного материала).

Зарубежными методистами в области иностранного языка используются различные творческие методы для развития навыков устной и письменной иноязычной речи. Например, в учебно-методическом пособии

«Writing» – «Письменные задания» автора Т. Хедж [9] приводятся письменные задания, имеющие в качестве конечного продукта целые тексты, рецензии, статьи, эссе и даже стихи. Также зарубежными методистами предлагаются задания, основанные на методе синектики, мозговом штурме, используются т.н. паутинные диаграммы и многие другие творческие методы.

Такой творческой деятельности, как написание стихов посвящено учебно-методическое пособие «Creative Poetry Writing» – «Творческое написание стихов» Д. Спайро [10]. В нем содержатся разнообразные упражнения по написанию стихов, в которых студентам предоставляется свобода творчества. Зарубежными методистами по иностранному языку доказывается, что такая творческая деятельность, как написание стихов, развивает речь, умение выразить свои мысли, коммуникативные способности. Творческий подход к изучению языка – важный вклад в восстановление баланса между познавательным и коммуникативным использованием языка. Творческая деятельность на занятиях по иностранному языку приносит оживление, продуктивность в процесс изучения языка, дает студентам возможность самовыражения.

Таким образом, потенциал дисциплины иностранный язык позволяет развивать творческие способности студентов, использовать различные средства, методы и формы обучения для данной цели.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам лингводидактика и методика/ Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. М.: Академия, 2007. 334 с.
2. Игнатенко И.И. Раскрытие творческого потенциала личности студентов в процессе изучения иностранного языка: автореф. дис. ...канд. пед. наук / И.И. Игнатенко. М., 2006. 22 с.
3. Коннова З.И. Развитие профессиональной иноязычной компетенции будущего специалиста при многоуровневом обучении в современном вузе: дис. докт. ...пед. наук/ З.И. Коннова. Тула, 2003. 355 с.
4. Леонтьев А.Н. Основы психолингвистики/ А.Н. Леонтьев. М.: Смысл, 2003

5. Матюшкин А.М. Вопросы методики экспериментальных исследований психологических закономерностей творческого мышления. В книге Научное творчество/ А.М. Матюшкин. М.: Наука, 1969. 375 с.
6. Межуева И.Е. Развитие творческой активности студентов неязыкового вуза в процессе моделирования иноязычной профессиональной деятельности будущего специалиста: дис. ... канд. пед. наук / И.Е. Межуева. Тула, 2004. 231 с.
7. Уварова Н.Л. Лингвообразовательный процесс в профессиональной подготовке государственных служащих/ Н.Л. Уварова. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии госуд.службы, 1998. 183 с.
8. Чаплыгина О.В. Педагогические условия развития творческой индивидуальности студентов (на примере изучения иностранного языка): дис. ... канд. пед. наук/ О.В. Чаплыгина. Курск, 2003. 163 с.
9. Hedge, T. Writing. Second Edition/ T. Hedge. Oxford University Press, 2004. 352 p.
10. Spiro, J. Creative Poetry Writing/ J. Spiro. Oxford University Press, 2005. 320 p.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ С АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ

Марченко С.Е., Пуленко Г.А.

Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Статья посвящена особенностям перевода юридических терминов с английского и немецкого языков. В статье раскрывается понятие термина, и говорится об отличительных чертах узкоспециальной лексики. Большое внимание уделяется трудностям перевода. Говорится о важности перевода иноязычной специальной юридической литературы.

Ключевые слова: терминология; понятие термин; узкоспециальная лексика; профессиональный юридический перевод; многозначность термина; контекст; переводческие аспекты.

THE PARTICULARITIES OF THE JUDICIAL TRANSLATION FROM ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES INTO RUSSIAN

Marchenko S.E., Pulenko G.A.

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Rostov Institute (the branch) of ARSUJ «The Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia»

The article is devoted to the particularities legal terminology's translation from English and German. The definition of the term and distinctive features of specialized vocabulary are discovered in it. The importance of translation of foreign special legal literature is informed.

***Keywords:** terminology; the definition “term”; specialized vocabulary; professional legal translation; the polysemy of the term; context; translational aspects.*

В вокабуляр базового лексического фонда входит терминология, включающая непосредственно номинативный терминологический слой, обычно в форме существительных и производные слова в форме других знаменательных частей речи: глаголы, наречия, прилагательные, падежно-предложные формы, выполняющие тоже терминологическую роль.

В различных областях знаний понятие термин обладает особыми чертами и представлениями, включает разный смысловой аспект и обозначается иначе. В подтверждение этому можно привести тот факт, что лингвисты определяют термин как заимствованное слово, потому, что оно явно контрастирует при сравнении со средствами родного языка. Для этих специалистов значимо использование данного слова во многих языках, а не существование дефиниции, что крайне необходимо, по мнению философов.

Новейший философский словарь 2003 года дает несколько толкований термина: «Термин» 1. Имя с оттенком специального (научного) его значения, уточняемого в контексте, какой – либо теории или отрасли знания. 2. В античной философии – понятие, фиксирующее устойчивые и непреходящие аспекты реальности в противоположность разнообразным и изменчивым ее чувственным образам.

«Термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин – это словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Термин – это основной понятийный элемент языка для специальных целей» [4, с. 14].

Термин – вербальная единица непосредственно связанная с конкретной единицей логико-понятийной системы в смысле содержания. Особенная характеристика термина заключается не в форме выражения, а в форме содержания, в дефиниции. Важно в обращении с термином

учитывать его главные отличительные признаки: специализированный характер, отнесенность к соответствующей терминосистеме, непосредственная связь с понятием. Необходимо, в этой связи, обратить внимание, что специалисты, занимающиеся составлением словарей, выделяют «чистые» термины, включающие в себя исключительно специальное значение и «смешанные», где совмещаются значения как специальные, так и неспециальные [2, с. 76].

Если рассматривать термин при нахождении его в составе своего терминологического пласта, он однозначен. Именно однозначность данного слова и его конкретность способствуют его отделению от других слов.

Изучая определенные аспекты формирования узкоспециальной лексики можно выявить, что зачастую, ее развитие происходит в противоположных направлениях. Общие направления формирования узкоспециальной лексики касаются основополагающих вопросов – появления термина и его использования. Обязательно необходимо включить уровень терминологии на сегодняшний день по определенным градациям: источники образования, варианты номинации, особенности использования терминов в научных текстах (вопросы введения термина, вопросы авторских ремарок и т.п.).

Отличительные черты узкоспециальной лексики выявляются при сопоставлении характеристик терминов, выделенных теоретически, иначе говоря, опираясь на функциональную и фактическую роль термина в специальном тексте, что помогает обозначить разнонаправленные тенденции. Данный факт, можно сказать, является закономерностью, так как он универсален для специальной лексики, управляет формированием этих терминов, уточняет их в процессе непосредственного совершенствования самого понятия. Здесь важно уточнить, что термин обязан называть определенное понятие, включение последнего выражается в дефиниции. Дефиниция – обязательный факт, без которого термин не может самостоятельно употребляться как единица номинации специального понятия. Связь дефиниции с термином обеспечивает обязательное соответствие и взаимозависимость термина и понятия. На основе этой зависимости обнаруживается

некая «свобода» употребления термина, отражающаяся в том, что рамки содержания понятия, называемого определенным термином, получаются лабильными (неустойчивыми). Все это приводит к особым вариантам использования термина в научной литературе. Иногда использование терминов случается без особых подготовительных мероприятий к их восприятию, т.е. без авторских комментариев и сносок. Аналогично употребляют термины универсальные с привычной семантикой, которые относятся к одной научной сфере. Сюда можно отнести, например: суффикс, аффикс, префикс, флексия в лингвистике; офтальмоскоп, тонометр, электромиограф, кюретаж, пункция в медицине; теплоизоляция, теплопроводность, акустика в физике. Если же речь идет о новых стремительно развивающихся сферах знания, безусловно, необходимы специальные ремарки (пояснения), которые позволяют ввести термин в текст. Данный факт вполне естественен для термина, так как рамки, в которых заключена сущность понятия неустойчивы, в связи с тем, что понятие само подвергается формированию или оценивается с разных позиций. Выделяют определенные способы введения термина в текст:

1) авторское терминопотребление — самый частый способ, осуществляемый с помощью авторских ремарок, определенного авторского восприятия, его видения;

2) рабочее терминопотребление – это такое терминопотребление, которое не в полной мере подходит к данному конкретному тексту. Данный способ по существу также авторский. Отличительная черта этого способа некий приспособительный характер. Такой вид употребления термина обязательно должен заранее преподноситься;

3) к вышеуказанному варианту можно отнести условные термины. Данный прием используется автором в качестве черного варианта.

Вышеприведенные способы терминопотребления связаны с дефиницией текста, границы, использования которой обусловлены конкретной работой, но, тем не менее, соотносятся с общим контекстом данной проблематики. Дефиниции текста обладают вариабельностью форм в отличие от словарных вариантов [3, с. 252].

Таким образом, указанная структура терминологической системы (общенаучная, межнаучная и узкоспециальная терминология) является лексико-семантической основой языка для специального использования.

Сегодня качественный профессиональный юридический перевод выполняется далеко не везде, так как здесь нужны не только знания иностранного языка, но и знания юридического характера: терминологии юриста-профессионала, юриспруденции в целом. Юридический перевод, как и любой другой специальный перевод, требует глубокой осведомлённости сразу в трёх областях знаний: переводоведения, юриспруденции и непосредственно самого иностранного языка. Для того, чтобы адаптировать юридический текст на иностранном языке, переводчику приходится решать сразу несколько задач:

- находить соответствия между иностранным и законодательством своей страны;
- подбирать вариативную лексику, которая в точности передавала бы смысл исходного сообщения;
- избегать искажения смысла.

Одна из трудностей перевода – многозначность термина в рамках одной отрасли знаний – права. Как известно, для термина, относящегося к группе однозначных лексических соответствий, характерна однозначность и независимость от контекста. Однако, на деле переводчик постоянно сталкивается с многозначностью терминов, значение которых выявляется только на основе контекста. Даже в рамках одной терминологической системы – области права – слово может иметь несколько значений, поэтому для правильного перевода требуется знание как лингвистического, так и экстралингвистического контекста.

Например, в английском языке: *security agreement* – договор о безопасности (дипломатический термин), договор об обеспечении долга (например, в договоре займа); *life office* – контора по страхованию жизни, пожизненная должность; *relief* – средство судебной защиты, освобождение от уплаты, ответственности, скидка на цены, налог; *execution of the contract* - исполнение контракта (исполнение условий контракта),

составление контракта (оформление / подписание контракта). В немецком языке *Delikt* – правонарушение, деликт, преступление, проступок; *Rechtspflege* – судопроизводство, правосудие; *Fahndung* – поимка, преследование; *Verbrechen* – проступок, преступление; *gesetzlos* – незаконный, неуступчивый; *Mitwisser* – соучастник, укрыватель, сообщник.

При переводе многозначного термина рекомендуется, прежде всего, изучить широкий контекст: 1) принадлежность к определенной правовой системе; 2) отрасль права, к которой относится предмет описываемого текста (международное, контрактное, право интеллектуальной собственности, страхование и т.п.); 3) тип текста (договор купли-продажи, доверенность и т.п.).

Если широкий контекст не проясняет значения термина, следует посмотреть определение термина в толковом юридическом словаре и других справочных источниках, при этом следует обращать внимание на словарные пометы, относящие термин к различным сферам употребления.

После выбора нужного значения слова важно проверить его на соответствие узкому контексту, т.е. подходит ли выбранное значение по смыслу переводимого предложения, абзаца [5, с. 125].

Следующая сложность, которая более распространена при переводах юридических текстов — это многозначность общелитературной лексики, используемой в качестве термина или в его составе. Для юридического языка характерно использование слов и словосочетаний, встречающихся в обыденной речи, и казалось бы простых и прозрачных по их семантике. На самом деле, в юридических текстах такая терминология приобретает иное значение, где логическую связь с обычными значениями установить непросто. Слова литературного языка также могут входить в состав терминов и, будучи многозначными, осложнять их понимание. Таким образом, данная трудность касается выбора правильного значения слова, которое либо находится на периферии значений данного слова, либо является омонимом. В данной ситуации необходимо обращать внимание на узкий и широкий контекст, изучить другие значения слова по словарю, не изменяя точного смысла. Например, английский глагол *try* обозначает

пытаться, попытаться, а в юридическом контексте – рассмотреть, немецкое существительное *Recht* имеет массу значений, *Mord* – убийство, а в уголовном праве – преднамеренное убийство.

Термины-метафоры и термины-идиомы также составляют нелегкую дилемму. В эту группу терминов входят словосочетания, которые состоят из слов с метафорическим значением, а также термины-фразеологизмы. Трудность перевода таких терминов заключается в том, что их внутренняя форма, даже если она иногда весьма легка и понятна, не позволяет переводчику получить значение всей терминологической единицы. Другими словами, вывести значение таких словосочетаний бывает далеко не просто, а дословный перевод всех компонентов словосочетания (калькирование) в этих случаях, как правило, не передает значение такого термина. Например, в немецком языке: *Abschied nehmen* – прощаться, расставаться (вместо *sterben* – умирать), а в английском *burglar* – вор (форточник, взломщик), вор-домушник, ловкий вор, ночной грабитель; *Kings bounty* – пособие матери, родившей тройню или королевская щедрость. Если термин является идиомой или содержит метафорические или метонимические значения, то дословный перевод таких терминов, как правило, не допускается. Необходимо определить точное значение терминологического словосочетания, при этом использовать словари и справочные источники, не отклоняясь от контекста. Или для передачи значения термина использовать описательный перевод, который в дальнейшем может быть сокращен до ключевого слова, например: *Kings bounty* – пособие. Если внутренняя форма термина коммуникативно – значима, то такой термин может быть переведен. Переведенное слово с переносным (образным) значением заключается в кавычки, а рядом приводится описательный перевод. Например: *channelcaptain* – «капитан» сбытового канала или наиболее влиятельный участник торгово-распределительной сети товаров. [5, с. 140].

Еще одна особенность перевода юридических терминов, но это касается немецкого языка – перевод сложных существительных, так как только в немецком языке есть такое количество и такие сложные слова.

Например, *Körperverletzung* – телесное повреждение, *Verkehrsunfall* – дорожное происшествие, *Affekthandlung* – действие в состоянии аффекта. При переводе таких терминов, необходимо быть предельно внимательным, так как легко допустить ошибки при переводе.

Перевод иноязычной специальной юридической литературы интересен и важен тем, что специалист не только постигает переводческие аспекты, но и получает информацию об особенностях менталитета, обычаях, уровне развития инфраструктуры, в частности юриспруденции, страны переводимого языка.

Список литературы

1. Грицанов А.А. Термин // Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 1037.
2. Денисов П.Н. Типология учебных словарей. М., 1977.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2006.
4. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. М.: «Наука», 1989.
5. Томсон В.Г. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков // Тезисы в научно-методических сборниках, 2004.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЗЕМЛЯ В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ

Маточкина А.Е.

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена проблемам составления учебного словаря русских пословиц для иностранных студентов-филологов на примере паремий с компонентом земля. Предлагается классификация пословиц с компонентом земля по установкам культуры. Установки, выявленные в результате классификации, сопоставлены с основными значениями лексемы земля, представленными в различных словарях. В конце работы приведены примеры анализа пословиц и предложена структура словарной статьи.

***Ключевые слова:** пословицы; лингвокультурография; установки культуры; земля; алгоритм анализа пословиц; модель словарной статьи; словичная картина мира.*

PROBLEMS OF REPRESENTING PROVERBS WITH A COMPONENT EARTH/LAND/GROUND IN STUDY DICTIONARY FOR FOREIGN STUDENTS

Matochkina A.E.

RSPU Al Herzen, Sait-Petersburg, Russia

The article focuses on composing study dictionary of Russian proverbs for foreign students of philology. We suggest a classification of proverbs with a component earth/land/ground by cultural guidelines. Cultural guidelines resulting classification were compared with basic meanings of Russian lexeme earth/land/ground given by various dictionaries. In the end of the article we give examples of proverbs' analysis and suggest structure of a dictionary entry.

***Keywords:** proverbs; cultural linguistics description; cultural guidelines; earth/land/ground; algorithm of proverbs' analysis; a model of a dictionary entry; proverbial picture of the world.*

Пословицы изучаемого языка всегда вызывают у иностранных студентов большие трудности. Основные **проблемы** связаны с тем, что существующие словари пословиц, ориентированные на носителя языка, как правило, представляют единицы в виде списка, подавляющее большинство единиц приводится без толкования. Данные о пословицах, представленные в подобных словарях, являются для студентов-инофонов малоинформативными.

Объектом исследования являются паремии с компонентом *земля*.

Нами составлена классификация пословиц с компонентом *земля* по установкам культуры, проведён лингвокультурологический анализ отобранных единиц, составлена модель русского стереотипного представления о земле и предложена модель статьи учебного словаря.

Новизна результатов исследования заключается в определении места и роли исследуемого пословичного фрагмента в русской языковой картине мира и лингвокультурологическом подходе к его описанию.

Методом сплошной выборки из «Словаря русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной для анализа было отобрано 168 единиц с компонентом *земля*. Поскольку целью нашей работы является лингвокультурологическое описание русских паремий с целью их презентации в иностранной аудитории, представляется целесообразным минимизировать материал путём исключения из списка единиц, являющихся устаревшими или диалектными, а также содержащих обценную лексику. В результате минимизации количество пословиц сократилось со 168 до 20.

Лексема *земля* в толковых словарях русского языка

С целью выявления основных значений лексемы *земля* нами были проанализированы словарь под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [7], словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой [4], Большой толковый

словарь русского языка [2], Большой академический словарь русского языка [1] и словарь живого великорусского языка В.И. Даля [3].

Сопоставив данные словарей, мы считаем важным отметить следующее.

1. Основными значениями, которые встретились во всех пяти словарях, являются следующие: *земля* – это ‘планета’; *земля* – это ‘суша’; *земля* – это ‘территория, страна’; *земля* – это ‘почва, грунт’.

2. Значение *земля* – это ‘место обитания людей’ зафиксировано только в трёх словарях. Словарь под ред. Н.Ю. Шведовой и словарь под ред. А.П. Евгеньевой не выделяют данную дефиницию. На наш взгляд, это связано с тем, что составители словарей относят её к более общему определению: *земля* – ‘это планета’ (см. Дефиницию в словаре под ред. Евгеньевой: «*земля – третья от солнца обитаемая нами планета*»).

3. Значение *земля* – ‘это вещество, входящее в состав земной коры’ не выделено в Большом академическом словаре. Представляется возможным предположить, что в данном словаре это толкование имплицитно включено в дефиницию *земля* – ‘это почва, грунт’.

4. Дефиниции *земля* – ‘фон ткани’; *земля* – ‘административная единица в Германии и Австрии’; *земля* – ‘вещество в составе красок’ также представлены не во всех словарях. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что они являются периферийными. Значение *земля* – ‘фон ткани’ вышло из употребления, что зафиксировано в словарях под редакцией А.П. Евгеньевой и Большом академическом словаре. Значение *земля* – ‘административная единица в Германии и Австрии’ является узко-территориальным, а значение *земля* – ‘вещество в составе красок’ – узко-специальным и, следовательно, малоизвестным носителям русского языка.

Классификация пословиц с компонентом *земля*

Для детального анализа паремий нами была составлена их классификация по установкам культуры. В.Н. Телия определяет установки культуры как «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» [6, с. 18].

В своей работе под установкой культуры мы понимаем дидактическую идею, представляющую собой вербализованную в нескольких паремийных единицах мораль или суждение, являющиеся результатом многолетних наблюдений народа – носителя языка. Каждая поговорка – это свёрнутая ситуация, которая может быть организована образом, паремийным биномом или выражаться прямо, без всякой образности. Кроме того, установка культуры в нашем понимании может восходить к некоему архетипическому представлению, символическим значениям центрального компонента-названия стихии или, в случае отсутствия образности в паремии, к одному из «словарных» значений полисемантического существительного (например, *вода, земля, огонь* или *воздух*). Архетипическое представление со временем может затемняться, соответственно, может трансформироваться и основанная на нём установка культуры.

1. Земля – твердь, созданная Богом, и населённая людьми (3 единицы): *Земля на трёх китах стоит; Дальше земли не упадёшь; На земле гостем жить хорошо, хозяином и того лучше.*

2. Земля как ограниченное пространство (2 единицы): *Нам с тобой тесно на земле; Земля слухами полнится (пользуется).*

3. Земля как Родина, государство, территория (4 единицы): *На своей земле каждый кустик ночевать пустит; В своей земле никто пророком не бывает; Нельзя земле без царя стоять; На чьей земле стою, того и хвалю.*

4. Земля как символ плодоносящего начала (7 единиц): *Земля труд любит; Возвращай земле долг – будет толк; Не поклоняясь до земли, грибка не подымеешь; Как ты к земле, так и она к тебе; С землёй не хитри: сам себя обманеешь; Нет плохой земли, есть плохие хозяева (пахари); Землю вскачь не паирут.*

5. Земля как последнее пристанище (2 единицы): *Земля всех сравнивает; Не грешит, кто в земле лежит.*

6. Земля как нечто глубинное, скрытое от людских глаз, сокровенное (2 единицы): *Из земли счастья не выраешь; Хоть из земли достань, да подай.*

Сопоставляя предлагаемую классификацию с толкованиями лексемы *земля* различными словарями, мы считаем важным отметить следующее:

1. Такие установки культуры, как *земля – твердь, созданная Богом и населённая людьми* и *земля как Родина, территория, государство* частично совпадают со словарными дефинициями. Данное явление является отражением языкового сознания носителей русского языка.

2. Установки *земля как ограниченное пространство* и *земля как нечто глубинное, скрытое от людских глаз, сокровенное* имплицитно накладываются на дефиниции *земля – ‘земной шар, место обитания людей’* и *земля – это ‘недра, её глубокие слои’*.

3. Установка *земля как символ плодоносящего начала*, на наш взгляд, лишь отчасти совпадает со словарной дефиницией *земля – это ‘почва’*, поскольку помимо этого значения включает в себя представления русских людей о земле, как о щедрой матери-кормилице, требующей к себе уважительного и справедливого отношения. Установка *земля как последнее пристанище* тоже только частично соотносится с определением земли, как недр и глубоких слоёв.

В связи со сказанным в работе предлагается следующий алгоритм анализа пословиц, в основе которого лежит ряд параметров:

- Толкование значения;
- Этимология выражения;
- Лингвокультурологический комментарий;
- Иллюстративный материал;
- Особенности функционирования в современной речи.

Представленные параметры анализа паремии не подразумевают обязательного выделения отдельных зон описания и облигаторности каждого из параметров для анализа всех единиц. Этимология выражения, биномная характеристика, как и иллюстративный материал, в некоторых случаях могут отсутствовать.

Лингвокультурологический комментарий включает описание стереотипного представления, вербализуемого паремиологической единицей, анализ образности и пословичных биномов в составе паремий (при их

наличии), отсылку к вербализуемому коду культуры. Этимологическая справка также является составной частью лингвокультурологического комментария. В некоторых случаях привлекаются данные опроса носителей языка относительно восприятия той или иной единицы.

Следует отметить, что в целом все предложенные параметры описания паремий, на наш взгляд, служат представлению наиболее полного лингвокультурологического комментария. Так, иллюстративный материал и отмечаемые особенности функционирования единиц в современной русской речи свидетельствуют о стабильности / не стабильности вербализуемых в паремиях установок культуры, тенденциях и изменениях в современном языковом сознании носителя русского языка.

Ниже приведём пример анализа некоторых пословиц с компонентом *земля*.

Земля на трёх китах стоит.

Выражение основано на космогонических мифах. «Представление о зооморфных существах (гигантской рыбе или двух, трёх, четырёх, семи рыбах, змее, черепахе и т.п.), удерживающих на себе землю, характерны для восточных и особенно южных славян, значительно реже встречаются в западно-славянских верованиях» [5, с. 315].

В современных источниках пословица приобретает следующее значение: ‘архаичное представление об устройстве мира, предрассудок’: «Сегодня уже всем известно, что *Земля* вовсе *не держится на трех китах* или слонах, стоящих на спине у гигантской черепахи, но как ни удивительно, некоторые в это до сих пор верят» [13].

В современных контекстах чаще встречаются примеры замены компонента «земля» на другие компоненты, обозначающие страну, город или абстрактное понятие: «Россия стоит на трёх китах – наука, образование, культура» [12]; «Женское семейное счастье *покоится на трех китах*: 1. никогда не говори мужу, что сказала тебе твоя мать, 2. никогда не говори своей матери, что сказал тебе муж, 3. никогда, никому, ничего не говори о том, что происходит в твоей семье!» [8].

Основываясь на данных примерах, представляется возможным отметить, что в настоящее время главным компонентом паремии является словосочетание *на трёх китах*, обозначающее самые важные аспекты, основу, необходимые для поддержания благосостояния чего-либо. В связи с вариативностью формы (*(что) на трёх китах стоит / (что) на трёх китах покоится*) представляется возможным сделать вывод о распространённости не пословицы, а именно данной модели в современной речи.

Нам с тобой тесно на земле.

В словарях пословиц нам не удалось найти толкование данной единицы, поэтому мы предлагаем собственную дефиницию: ‘о людях, которые часто ссорятся, не могут ужиться вместе’.

Данное выражение является отсылкой к древним представлениям о том, что земля, как некоторый единый участок суши, со всех сторон окружена морем [5, с. 315]. На небольшом участке часто бывает трудно ужиться людям, ненавидящим друг друга.

В современных контекстах нам встретились примеры данной единицы с заменой первой части («*нам с тобой*» на «*нам*»). На наш взгляд, подобная замена свидетельствует о частотности употребления паремии в разговорной речи и её применимости к различным ситуациям, выходе из сферы сугубо личностных отношений двух людей: «Теперь я знаю, что у меня лично, у России и Украины есть враги. Такие враги, с которыми *нам* будет слишком *тесно на этой земле*» [9].

Помимо употребления пословицы в её основном значении нам также встретились примеры, в которых актуализируется представление о Земле, как крайне ограниченном пространстве, путём противопоставления пространства Земли и космоса: «Космическим войскам стало тесно на земле» [10]; «Российским академикам стало *тесно на Земле*: вчера Российская академия наук официально объявила о своем намерении создать собственный отряд космонавтов-исследователей» [10].

Не поклоняясь до земли, грибка не подымеешь.

В словаре «Пословицы русского народа В.И. Даля» данное выражение представлено в рубрике «смирение – гордость». Имеет значение ‘если хо-

чешь что-то получить, будь вежлив и относись к дающему с уважением' [3, с. 104].

В пословице проиллюстрировано представление о земле, как о всеобщей матери-прародительнице, к которой было необходимо относиться с большим почтением. Например, запрещалось плевать на землю, так как это значило плевать в глаза своей матери.

Бином *земля – гриб* отражает представление о земле как богатом источнике пищи, довольства, природной силы, питающей всё живое.

Однако в современном сознании образ земли-матери отходит на второй план. В лексеме «поклониться» вместо значения «проявить уважение» актуализируется значение «совершить усилие». Вот какое объяснение данного выражения встретилось нам на интернет-форуме: «- Объясните пословицу 'не поклоняясь до земли, грибка не возьмёшь'? – Элементарно! Чтобы достичь какого-либо результата – нужно для этого приложить усилие. – Да то же самое, что без труда не выловишь и рыбку из пруда. Можно ещё: дорогу осилит идущий. – Поясняю: работать надо, а не 'ура!' кричать. – Привет... это чтобы чего-то добиться придётся и потрудиться и ручки попачкать... лень вот смысл пословицы» [14].

На наш взгляд, данное изменение понимания паремии связано с уходом из сознания почтительного отношения к земле как к матери-кормилице и замене его представлением о почве как ресурсе, который даёт результат, если вкладывать в него усилия.

Примеров употребления выражения в современных контекстах нам не встретилось.

Обобщая анализ пословиц, можно предложить следующую модель стереотипного представления о земле, возникающего в пословичной картине мира. Земля – это твердь, созданная богом и заселённая людьми (*нет плохой земли, есть плохие хозяева*). Она является всеобщей кормилицей (*не поклоняясь до земли, грибка не подымеешь*), но если человек хочет получать хороший урожай, необходимо старательно трудиться (*земля труд любит; нет плохой земли, есть плохие пахари*). Кроме того, в недрах земли скрыты недоступные людям богатства. Земля – это и Родина,

место, где живёт человек (*нельзя земле без царя стоять; в своей земле каждый кустик ночевать пустит; в своей земле никто пророком не бывает*), но какой необъятной ни казалась бы эта территория, она, всё-таки, ограничена (*земля слухами полнится; нам с тобой тесно на земле*). В конце концов, земля служит и последним пристанищем человека (*земля всех сравнивает; не грешит, кто в земле лежит*).

На наш взгляд, словарная статья учебного словаря должна включать в себя следующие зоны: заголовочная единица, зона толкования значения; ситуация употребления; выражаемая интенция; зона этимологического комментария; выражаемая установка культуры; образность единицы; словичные биномы, зона иллюстративного материала, зона, описывающая современные тенденции употребления единицы.

Необходимо отметить, что некоторые из названных зон являются факультативными. Обязательными следует считать зоны толкования значения; ситуации употребления; выражаемой интенции; установки культуры.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка. М., СПб.: Наука, 2004. Т. 6. 829 с.
2. Большой толковый словарь русского языка . СПб.: Норинт, 1998. 1535 с.
3. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 700 с.
4. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1991. Т. 1. 696 с.
5. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: «Международные отношения», 1999. Т. 2. 687 с.
6. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры: сб. статей. М.: Языки славянской культуры / Под. ред. В.Н. Телия, 1999. С. 13-25.
7. Толковый словарь с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

8. Анекдоты в рунете. [Электронный ресурс]. URL: <http://anekdotov.net/anekdot/all/uzh3nikogdanikomunichegonegovoriotomchtoproishoditvtvoejseme.htm> (дата обращения: 17.10.2015).
9. Ежедневная газета Zavtra.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/yakimenok/> (дата обращения: 23.10.2015).
10. Издательский дом Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/360467> (дата обращения: 23.10.2015).
11. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.11.2015).
12. Невское время. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nvspb.ru/tops/sergey-mironov-rossiya-stoit-na-treh-kitah-41219> (дата обращения: 17.10.2015).
13. Новости Infoniac.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoniac.ru/news/Samye-neveroyatnye-teorii-o-nashei-planete-v-kotorye-my-do-sih-por-verim.html> (дата обращения: 17.10.2015).
14. Ответы Mail.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://otvet.mail.ru/question/18257272> (дата обращения: 17.10.2015).

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА

Нагорнова Е.В.

Институт иностранных языков Российского университета дружбы
народов, г. Москва, Российская Федерация

Природа в XVIII веке становится понятием многозначным. В английской философии и культуре XVIII века произошли существенные изменения, связанные с понятием Природа. Формируется новый взгляд на природу как эстетическую норму, в которую закладываются непропорциональность и асимметрия. Была предпринята попытка синтеза между верой, наукой, философией и искусством.

Ключевые слова: *открытие природы; наука; культура; философия; пейзаж; естественный человек; культ путешествия.*

PARTICULAR UNDERSTANDING OF NATURE IN ENGLISH LITERATURE AND CULTURE IN THE XVIII CENTURY

Nagornova E.V.

Institute of Foreign Languages of Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, the Russian Federation

Nature in the XVIII century became a multi-valued notion. In English philosophy and culture of the XVIII century there have been significant changes associated with the concept of Nature. It formed a new nature outlook as an aesthetic norm, which claimed disproportion and asymmetry. There was an attempt of synthesis between faith, science, philosophy and art.

Keywords: *discovery of nature; science; culture; philosophy; landscape; the nature of man; the cult of travel.*

Обращение человека к природе в XVIII веке – это событие, которое явилось показателем глобального сдвига, захватившего все сферы культурной жизни. Это был процесс единого развития, в котором философия, наука, искусство взаимно поддерживали и вдохновляли друг друга. Во всех сферах культуры происходил поиск духовного синтеза. В чем-то согласие и понимание были достигнуты. Так происходило в начале эпохи в Англии, где и был на временно установлен такой синтез. Он был основан на обновлении всех ценностей и на радикальном их пересмотре. Но полного растворения, которое предполагает понятие синтеза, не произошло. На деле это был не синтез, а скорее компромисс, подтвердившим противоречивый характер и самой социальной ситуации, его породившей. Все же попытка заключить *союз между верой, наукой, философией и искусством* была предпринята.

Так, расхождение между писанием и наукой снималось в учении о двух истинах, друг друга не отменяющих, внутренне непротиворечивых. Особую популярность приобретают те части Библии, где излагается картина творения. «Книга Иова», псалмы становятся объектами научного истолкования. Со стороны учёных лояльное отношение к вере не было уловкой. Хотя «гипотеза бога» становилась ненужной и даже обременительной при объяснении мироздания, существующего по законам механики, без неё не могли обойтись. Известно, что деисты, следуя Спинозе, принимали бога как первопричину мира, но выносили её за скобки понимания. Пантеисты «растворяли» бога в вечно творящей природе. В обоих случаях можно говорить фактически о еретическом шаге к объяснению природных явлений из их собственной сути.

И всё же, как известно, новое мировоззрение, в котором знание пыталось отделиться от веры, ещё только закладывалось. Этому способствовало развитие естественно-научной мысли, которая на языке XVII – начала XVIII веков обозначалась как «естественная (natural) философия» или «экспериментальная философия». Ко всему прочему, в 1663 году была окончательно утверждена английская Академия наук, носящая название «Королевское общество в Лондоне для распространения естественного

знания». Естественное знание – знание природы, познание её законов экспериментальным путём.

На рубеже XVII–XVIII веков английская наука и философия вырабатывают свой специфический язык, свою логику мышления. «Философия не является более силой, деятельной в этом мире, и её нельзя с какой-либо пользой вывести на публичную сцену. Мы замуровали её – бедную госпожу – в колледжах и кельях...» [8, с. 145].

Теперь человек стремился не к пространственным размышлениям о сущности бытия, о своём месте в природе и обществе, а к реальным действиям, к изучению природы и бытия, их первооснов. Это проявилось во всех сферах культуры Англии XVIII века, и, прежде всего, в искусстве.

В начале XVIII века формируется новый взгляд на природу как эстетическую норму. Человек восстаёт против засилья пропорций и правильности критериев классицизма, начинает оправдывать непропорциональность и асимметрию как норму. В связи с этим происходит возникновение ландшафтных парков. Они пришли на смену регулярным, выражая новую любовь к природе, которую человек готов принять такой, какая она есть, даже без правильных геометрических очертаний. Таким образом, интерес к непропорциональности возник со времён увлечения пейзажами садов, парков, где первенство было отдано примитивизму, естественности, первозданности. Искусственное, запланированное постепенно отходит на задний план, уступая место простому и естественному.

Всё это найдёт отражение и в литературе. Интерес к живописности усматривается как в литературе, так и в живописи, архитектуре, разведении садов и парков XVIII века. Это явилось результатом растущей популярности итальянского пейзажа среди англичан, да и всей итальянской культуры в целом. Англичане обожали путешествия в Италию, в страну прекрасных природных видов и пейзажей. Но картины итальянской природы уже не могли удовлетворить потребностей развивающегося художественного сознания эпохи. Человек стремился увидеть и понять мир, который ранее находился за пределами его познавательных возможностей.

Отношение всех видов искусств друг к другу через живописную оценку природы было близко и поэзии, и живописи, и архитектуре, и садово-парковому искусству, и искусству путешествия. Можно говорить о слиянии его в единый поток и выделении единого «искусства пейзажа». Именно эта комбинация и носит название «живописности». Отрезок живописности, через который прошли виды искусства, начиная с 1730 до 1830 годов, был в каждом случае прелюдией романтизма. «Понятие «picturesque», т. е. «живописность», зародилось в Англии в XVIII веке и так и осталось чисто английским понятием, не получившим распространения и приложения ни в одной стране континентальной Европы того времени» [4, с. 37]. Но если само эстетическое понятие действительно осталось в пределах Англии, то, по замечанию И.О. Шайтанова, «его воплощение в разных видах искусств сделалось широко известным и популярным» [7, с. 17].

Можно сказать, что с древнейших времён внутреннее родство различных видов искусства является стилиобразующей тенденцией в развитии художественной культуры. Эта тенденция проявилась и в эпоху Просвещения в Англии. Впитывая достижения смежных искусств, английская литература XVIII века обогащает их опытом своих достижений. Чтобы более ярко и зримо отразить своё отношение к предмету создания, углубить собственные представления о Природе и Человеке, художник в любой сфере искусства искал наиболее точные и зримые соединения красок и звуков, цвета и света, «из россыпей живой народной речи и многоголосья природы извлекал зрительно-слуховые образы» [5, с. 3]. Материалом живописца были краски, тем или иным образом положенные на холст (Т. Гейнсборо (1727-1788), А. Рамзей (1713-1784), С. Скотт (1702-1772), Р. Уилсон (1713-1782), У. Хогарт (1698-1764)). Из них возникал определённый вещественный, эмоционально-содержательный образ. Скульптор и архитектор работали с осязаемым материалом и достигали выразительности, оттачивая бесформенную глыбу, доводя формы до совершенства (Р. Бойл (1794-1753), Дж. Ванбру (1664-1726), К. Кемпбелл (1673-1729), У. Кент (1684-1748), Дж. Леони (1686-1746), К. Рен (1632-1723)).

Писатель работал со словами, подбирая их тщательным образом. Для каждого художника именно его материал являлся и является единственным средством запечатлеть мир и выразить себя. Мысль художника воссоздаёт целостный образ из простого слова или цветового мазка. Какое изображение и представление получается более определённым, живописное или словесное, не всегда можно выявить. Различные возможности живописного и словесного изображения как бы переплетены, и такое переплетение можно часто наблюдать в произведениях искусства XVIII века. Хотя взаимное влияние очень сильно, становится очевидным, что именно словесным искусствам англичане отдавали предпочтение. Словом как материалом выражения мыслей пользуется не только литература. Без него не обходятся и философия, и наука, и религия. Посредством него происходит общение людей. Словом можно выразить чувства и ощущения, мысли и убеждения, делать сообщения и воспитывать, выражать отношение и давать оценку. Именно поэтому эпоху Просвещения, можно назвать не только «эпохой театра» [3, с. 17], эпохой разума, но и «эпохой познания и воспитания».

Одним из центральных образов в литературе стал образ природы. «Открытие природы» (И. Шайтанов) произошло в XVIII веке, хотя, по замечанию А. Р. Гейзера, просветители «только подошли к нему, угадывая простейшие формы стихийного движения, внушившие мысль о самостоятельности природы, наличии у неё своих законов, однако представление об абсолютной неизменяемости природы ещё оставалось центральным для мировоззрения. Непосредственное ощущение в этот момент порой обгоняло концепцию» [2, с. 30]. Не случайно, произведения искусства и литературы нередко опережали открытия учёных. Писатели и художники обращались к образу природы «в качестве «патетической» попытки создать «иллюзию» «живой жизни» в обществе, где господствовало безжизненное» [6, с. 32].

Эстетическое сознание в Англии оказалось более восприимчивым, подвижным, по сравнению с остальными странами Европы, ибо принципы классицизма никогда не были там столь же прочно укоренены, как,

например, во Франции. К тому же и сам характер английской духовной среды способствовал обновлению взгляда на действительность.

Природа – цивилизация (общество), разум – чувство. Эти понятия нашли отражение уже в философии рубежа XVII–XVIII веков. Начиная с Т. Гоббса и Дж. Локка, именно природа мыслится уникальным и универсальным вместилищем человека и всей его культуры. Человек становится частью природы. Как точно было замечено Дж. Аддисоном в одном из номеров «Зрителя» в 1711 г., человек занимает среднее место между естественною и духовною природою, между видимым и невидимым миром.

Ещё у Т. Гоббса зародилась, а у Дж. Локка нашла просветительскую интерпретацию концепция «естественного человека», его «естественных прав» и «естественных чувств», которая вызывала философские дискуссии на протяжении всего XVIII века. Вопрос о том, какие чувства и побуждения человека можно считать «естественными», разделили философов. Так, Б. Мандевиль и Дж. Бентам утверждали вслед за Т. Гоббсом, что эгоизм является самым изначальным и естественным побуждением человеческой природы, видели задачу философа в том, чтобы использовать его, по возможности, во благо общества. Э. Шефтсбери и Ф. Хатчесон полагали, что альтруизм является столь же естественным в природе человека чувством, как и эгоизм. Согласно последней точке зрения, нравственно возвышавшей человека, природа предстала многозначным понятием: прекрасный образ сельской природы как наиболее благоприятной среды обитания для человека (пасторальность); образ Природы как универсума; «природа» – природное начало в человеке, его склонности и способности, воздействие природного окружения на его естественные страсти, душу. К тому же человек должен вписаться в гармоничную жизнь, заново осмыслить свои взаимоотношения с Природой на основе научных данных. Важно было не только уметь созерцать красоту первозданного бытия, а научиться быть рачительным хозяином этой первозданности. Но в то же время человек развивающегося века Просвещения должен был заново учиться чувствовать и ощущать себя лишь крохотной частицей мироздания. Эпоха Возрождения возвысила человека над природой, сделала его

совершенством мира, эталоном земной красоты. Теперь же достижения в области естественных и точных наук, развитие и укрепление межнациональных связей являлись доказательством несовершенства человеческого индивидуума, его зависимости не только от природных, естественных факторов, но и от социальных связей. «Естественный человек» эпохи Просвещения оставался, прежде всего, цивилизованным, зависимым от общества. Но вопрос о соотношении природы и цивилизации только начинал оформляться.

Благодаря модному увлечению - путешествию - расширился не только объём знания, но и всё пространство мира, представшего человеку. География и геология казались не только одними из самых увлекательных, но и опасных дисциплин, ибо подрывали библейскую картину творения мира, демонстрировали последствия длительных и трудных процессов создания природы и человека. Книга Т. Бёрнета «Священная теория земли», написанная в начале на латыни, но скоро (в 1684 году) переведённая на английский язык, была широко читаема. М. Х. Николсон [9, с. 331] на основании этого труда сделала вывод о том, что страсть к путешествиям в литературу приходит под влиянием науки и её открытий наряду с установлением торгово-экономических отношений. Развитие географических наук привело к установлению экономических и культурных связей. В связи с широким обновлением искусства в рамках просветительского реализма зарождается интерес к народному творчеству, искусству других эпох и народов. В музыке контрапункт уступает место гармонии, в живописи усиливаются реалистические тенденции, архитектура и декоративное искусство разрабатывают новые формы. В это движение составной частью вошла и волна увлечения Востоком, которая прокатилась по всей Европе.

Конец XVII и весь XVIII век можно с полным основанием назвать эпохой открытия Европой классической культуры и литературы Востока. Признаются их ценность и общечеловеческая значимость. Обращение к восточному искусству и литературе со стороны европейцев впервые принимает такой крупный масштаб, оказывает определённое воздействие на

развитие западной культуры и науки. В результате для рядового европейца, не покидавшего своей страны, Восток уже не является абстрактной страной чудес. Новые, более достоверные сведения о Востоке, вызвали рост интереса к его культуре. Просвещенные во всех отношениях европейцы с их высоким уровнем науки и культуры черпают много нового, полезного и необходимого из культуры Востока. Наряду с важными сведениями по медицине, занимательной культурной информацией, европейцы, путешествовавшие по Востоку, заметили совершенную близость местных жителей природе.

Культ путешествия был подлинным двигателем развития многих литературных жанров XVIII века. Образованный гражданин знал наряду со святынями своего отечества и Италию, и Грецию, и Египет, и другие земли. В путь, далёкий или близкий, отправлялись монархи со свитой учёных и художников, семьи, учителя с учениками. Описания городов, местностей с приложенными к ним гравюрами и картинами их не удовлетворяли. Но столь далёкие путешествия были доступны не всем. Чтобы просветить своих соотечественников, путешественник должен был стать, прежде всего, художником, способным представить реальную, наглядно-чувственную картину заморской действительности. Ему предстояло облачить всё, что им увидено, услышано, прочувствовано, в такую достоверную форму, чтобы зритель, читатель или слушатель смог так же ярко всё увидеть и прочувствовать сам. Он превращался в художника, поэта, философа и учёного в одном лице. Очень удобной формой преобразования такого рода информации становятся письма, дневники, эссе, путевые очерки.

Природа в XVIII веке становится понятием многозначным. Многие английские исследователи, такие, как А.О. Лавджой, С. Мор, Х. Николсон, уже в 1930–1950 годы XX века попытались опровергнуть те исследования, в которых понятие «природа» в английской литературе непосредственно связывалось с понятием «романтизма». Можно выделить более двадцати различных значений слова «природа», находящихся в обращении в эстетике конца XVII – начала XVIII века. Природа мыслилась как

нечто противоположенное цивилизации, как идеал совершенных форм и очертаний, как образец мудрости, рачительности, как мастерская или кладовая несметных богатств. Для одних она выступала разумным началом, для других – чувственным. Как результат – стремление человека постигнуть свою «человеческую природу», куда входило не только понятие разума, но и чувства, эмоции. С одной стороны, в природе всё прекрасно и совершенно, она является образцом для подражания и нормой, с другой – природа уже не определялась в качестве правильного, до мелочей просчитанного творения Создателя, хотя признавалась в качестве нормы, идеала для подражания. Открытия И. Ньютона способствовали созданию метафизической картины природы. Д. Юм применил основанный на опыте метод к «человеческой природе», то есть к субъекту. Понятия природы и человека ставились в один ряд как понятия одного порядка. В то же самое время XVIII век возвеличивал Разум человека и ставил его выше природы, которая только со временем становилась менее примитивной и более совершенной. А если добавить к ним ещё шестьдесят шесть норм использования понятия «природа», выделенных проф. Лавджоем, в политике, эстетике, метафизике, то закладывается основа для нового критического анализа «возвращения к Природе» во всех отраслях науки и культуры. Это делается с постоянной оглядкой на опасность слишком свободного оперирования понятием «Природа». С начала тысячелетия «возвращение к Природе» как образцу являлось процессом вхождения человека в природу, своеобразного «вчитывания» в неё, для того чтобы найти в ней то, к чему он стремился, увидеть, почувствовать и «прочитать» это снова и снова. С давних пор и по сегодняшний день «природа» – это сложное понятие, особенно для художественной мысли. Тем более без его осмысления невозможно дать верную оценку XVIII веку, который большинством исследователей признаётся веком «открытия природы» человеком.

Таким образом, в английской философии и культуре XVIII века произошли существенные изменения, связанные с понятием Природа. Человек иначе посмотрел на окружающую действительность, познал и ощутил свою прямую причастность к естественному началу – природе,

познал её подлинную красоту и мудрость. Природа становится основным предметом познания, изучения, созерцания, изображения.

Список литературы

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии. Воронеж: НПО МО ДЕК, 1996. 566 с.
2. Гейзер А.Р. Восточная тема в английской литературе XVIII века. Автореф. дис.канд. филол. наук: 10.01.05. Л., 1984. 19 с.
3. Ерофеева Н.Е. «Школа» как драматургический жанр во французской и русской литературе XVIII века. Орск: Изд-во ОГТИ, 1997. 204 с.
4. Кожин В.В. Виды искусства. М.: Искусство, 1960. 128 с.
5. Старкова З.С. Литература и живопись. М.: Просвещение, 1985. 112 с.
6. Тураев С.В. От Просвещения к романтизму. М.: Наука, 1983. 455 с.
7. Шайтанов И.О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии XVIII века. М.: «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 260 с.
8. Шефтсбери А. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975. 543 с.
9. Nicolson H.M. Mountain Gloom & Mountain Glory: the Development of the Aesthetics of the Infinite / printed in the USA by the Vail-Ballou press, INC, Binghamton. New York: Cornell Univ. Press, 1959. 422 p.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕЙЗАЖА КАК ОПИСАТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА КОМПОЗИЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

Нагорнова Е.В.

Институт иностранных языков Российского университета
дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

В жанре путешествия, в описательно-дидактической поэзии А. Поупа, А. Филлипса, Дж. Гэя, Дж. Уитни, Н. Тейта и других авторов начинает просматриваться связь между душевными чувствами и пейзажами. На смену описательности приходит изображение чувств, впечатлений. Наиболее продуктивными жанрами, в рамках которых происходило становление и развитие пейзажа в литературе, выступили эклога и некоторые «промежуточные» жанры, то есть письма, исповеди, путевые очерки, эссе.

Ключевые слова: пейзаж; уединение; эклоги; графичность; классицизм; Просвещение; чувства; разум.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF LANDSCAPE DEPICTING ELEMENT IN ENGLISH LITERATURE OF THE XVIII CENTURY

Nagornova E.V.

Institute of Foreign Languages of Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, the Russian Federation

In travel literature, in the descriptive and didactic poetry of A. Pope, A. Phillips, John. Gey, G. Whitney, N. Tate and others the connection between feelings and landscapes becomes vivid. The description of feelings and im-

pressions substitutes simple detail enumeration. The most productive genres in which the formation and development of the landscape depicting element in literature occurred, were eclogue "intermediate" genres, letters, confessions, travel essays, essays.

Keywords: *landscape; solitude; eclogues; graphic quality image; classicism; the Enlightenment; the senses; the mind.*

Развитие чувства природы в эпоху Просвещения теснейшим образом связано с исследованием и постижением окружающего мира, с многочисленными путешествиями с целью познания далёких и загадочных земель. Оно связано и со стремлением человека к *самопознанию*, к познанию своей души, своих сил и возможностей, своей личности, что становится более очевидным к середине XVIII века. Присутствие *человека в пейзаже* «...одухотворяет и леса, и травы, и воды (без этого мёртво и холодно любое описание природы). И не вообще леса и горы, не вообще природу, а частицу целого – лесную просеку, горную вершину, выделенные из общей картины; портрет данной местности (и, разумеется, ещё кое-что: мысль, чувство, особое настроение автора), потому что в изображении природы совершается движение от общего к индивидуальному, от пейзажа идиллистического, религиозного, условного, отвлечённого к пейзажу портретному, у которого проявляется точный почтовый адрес, а в то же время в бесконечно малом отражается вся беспредельность вселенной» [1, с. 370-371]. Такой пейзаж с конкретным адресатом, или *одухотворённый пейзаж*, начинает встречаться только в работах просветителей, которые обогащали знаниями своих современников.

«Пейзаж прекрасен тогда, когда *оживлён*», – говорил Н.Г. Чернышевский. К. Пигарёв, анализируя работу Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), пришёл к интересным и важным для нас выводам:

- во-первых, пейзаж оживляется непосредственным, зримым присутствием человека;
- во-вторых, в пейзаже могут так или иначе обнаруживаться следы его творческой деятельности;

- в-третьих, самый характер изображения природы несёт на себе отпечаток проецируемого на неё отношения человека, его чувств и мыслей;
- в-четвёртых, пейзаж приобретает одухотворённость, когда явления природы передаются в их динамике [3, с. 37-38].

Именно такой оживлённый пейзаж появляется у просветителей. Сначала все эти стороны просматриваются весьма слабо. Но постепенно, углубляясь в познание природы, человек ищет свои точки соприкосновения с ней, своё место и понимает, что между природой и ним существует нерасторжимая взаимосвязь. Это открытие человек стремится выразить в любой сфере своей деятельности, тем более художественной.

В это время наблюдается тенденция возрастания роли пейзажа в литературе. И уже в произведениях С. Ричардсона, Г. Филдинга, Т. Смоллетта, Л. Стерна, Г. Макензи, Ш. Леннокса, О. Голдсмита и других пейзажу уделяется всё больше внимания. Это напрямую связано с изменением концепции личности самого человека, где чувства зачастую становятся определяющими в раскрытии субъективной деятельности человека.

В Англии впервые зародилось сомнение в непоколебимости Разума. Это связано с именами Т. Гоббса, Дж. Локка, А. Поупа, М. Монтэню. Их мысли, воззрения были заимствованы Ш. Монтескье, А. Вольтером, Д. Дидро. И когда английская мысль стала умереннее, французы продолжали развивать смелые передовые идеи англичан. «Французские мыслители обращают взор к Англии, но сами англичане, вместе с остальной Европой, исповедуют французские вкусы, и английские мысли расходятся во французском переводе» [6, с. 43]. И уже ближе к середине XVIII века произошло возвращение заимствования. В литературе это нашло выражение в идеях иного, заинтересованного взгляда на природу и естественные, природные качества человека, что привело к развитию и совершенствованию пейзажа.

В начале XVIII века чрезмерное внимание к пейзажу нарушило бы стиль нарочито безыскусного повествования и вступило бы в противоречия с замыслом автора. Несомненно, что Дж. Свифт хотел наделить

своего героя трезвой деловитостью и практической смекалкой в гораздо большей степени, чем поэтическим воображением. Возможно, что и сам автор не придавал существенного значения пейзажу как одному из действенных средств психологической характеристики героя, точнее, это было ещё неизвестным решением для художников. Они ещё не подошли к всестороннему изображению и анализу личности героев, среды и самого действия.

Чтобы разбираться во всех тонкостях архитектоники произведений, нужен был опыт не одного поколения художников. Со временем писатели поняли, что описания природы, окрашенные соответствующим настроением, не только не тормозят действие, а, наоборот, сообщают ему большее напряжение и остроту.

Не только в жанре путешествия, но и в описательно-дидактической поэзии А. Поупа, А. Филиппа, Дж. Гэя, Дж. Уитни, Н. Тейта и других начинает просматриваться связь между душевными чувствами и пейзажами. В результате возникшей параллели между непорочной природой и порочным обществом, когда общество довлело над индивидом, диктовало ему свои законы, правила и принципы, а человек перестал быть свободным и «естественным», пейзаж, ландшафтные зарисовки, обращения к природе используются писателем все чаще.

Для того чтобы сохранить свою «естественность», независимость от общества и его пороков, человек стремится к *уединению*. Это стремление вызвано ещё и тем, что только наедине с природой можно прислушаться к своим чувствам и мыслям, желаниям и потребностям. Утверждение Разума эпохи классицизма теряет свою былую силу, человек всё больше начинает доверять чувствам, а чувства влекут его к природе, к уединению. Уединение добровольно, оно есть результат сознательного, разумного выбора. Но этот выбор не означает полного бездействия, впадения в размышления. Говоря строками из стихотворения «Гимн уединению» (1700) Н. Тейта, результатом такого выбора является «уединённая, но деятельная жизнь». Местом для подобного уединения обычно выступает небольшое поместье, в котором возможно жить благородно, но без роско-

ши. Так, например, в стихотворении «Выбор» (1699) Дж. Помфрета нет ни тени «мизантропии, противной духу просветительской веры в человеческую доброту, отстаиваемую и в самом начале века Шефтсбери и в середине его, когда делать это гораздо сложнее, Филдингом – Том Джонс, вступающий в полемику с Горным Отшельником. Человек живёт не ненавистью, не отрицанием, а положительными ценностями: он исповедует культ дружбы, разумных и умеренных удовольствий, где ему путеводителем – Гораций, Вергилий, Овидий» [4, с. 12]. Важна и близость природе – лес и поле. Однако не менее важна и близость городу, воплощению цивилизации и общественности:

Built uniform, not little, not too great:
Near some fair town I'd have a private seat,
Better if on a rising land it stood;
On this side fields, on that a neighbouring wood.
Иметь усадьбу рядом с городком хотел бы я,
Чтоб в окна виден был соседний лес, цветущие поля,
И стройный особняк, стоящий на холме,
Имел обычный стиль и был приятен мне. [11]

По отношению к обществу уединённый человек всегда готов исполнить свой долг, если понадобится, то и послужить королю, с готовностью прийти с «пером, советом и шпагой». Просветительский герой не рискует удалиться от города так далеко, чтобы уже потерять его из виду. В своё время такая привязанность просветителей к городу вызвала у М. Рейнольдз подозрение в искренности их устремлённости на лоно природы. Исследовательница привела немало высказываний в подтверждение того, что ранние просветители – убеждённые горожане, что они готовы заявить: «Ни один разумный человек не будет жить далее, чем в шести милях от Лондона» [7, с. 218]. Важно, конечно, и другое - то, что оппозиция города и сельской местности, природы и цивилизации вошла в сознание англичан, вначале, реализуя себя в подражаниях римским поэтам, потом обретая самостоятельность, переносясь на английскую почву, и уже не только в поэзию, но и в другие жанры литературы. Так, пастораль, на-

пример, продолжала играть заметную роль в системе жанров английской, а также и других европейских литератур Нового времени. Культурные идеалы досуга на лоне природы, посвященного любви, поэзии, философскому созерцанию, выразившиеся, прежде всего, эклогой, не утрачивают своего значения. И дальнейшее развитие этого литературного жанра, как и многих других, было связано с попыткой расширения его тематики и содержания. Многие авторы, такие, как Дж. Свифт «Городские эклоги» (1710), М. Монтэгио «Городские эклоги» (1715), Дж. Гэй «Городские эклоги» (1720), будут использовать эклогу для изображения городской жизни.

В пасторали, в прозаической литературе встречаются разнообразные клише, традиционные эпитеты при описании местности или места происходящего события. Вместо описания объекта авторы просто замечают, что пейзаж «приятен» или «неприятен». Краски скупы, поэтому пейзаж «графичен» в изображении. Слово “blue” передавало все оттенки синего, лазурного, голубого. Большим шагом вперед можно считать появление цветовой палитры в работах того периода. Особое внимание начинает уделяться детальному образу ландшафта, виду местности, климатическим характеристикам. Так отмечается разнообразие флоры и фауны. В описании все чаще видны детали, связанные с интересами и жизненным укладом местных жителей, особенностями их национального характера. Для культуры и искусства первой половины XVIII века – это важное новшество.

В живописи и графике такой прием изображения вида открывающейся местности называется перспективно-панорамным. Здесь можно выделить такие признаки как стройность и симметричность композиции, которая задается определенным рядом слов: «там», «здесь», «справа», «слева», «вдали», «вблизи», «недалеко», «близко». Это широкий охват изображаемой местности, документально-конкретная описательность содержания. То есть, для художника было важно изобразить вид, который ему открывался, точно, но без излишних деталей.

Такое просветительское пристрастие к факту все еще играло в литературе начала XVIII века важную роль. Путешествующему герою, который

двигается по определенному маршруту, открывались новые виды и ландшафты. Автор (герой) изображал то место, куда он пребывал, и где разворачивались события. Поэтому целью повествователя была лишь идея перемещения героя.

Вместе с тем, уже в эпоху Просвещения на смену описательности приходит изображение чувств, впечатлений. В плане изображения деталей происходило нарушение симметрии и правильных форм. Место могло быть описано всего лишь в нескольких словах, или же изображение местности могло совсем отсутствовать, но то, что герой чувствовал, какие эмоции и мысли у него рождались, помогало читателю воссоздать обстановку действия и пейзаж местности. Так панорамные изображения исчезали, им отводилась другая роль. Сам пейзаж уже привлекался для изображения внутреннего мира и состояния героя. Так изображение природы помогало лучше раскрыть замысел автора, становясь важным элементом композиции произведения.

Говоря о самом процессе восприятия пейзажа, нужно отметить, что не только зрению мы обязаны превосходными картинами. Можно различить пейзаж зрительный и пейзаж слуховой. Зарождение слуховых образов в пейзаже приходится именно на начало XVIII века, когда человек становится внимательней и к природе, и к себе. Проявляются неисчерпаемые познавательные способности человека, о чём свидетельствует интенсивное развитие наук в конце XVII – начале XVIII века. Желание познать окружающую действительность и себя заставило человека иначе взглянуть на природу, вслушаться в неё. И по мере того, как пейзаж приобретал в литературе всё более заметную роль зрительные и звуковые образы всё чаще и чаще начинали дополнять друг друга.

В литературных произведениях изображение характера героя перестаёт быть односторонним. Познание природы накладывает отпечаток на его душу и чувства. Человек начинает чувствовать природу более остро и чрезвычайно тонко. Не случайно письмо, эссе, дневник стали наиболее удобными жанрами, позволяющими передать все нюансы интимного бытия души персонажа, а сменяющиеся пейзажи во время путешествий

утвердили их как единственно возможные, на страницах которых можно прочесть самые сокровенные мысли путешественника, исследователя, философа в одном лице. Эти жанры находились как бы в «промежутке» между художественной литературой и не литературными формами словесности: философской, публицистической и психологической прозой (невывымышленные письма, дневники, исповеди и другие документы). Именно «открытая соотнесённость и борьба трёх начал» [2, с. 8-9], выделенные в этих жанрах Л. Гинзбург (присутствие в повествовании жизненного опыта личности, эстетическая органичность материала, философское начало), позволили им успешно конкурировать с остальной литературой эпохи. А пейзаж в произведениях таких жанров приобретает либо сугубо личностный оттенок, становясь *лирическим*, помогающим раскрыть богатство внутреннего мира героя, демонстрируя развитие его индивидуального сознания и осмысления культуры (письма, исповеди), либо пейзаж приобретает *философский* оттенок, где природа не только переживается и воспринимается героем, но речь идёт об оформлении разнородного духовного, культурного материала, почерпнутого в окружающей природе и действительности в целостное понимание бытия (эссе). Такая перемена привела к утверждению пейзажа как особого повествовательного и описательного *элемента сюжета* произведения, к выделению типов пейзажей, к изменению облика многих жанровых форм. От Поупа к Ричардсону, от Вордсворта к миссис Радклиф тянется череда нововведений. «И не важно, занимался человек живописью или искусством разведения садов или отправлялся в путешествия, или рассказывал истории о любви и приключениях, сочинял стихи, он по-новому чувствовал природу, которая влекла его всё сильнее, отдавая ему себя для изучения, чтобы черпать в ней силу и красоту», – писала М. Рейнолдз [7, с. 248].

Таким образом, к середине XVIII века при всём многообразии и разностороннем подходе к пейзажу, не наблюдалось желаемого синтеза в отношении этого элемента произведения. Различные художественные направления эпохи наложили свой отпечаток на понимание природы, изображение природных ландшафтов. Общим явилось то, что уже в первой

половине XVIII века под пейзажем подразумевалось не просто изображение природы, а описание любого пространства, которое может вбирать в себя образ человека, образы вещей, созданных им и образы самой природы, хотя приёмы и способы изображения были различными, как было различным само отношение и восприятие природы (чувственного и разумного начала).

Список литературы

1. Бизе А. История развития чувства природы. М.: Высшая школа, 1970. 389 с.
2. Гинсбург Л. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1977. 330 с.
3. Пигарев К. Русская литература и изобразительное искусство. М.: Наука, 1972. 220 с.
4. Подгорский А.В. Становление английского просветительского романа и документально-публицистические жанры рубежа XVII–XVIII веков: Автореф. дис.канд. филол. наук. М., 1983. 23 с.
5. Савостьянов Е.И. Изобразительность и выразительность в искусстве. М.: Изобразительное искусство, 1970. 224 с.
6. Шайтанов И.О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии XVIII века. М.: «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 260 с.
7. The treatment of Nature in English poetry between Pope & Wordsworth by Myra Reynolds. New York: Gordian Press, 1966. 359 p.
8. The works of the English poets from Chaucer to Cowper. V. 8. L. 1812. 442 p.
9. Toliver H.E. Pastoral forms and attitudes. Berkley, Los Angeles. 1971. 288 p.
10. Women's friendship in Literature / ed. by Janet Todd. New York: Columbia Univ. Press, 1980. 434 p.
11. Eighteenth-Century Poetic Landscapes. David Fairer (delivered at the Kilve Study Weekend, September 1998) [Электронный ресурс] // The Coleridge Bulletin, New Series 13 (NS), Spring 1999, pp 1-18. – URL: http://www.friendsofcoleridge.com/MembersOnly/Fairer_18thC.html.

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Сергеева З.С.

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

В статье рассматривается проблема изучения иностранного языка студентами технического вуза. раскрывается необходимость овладения речевыми навыками студентами, будущими специалистами производства.

Ключевые слова: концепция языкового образования; иноязычная коммуникация; конкурентоспособность; профессиональные компетенции; взаимопроникновение культур; коммуникативные умения; языковая личность; инженерная подготовка.

THE ROLE OF FOREIGN LANGUAGE AT TECHNICAL UNIVERSITY

Sergeeva Z.S.

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

The problem of learning a foreign language by students at Technical University is discussed in the article. The necessity of mastering the language skills is important for students in order to be good specialists in chemical industry.

Keywords: foreign language communication; comprehensiveness; interpretation of cultures; communication skills; intensive training.

В последнее время в нашей стране существенно вырос интерес к иностранным языкам. Теперь знание двух и более языков – это несомненный

атрибут любого современного высокообразованного человека. Владение иностранным языком стало настоящей потребностью, без него уже невозможно устроиться на высокооплачиваемую работу и построить успешную карьеру. Иностранные языки становятся одним из главных факторов как социально-экономического, так и общекультурного прогресса общества, выполняют огромную роль в формировании личности и повышении образования, ведь с помощью владения иностранным языком можно получить непосредственный доступ к духовному богатству другой страны, получить возможность непосредственной коммуникации с представителями других народов. Новые политические и социально – экономические изменения в России за последние десятилетия, ее стремление активно и плодотворно сотрудничать с западными странами существенно повлияли на расширение функции иностранного языка как предмета и привели к переосмыслению цели, задач и содержания обучения иностранным языкам [1].

Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку признается в настоящее время приоритетным направлением в обновлении образования. Появилась настоятельная необходимость по-новому взглянуть на процесс обучения вообще и на обучение иностранному языку в частности. Современные условия жизни, требования к будущему специалисту, новые приемы принятия на работу требуют поиска новых подходов к подготовке будущего специалиста. Владение иностранным языком становится необходимым качеством личности. Научно-техническая революция, повлекшая за собой информационный взрыв, обусловила вовлечение возрастающего числа специалистов в непосредственное осуществление международных научно-технических связей и расширение культурных и деловых контактов. Нормальное функционирование системы международной информации немислимо без специалистов, реально владеющих иностранными языками, способных быстро извлекать информацию из иностранных источников без переводчика, излагать ее на родном языке и использовать в научной работе. Всем известно, что распространение и изучение иностранных языков является одним из важнейших условий человеческого прогресса. Языки нужны для того, чтобы

получать знание и уметь использовать их в профессиональном общении. Изучение иностранного языка в неязыковом вузе рассматривается как обязательный компонент профессиональной подготовки специалиста с высшим образованием. Современная концепция языкового образования в неязыковом вузе предполагает создание такой системы подготовки специалиста, которая позволит ему легко адаптироваться к динамично изменяющимся условиям профессиональной деятельности, т.е. нацелена на профессионально-ориентированное обучение иностранного языка.

Что же представляет собой профессионально – ориентированное обучение? Это обучение, основанное на учете потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемого особенностями будущей профессии или специальности. Оно предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях. Иноязычное общение становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалистов. Анализ педагогических научно-методических источников показал, что существует бесчисленное множество методических направлений и технологий обучения иностранному языку на неязыковых вузах. В настоящее время ставится задача не только овладения навыками общения на иностранном языке, но и приобретения специальных знаний по специальности.

В настоящее время подготовка конкурентоспособного специалиста, владеющего системным анализом, способного ориентироваться в стремительном потоке научной и технической информации, является первоочередной задачей высшего профессионального образования, которую поставили стремительно развивающиеся отношения рыночной экономики. Конкурентоспособность современного специалиста определяется не только его высокой квалификацией в профессиональной сфере, но и готовностью решать профессиональные задачи в условиях иноязычной коммуникации. В связи с этим Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования требует учета профессио-

нальной специфики при изучении иностранного языка, его нацеленности на реализацию задач будущей профессиональной деятельности выпускников. Наличие лингвистических знаний дает возможность выпускнику высшей школы быть в курсе всего нового, что издается в его профессиональной области, вооружает его достижениями мировой науки, способствует использованию их в своей практике. Развитие международных связей, взаимопроникновение культур, а так же научно-техническое сотрудничество диктуют необходимость обратиться к проблеме формирования коммуникативных умений обучаемых. На современном этапе межкультурный, научный обмен и профессиональное взаимодействие способны осуществлять только специалисты, приобщенные к иноязычным культурам. Формирование коммуникативной компетенции происходит посредством изучения иностранных языков в ходе ознакомления с национальными особенностями, историей, социальными нормами поведения принятыми в странах изучаемого языка, а так же природой межкультурных конфликтов и способами их разрешения.

Роль иностранных языков как средства международной коммуникации будет только возрастать, становясь основным средством общения. Ведущими сферами общения в профессиональной деятельности выпускников неязыковых вузов являются: беседа с использованием специальных технических терминов; делопроизводство и деловая переписка; составление и перевод технической документации с описанием функционирования и технического обслуживания различных устройств; беседа с использованием деловой лексики и беседа на общие темы; составление факсов и телексов; участие в семинарах, конференциях и презентациях.

Основной целью обучения в вузе является подготовка студента к будущей профессиональной деятельности. Вследствие этого получаемое образование обязательно должно быть общим, охватывать многие отрасли знаний. Для того чтобы определиться с областью профессиональной деятельности, выпускнику вуза могут потребоваться многие годы, многие за время трудовой деятельности не раз меняют специальность. Поэтому, чем больше знаний в различных областях получает обучаемый, тем лег-

че ему будет приспособиться к существующим социальным условиям. Соответственно, изучение иностранных языков расширяет возможности обучаемого, повышает его общественную значимость [2].

ВУЗ является последней ступенью в образовательной системе государства, и именно он занимается подготовкой специалиста, способного вступить в реальную жизнь со всеми ее требованиями и запросами, но изучать ин.яз необходимо на уровне соответствующем международным стандартам уже в школе.

Новое отношение к иностранному языку проявляется на уровне поступления в ВУЗ. ЕГЭ по иностранному предполагает высокий уровень владения языком. Экзамен проверяет все языковые навыки: грамматику, лексику, письмо, разговор и аудирование. Планка поднята очень высоко и обычная школа пока очень часто не дотягивает до этого уровня. Поэтому ЕГЭ по иностранному считается самым трудным на настоящий момент. Но государство и ВУЗы в его лице через требования ЕГЭ заявляют об уровне владения иностранным языком, необходимом как для Высшей Школы, так и, самое главное, для государства.

С каждым годом все больше и больше ВУЗов вводят иностранный язык в качестве одного из вступительных экзаменов на многие специальности. И если проанализировать вступительные экзамены во всех ВУЗах России, то мы увидим, что, чем престижнее учебное заведение, тем больше там вступительных по иностранному языку. Эта тенденция будет только усиливаться.

Российская Высшая Школа сейчас находится в процессе модернизации. Связанно это с одной стороны с коренными изменениями в обществе: как в России, так и в мире в целом. С другой стороны со значительным отставанием российской Высшей Школы как от требований рынка, так и от зарубежных ВУЗов по качеству предоставляемого образования.

Модернизация Высшей Школы предполагает включение Российской системы образования в общеевропейскую. Согласно подписанному в 1993 году соглашению по Болонскому процессу Россия к 2010 году полностью и окончательно перешла на общую для стран участниц Болоньи

систему высшего образования. Создание этой системы, т.е. окончательная интеграция систем высшего образования всех европейских стран позволит всем жителям этих стран учиться и работать в любой из стран участниц. Студент, поступивший в один университет, сможет слушать лекции в любом другом и получать свои зачеты. Единая образовательная система создаст условия для академической мобильности студентов, увеличится количество обменов и стажировок, привлечение иностранных преподавателей в российские ВУЗы и т.д. Заманчивая перспектива. Но для студента все эти возможности смогут воплотиться в жизнь лишь при одном условии – отличном владении иностранным языком, а лучше несколькими. Поэтому лучшие ВУЗы России уже сейчас вводят иностранный язык в качестве вступительного на многие специальности.

Во всех ВУЗах страны иностранный язык сдается на такие специальности как: иностранная филология и лингвистика, переводоведение, регионоведение, востоковедение, международные отношения, международная экономика, международная журналистика, социально-культурный сервис и туризм, но в некоторых ведущих ВУЗах иностранный сдается также и на такие специальности как: общая и русская филология, журналистика, право, экономика, менеджмент, маркетинг, государственное и муниципальное управление, культурология, политология, социология и философия.

Отдельные курсы на иностранных языках включаются во многие программы. Иностранный язык ведется с первого до последнего курса. Кроме того, студентам дается возможность изучать и другие иностранные языки [3].

Принцип максимального приближения иностранного языка к реалиям родного языка и ситуациям профессиональной коммуникации на сегодняшний день очень актуален. Иностранные языки требуются в наши дни исключительно функционально, для использования в различных сферах жизни общества, как средство реального общения со специалистами и представителями науки в той или иной области из других стран [4, с. 300].

Сегодня многие студенты технических вузов, к сожалению, полагают, что иностранный язык является для них весьма второстепенным предме-

том. Не проявляя особенного энтузиазма, они учат этот предмет первые два года обучения, чтобы потом с облегчением забыть о нем до поступления в магистратуру или аспирантуру, когда им в очередной раз приходится сталкиваться с иностранным языком. Что же касается российских компаний, то они функционируют по таким же законам, что и европейские. Работникам российской промышленности необходимы полноценные знания иностранного языка для того, чтобы:

- читать специальную литературу и работать с иноязычной технологической документацией;
- общаться с иностранными клиентами/партнерами/поставщиками;
- общаться в рабочем коллективе (если речь идет о работе в иностранной компании на российском рынке);
- принимать участие в международных выставках/ семинарах/ конференциях и т.д.

Что же касается российских работодателей, то они предпочитают держать в своем штате переводчика (если деятельность компании предполагает частое общение с иностранными клиентами и партнерами) или прибегают к временным услугам внештатных переводчиков (если коммуникация на иностранном языке не носит постоянного характера). Если бы работодатели в области промышленности стали предъявлять чуть более высокие требования к соискателям по владению иностранным языком, то этот шаг послужил бы дополнительным мотивационным стимулом для студентов в изучении иностранного языка [5].

С целью развития профессионально значимых творческих способностей студентов полезно применение комплекса творческих задач и приемов их решения. Приемы скомпонованы в три группы:

- приемы концентрации внимания, расширения восприятия, позволяющие произвести постановку проблемы и ее анализ;
- приемы поиска недостающей информации, позволяющие выявить всевозможные последствия какой-либо деятельности, выявить, что пропущено при рассмотрении какой-либо проблемы и т.д.;
- приемы нестандартного мышления для генерации новых идей.

Данные приемы способствуют развитию креативного компонента профессионально-значимых творческих способностей студента. [6, с.296]

В «концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» отмечается, что профессиональное образование в должной мере еще не способно решить проблему «кадрового голода», обусловленного новыми требованиями к уровню квалификации работников. В связи с этим повышение профессионализма у специалистов в знании иностранных языков признается важным приоритетом государственной образовательной политики. Сегодня ведущим направлением в повышении качества профессиональной подготовки студентов выступает компетентностный подход, усиленный требованиями образовательных стандартов третьего поколения.

Требования к компетенциям, которыми должен обладать будущий специалист производства, наглядно выражены в следующей иерархии: языковые компетенции, основывающиеся на способностях понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии; организовывать собственную деятельность; осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач; использовать информационно-коммуникативные технологии в профессиональной деятельности; участие в экспериментальных и исследовательских работах; выполнение работ по одной и нескольким профессиям и др.

В свою очередь языковые и профессиональные компетенции конкретизируются на уровне образовательных областей и учебных предметов для каждой ступени обучения. Иерархия этих компетенций включает в себя:

- 1 – ценностно-смысловые компетенции;
- 2 – общекультурные компетенции;
- 3 – учебно-познавательные компетенции;
- 4 – информационные компетенции;
- 5 – коммуникативные компетенции;
- 6 – социально-трудовые компетенции;
- 7 – компетенции личностного самосовершенствования;

Таким же образом структура и содержание ключевых профессиональ-

ных компетенций должны обладать свойствами метапредметного (универсального) и предметного характера. Метапредметный уровень компетенций предполагает социально-профессиональные знания, умения, и качества личности студента – будущего специалиста, выступающие ядром профессионального развития и имеющие универсальный характер для предметов любого цикла [7, с. 161].

При изучении иностранного языка продуктивная или учебно-творческая деятельность является важнейшим условием развития и саморазвития языковой личности в профессиональной подготовке специалиста в вузе и направлена на создание личностного образовательного продукта в области иностранных языков. Сочетание технической подготовки с языковой, расширяет инструментарий творческого самосовершенствования личности за счет развития воображения в форматах «полного текста» и «общекультурных символов», которые позволяют личности ярче раскрыться и обрести более высокую степень свободы самовыражения [8, с. 315].

Список литературы

1. Данилова О.А., Конова Д.В., Дукин Р.А. «Роль мотивации в изучении иностранных языков».
2. Чумакова Н.В. «Роль иностранного языка при подготовке будущего специалиста в неязыковом вузе», Южно-российский государственный университет экономики и сервиса, Руснаука, 2010.
3. «Иностранный язык и ВУЗ», Образовательный центр г.Курган, student45.ru> why-studying>foreign-la...
4. Сергеева З.С. Вестник Казанского технологического университета т. 14, №16, 300-302 (2011).
5. Христолюбова Т.П. Роль иностранного языка в образовании студентов вузов химико-фармацевтического профиля, Санкт-Петербургская Г.Х. Ф.А., Научно-издательский центр «Социосфера», 2012.
6. Иванов В.Г., Хусаинова Г.Р. Вестник Казанского технологического университета, №6, 293-297 (2010).

7. Садофьев В.А. Вестник Казанского технологического университета, № 6, 159-164, (2010).
8. Сергеева З.С. Вестник Казанского технологического университета, т. 17, №10, 314-315 (2014).

АНАЛИТИЧЕСКИЕ И СИНТЕТИЧЕСКИЕ ЛЕКСЕМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ С КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ

Шабаев В.Г.

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия

В статье рассматривается сопоставление широкозначности и полисемии английской лексики, анализируется участие широкозначных глаголов в аналитической номинации, выявляются соответствия глагольного словообразования посредством русской глагольной приставкой совершенного вида за- аналитическому лексеообразованию в английском языке с участием в этом процессе аналитических глагольных лексем (АГЛ) четырёх типов, особенно АГЛ-1 и АГЛ-4. Осуществляется также концептуальное описание английских послелогов в составе фразовых глаголов, их словообразовательная и грамматическая составляющие, которые в функциональном и типологическом планах соответствуют в русском языке глагольным приставкам совершенного вида, в том числе и подробно описываемой приставке за-.

Ключевые слова: широкозначность; полисемия; лексема; синтетизм; аналитизм; послелог; приставка.

ANALYTICAL AND SYNTHETIC LEXEMES IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES: TYPOLOGICAL CORRELATIONS WITH COGNITIVE INTERPRETATION

Shabaev V.G.

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

The article deals with the comparison the English lexicon in polysemantic and wide-range meanings, analyzes participating the verbs wide-range meaning in analytical nomination, reveals the correlations of the verb formation through the Russian verb perfective prefix за- and the English analytical lexeme formation with the help of analytical verb lexemes (AVL) of four types, especially with AVL-1 and AVL-4. It also carries out the conceptual description of the English postpositions inside the phrasal verbs, their word formational and grammatical constituents, which corresponds in functional and typological aspects to the Russian verb perfective prefixes including the detailed analyzed prefix за-.

Keywords: *wide-range meaning; polysemy; lexeme; synthesis; analytics; postposition; prefix.*

1. Аналитические глагольные лексемы в английском языке

В процессе эволюции английского языка однословные лексемы развились в лексемы аналитические, что привело к расширению значения слов. Во-первых, уменьшился инвентарь однословных лексем, за-за чего каждая из них вынуждена была принять более широкую область значений; во-вторых, формирование аналитических лексем привело к созданию слов, необходимых для обеспечения служебной функции. Семантика служебных компонентов в процессе аналитизации также претерпела значительное изменение, а именно – существенно расширилась. Расширение значения служебных функций у ряда английских глаголов (наряду с

их полисемией) в аналитических языках называется широкозначностью, когда один компонент аналитической лексемы выражает основное значение лексемы, а второй – дополнительное, служебно-грамматическое значение.

«Из типологической специфичности широкозначности следует, что она не тождественна широкому понятийному охвату и потому не сводится к мак-симальному абстрагированию, которое по своей природе универсально и обнаруживается в любом языке. Так, абстрактность семантики русских глаголов *делать*, *совершать*, *существовать*, существительных *предмет*, *явление*, *событие*, *вещь* отнюдь не делает их широкозначными» [1, с. 205]. Широта понятийного охвата связана с объединением слов в объёмные классы, но не затрагивает сочетаемость и частотность, которые присущи широкозначности.

Широкозначность также не тождественна полисемии. «Семантическая структура многозначного слова состоит из отдельных, далеко не всегда сохраняющих осязаемую связь друг с другом значений; ей не свойственна внутренняя целостность, и потому отдельные значения могут выпадать из неё, что никак не влияет на сохраняющиеся значения. Семантика многозначного слова принципиально не поддается глобальной характеристике, которая охватывала бы общей формулировкой все его значения» [там же]. Широкозначность, наоборот, такую формулировку допускает.

Широкозначность можно найти у разных частей речи, однако преимущественное место в ней занимают глагольные лексемы, среди которых стоит выделить три основных широкозначных глагола – *be*, *have*, *do*. Значение, связывающее эти три глагола, – состояние предмета. В английском языке данное значение разделяется на пять видов состояния: 1) бытийное – выражается глаголом *be* (*There is a picture*); 2) качественное – выражается глаголом *be* (*The table is wooden*); 3) пространственное – выражается глаголом *be* (*The kids are at school*); 4) обладательное – выражается глаголом *have* (*He has a sister*); 5) деятельное – выражается глаголом *do* (*I do it every day*).

Необходимо отметить, что в процессе развития английского языка глагол *have* увеличил диапазон своего употребления. Изначально в сочетании с этим глаголом использовались только неодушевлённые предметы, люди и качества (*have a car; have a sister; have honesty*). Затем в процессе эволюции языка в сочетании с глаголом *have* начали выражать совершённые действия (*have gone*), а также действия, которые вероятно совершат (*have to go*). На сегодняшний день диапазон употребления *have* настолько расширился, что в его значение могут входить целые события (*He had her leave her job*).

Кроме трёх основных глаголов состояния к микросистеме широкозначных глаголов принадлежат слова с усложнённой семантической структурой, которая формируется путём присоединения динамического, деятельного компонента к стативной семантике *be* или *have*.

Например: 1) семантика глаголов *take* и *give* (которые являются динамическими компонентами глагола *have*) строится на расширении представления предмета (*take a look, give a look*); 2) широкозначность глагола *make* формируется путём присоединения деятельного компонента к бытийному состоянию (*make her cry, make him furious*); 3) глаголы *come* и *go* приобретают широкозначность в случае, если объединяются деятельный компонент и пространственное/качественное состояние (*come there, go home, come loose, go mad*); 4) особый интерес представляют собой глаголы *get* и *keep*; изначально это были глаголы довольно узкого значения (добывать, сохранять), но с развитием языка они стали соотноситься с глаголом *have*: *get* приобрёл значение действия, направленного на становление вещи/человека/качества предметом обладания, а глагол *keep* стал обозначать действие с целью сохранения предмета (*get a place, keep a place*).

Переход английского языка к аналитизму обусловил и другие изменения, а именно изменения в подсистемах языка, в частности, лексической. В ходе аналитизации языка большую роль стала играть аналитическая деривация, которую разделяют на две ветви - словоизменительную и словообразовательную.

Для лучшего понимания сущности аналитической деривации в английской лексике сравним вслед за В.Я. Плоткиным словообразование в английском и русском языках на примере русского корня *стар* и английского *old*. «Русский корень даёт около 60 аффиксальных производных, не говоря уже о десятках сложных слов с его участием, тогда как от английского корня производных не более пяти (*oldish, olden, oldie, oldster*). Можно полагать, что английская лексика не менее русской нуждается в названиях таких предметов, как *старость, старик, старуха, старец, старьё, старина, таких процессов, как старить, стареть, состариться, устареть*, таких признаков, как *стариковский, старческий, старинный*, таких обстоятельств, как *встарь, исстари*. Создать их синтетическим способом невозможно, не решает проблемы и применение немногочисленных заимствованных слов, например, *ancient, antiquity, inveterate, obsolete*. Основной способ построения таких названий – сочетание прилагательного *old* с существительными *man, boy, woman, chap, fellow, time, days, age, stuff, clothes* и другими, с глаголами *be, get, grow, make*» [1, с. 199].

Русским синтетическим глагольным дериватам с приставками совершенного вида *в-, вз-, вы-, до-, за-, на-, о-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, с-, у-* регулярно соответствуют английские аналитические дериваты (прежде всего, фразовые глаголы) с послелогоми-наречиями *away, in, off, out, round, through, up* и другими, которые часто называют частицами или сателлитами. О приставке *ЗА-* смотрите [2].

За всю историю развития аналитической деривации велось множество споров относительно принадлежности аналитической деривации к морфологии, синтаксису, словообразованию или фразеологии. На сегодняшний день отмечено, что она не относится ни к грамматике (морфологии и синтаксису), ни к словообразованию (потому что продукт деривации – не слово), ни к фразеологии (т.к. отсутствует идиоматичность). Можно предположить, что споры эти возникали из-за неправильного понятия слова. Многие считали слово элементом только лексической подсистемы языка. Однако лексическая система представляет собой совокупность номинаций предметов, процессов, качеств, а слово само по

себе не всегда является номинацией (например, служебные слова). С другой стороны, номинацией может быть сочетание слов. Отсюда видно, что «элементом лексической подсистемы нужно признать не слово, а лексему, которая может быть как однословной, так и не однословной, т.е. аналитической» [1, с. 202].

Говоря об аналитических лексемах, стоит отметить, что среди них преобладают глаголы. На втором месте стоят существительные.

Для аналитических существительных характерен шаблон «основной компонент – служебный компонент» (*little thing, old fellow*). В свою очередь, аналитические глагольные лексемы строятся по обратной схеме: «служебный компонент – основной компонент». Принято выделяют четыре разряда аналитических глагольных лексем (АГЛ) [там же]: **АГЛ-1** – глагольно-глагольные, обычно имеют фазовое значение (*stop smoking, begin to speak*); **АГЛ-2** – глагольно-именные, краткосрочное, однократное действие (*take a look*); **АГЛ-3** – глагольно-адъективные, качественное состояние или его становление (*go crazy, get lucky*), и *глагольно-партиципальные* (*get soaked, get broken*); **АГЛ-4** – глагольно-наречные, или фразовые глаголы (ФГ) – имеет перфектное значение и фонологическое отличие: ударение всегда стоит на послелого-наречии, если послелог – предлог, то ударение – на глаголе (*drop in, run away*); другие названия послелога наречия – постпозитив, частица, сателлит и др. (всего девять вариантов).

Хотя глаголы и доминируют над последующими за ними адьюнктами, они представляют собой служебные компоненты, в то время как основными для лексемы являются вторые компоненты.

2. Концептуальное описание английских послелогов

Фразовые глаголы на сегодняшний день являются одними из самых сложных составляющих английского лексикона. Они часто используются в письменной и устной речи, а также при их помощи создаются новые слова. Выше было сделано заключение, что наиболее часто значению русского приставочного глагола в английском соответствует ФГ, необ-

ходимо перечислить и охарактеризовать значения послеложных частей АГЛ-4, частично заимствованных из [3]:

1. OUT – покидание контейнера. OUT (после UP) является самой часто используемой частицей в английском языке. Она сочетается с сотнями различных глаголов, большинство из которых выражают движение. OUT часто используется как послелог, например, *hang out, watch out, look out, take out*. Обычно частица OUT подразумевает в своём значении движение из некоего контейнера. В роли самого контейнера может выступать нечто, что окружает предмет, что-то, откуда этот предмет движется. Таким образом, контейнер может быть: (1) огороженным участком, зданием, комнатой, машиной, чашкой, горшком, кастрюлей, гнездом, ямой, раковиной, туннелем, футляром/чехлом, полем или каким-нибудь другим закрытым участком (*The boy ran out of the tunnel; She had never seen his coming out of his house*); (2) веществом (жидким или твёрдым); например: *вода, дерево, земля* и т.д. (*He pulled a fish out of water*); (3) группой предметов, людей и животных (*His behavior drops him out of society*); (4) телом и разумом человека (*He has gone out of his mind*).

2. IN/INTO – вхождение или пребывание в контейнере. IN также является одной из самых часто используемых частиц (четвёртая после UP, OUT, OFF). Как в случае с послелогом OUT, за значением IN стоит некий контейнер и этот контейнер может быть чем угодно, что окружает предмет, или куда этот предмет стремится. В отличие от IN, INTO всегда обозначает движение.

3. UP – положительная/позитивная вертикальность относительно контейнера.

4. DOWN – отрицательная/негативная вертикальность относительно контейнера.

5. OFF – прерывание контакта с контейнером. Среди всех значений, которые выражает частица OFF, самым важным является значение прерывания связи с поверхностью следующими способами: •предмет отделяется от своего местонахождения (*The woman took off her shoes* - туфли больше не на ногах); •два взаимодействовавших предмета становятся

отделившимися друг от друга (*The plane took off - Самолёт взлетел*; он больше не касается земли);

6. AWAY – исчезновение. Значение данной частицы часто связано с началом движения; например: *run away, take away, fly away*.

7. ON – контакт. Частица ON подчёркивает значение присутствие связи. Два предмета (часто объект или широкая поверхность) взаимодействуют друг с другом, находятся рядом друг с другом или приближаются друг к другу; например: *bang on the door*.

8. OVER – выше/больше, чем и близко к. OVER обычно используется, когда один предмет движется над другим, или когда предмет движется с одной стороны в другую, ближе к другому предмету.

9. BACK – возвращение. BACK обычно используется для выражения возвращения объекта в своё исходное расположение. Например, в предложении *Andrew gave the notebook back to Amy* Эми является исходным положением книги, причём, не руки Эми, но сам факт обладания Эми книгой.

10. ABOUT – рассеивание/разбрасывание.

11. (A)ROUND – движение поблизости или окружности.

12. ACROSS – движение в противоположную сторону.

13. THROUGH – пересечение контейнера.

14. BY – близость или проход/путь. BY означает, что объект находится близко или на той же стороне, что и другой объект (*She stopped by the house*), или что им движет другой объект (*The talking was mostly done by the mother*).

15. ALONG – параллельный путь/проход или объект.

Более подробный анализ послелогов, а также их соответствий в русском языке приведён в работе [4].

Описание русско-английских соответствий

Различные значения приставки ЗА- чаще всего соответствуют английским широкозначным глаголам в АГЛ1-1 и послелогам в АГЛ1-4, что проиллюстрировано в приводимой ниже таблице, в которой жирным шрифтом выделены описываемые в этой статье англо-русские соответствия и типы АГЛ1.

Глагол или послелог соответствия	Соответствие значению приставки ЗА-	Примеры (источники примеров приведены в квадратных скобках); тип АГЛ
широко-значный глагол BEGIN	начало действия	<p>A) He suddenly realized that his ears were ringing and his legs <i>had begun</i> to tremble beneath him. Внезапно он ощутил звон в ушах, а ноги <i>задрожали</i> под ним [Ins]. АГЛ-1 B) In more and more contracting orbits the whales in the more central circles <i>began</i> to swim in thickening clusters. И киты на внутренних орбитах <i>заплавали</i> всё более и более тесными стаями [MB]. АГЛ-1</p>
широкозначный глагол STOP	прерывание (окончание) действия	<p>I didn't seem to be able to stop talking, not till I finished telling what I thought was all of it. Казалось, я просто не мог <i>остановиться</i>, не могу, пока не <i>рассказал</i> ему всё [OFOtCN]. АГЛ-1</p>
послелог AHEAD	попутное действие	<p>«There are some sailors <i>running ahead</i> there, if I see right,» said I to Queequeg. – По-моему, там впереди бегут [<i>забегают</i>] какие-то матросы, - сказал я Квикеру [MB]. АГЛ-4</p>
послелог AWAY	получение, захват в результате чего-либо	<p>Instead of answering she stands up and <i>takes</i> the manila folder <i>away</i> from the doctor and puts it back in the basket under her watch. Вместо ответа она встаёт, <i>забирает</i> у доктора папку и кладёт в корзину под часы [OFOtCN]. АГЛ-4</p>
послелог DOWN	размещение на хранение	<p>I got to write down a list so I won't forget all the things I got to do. Мне непременно нужно всё это <i>записать</i>, чтобы я ничего не забыла [GG]. АГЛ-4</p>

Продолжение таблицы

послелог IN(INTO)	А) движение за предмет, движение вглубь на большое расстояние;		А) "I'm delighted to see you," said Gatsby, standing on his porch. "I'm delighted that you dropped in ." – «Очень рад вас видеть, - говорил Гэтсби, выйдя им навстречу. - Очень, очень рад, что вы заехали » [GG]. АГЛ-4
	В) совершение действия заранее, заблаговременно	В) He had taken a black pocket-comb, the kind you could buy in any convenience store for a buck twenty-nine. Он обзавёлся чёрным гребешком, который можно было бы купить (закупить) в любом магазине за доллар двадцать девять центов [Ins]. АГЛ-4 с предлогом	
послелог OFF	доведение до результата	Strike off her name, I refuse to have her as a guest! Вычеркнув её имя [из списка], я не желаю видеть её среди гостей [KP]. АГЛ-4	
послелог OUT	А) чрезмерность действия, направленного на объект	А) The last couple of minutes had worn him out finally and completely, once and for all. Последние минуты вымотали его окончательно и бесповоротно, навсегда [OFOtCN]. АГЛ-4	
	В) доведение до результата	В) Save \$5.00 [crossed out] \$3.00 per week. Каждую неделю откладывать 5 дол (зачёркнуто) 3 дол [GG]. АГЛ-4	
послелог THROUGH	доведение до результата	The sun was getting low in the west, and, glancing out of a red mist, pierced with its rays opposite loopholes and pieces of fretwork in the spires of city churches, as if with golden arrows that struck through and through them. Солнце стояло низко на западе и, выглядывая из-за красноватой дымки, пронизывало лучами бойницы и резные украшения на шпицах городских церквей, словно втыкая в них золотые стрелы [DaS]. АГЛ-4	

Окончание таблицы

послелог UP	А) распространение действия на всю поверхность, заполнение пространства	А) The children, under the guardianship of <i>Jemima</i> , blocked up the window, and dropped out oranges and halfpence all the way along. Дети под охраной <i>Джемимы</i> теснились [<i>заблокированные у</i>] у окна и всю дорогу роняли апельсины и полупенсы [DaS]. АГЛ-4
	В) получение, захват в результате чего-либо	В) I moved to pick up the pillow. Я двинулся, чтобы поправить [<i>заправить</i>] подушку [OFoCN]; АГЛ-4
	С) доведение до результата	С) Help me to cork up this bottle, it's so tight. Помогите мне <i>заткнуть</i> бутылку пробкой – горлышко слишком тугое [KP]; АГЛ-4
	D) совершение действия заранее, заблаговременно	D) No amount of fire or freshness can challenge what a man will store up his ghostly heart. Ни-какая осязаемая, реальная прелесть не может сравниться с тем, что способен накопить [<i>закладировать</i>] человек в глубинах своей фантазии [GG]. АГЛ-4

Итак, мы (1) исследовали некоторые проблемы широкозначности и лексеообразования в английском языке в рамках аналитической глагольной номинации в современном английском языке, а также (2) рассмотрели природу возникновения самого понятия широкозначности; (3) выяснили чем широкозначность отличается от многозначности (наличием целостности и возможности формулировки значений); (4) сделали вывод, что широкозначность чаще всего присуща глаголам; (5) рассмотрели особенности некоторых широкозначных глаголов; (6) показали, что для развития аналитической деривации в английском языке стало важным различать слово и лексему, т.к. именно последняя является элементом лексической подсистемы, а не первая, как многие традиционно считали долгое время; (7) рассмотрели концептуальное описание послелогов и сделали сопоставление аналитической глагольной номинации с

русской синтетической номинацией и (8) показали соответствие значений русской приставки ЗА- (синтетический способ словообразования) английским АГЛ, прежде всего АГЛ-1 и АГЛ-4 (аналитический способ лексемообразования).

Список литературы

1. Плоткин В.Я. Строй английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 238 с.
2. Барыкина А.Н. Изучение глагольных приставок. М.: Русский язык, 1989. С. 29-36.
3. Rudzka-Ostyn B. Word Power: Phrasal Verbs and Compounds. A Cognitive Approach. Berlin, 2003. 210 p.
4. Шабает В.Г. Грамматические, лексические и когнитивные аспекты аналитической глагольной номинации в английском языке: монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. 312 с.

Список сокращений источников примеров

5. DaS - Dickens C. Dombey and Son. L., 2012.
6. GG - Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. L., 2010.
7. Ins - King S. Insomnia. L., 2008.
8. КР - Кортни Р. Английские фразовые глаголы. М., 2000.
9. МВ - Melville H. Moby Dick. W., 1999.
10. OFOtCN - Ken K. One Flew Over the Cuckoo's Nest. L., 2005.
11. WotC King S. Wolves of the Calla. L., 2005.

ФАКТОР ВОЗРАСТА В УСВОЕНИИ ИНТОНАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Шевченко О.Г.

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Целью данного исследования является изучение связи возраста с усвоением английской интонации русскоговорящими обучающимися. Исследование показало, что взрослые имеют некоторое преимущество в овладении английской интонацией по сравнению с детьми, что предполагает существование возможностей для их обучения. Успех взрослых объясняется системой тренингов и учетом социолингвистических факторов в процессе обучения.

Ключевые слова: *социолингвистические факторы; интонация; обучение; английский язык; возраст.*

AGE EFFECT IN THE ACQUISITION OF ENGLISH INTONATION

Shevchenko O.G.

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

The aim of this study was primarily to find the relationship between age and the acquisition of English intonation by Russian speakers. The research showed that adults have aptitude for acquisition of English intonation, which implies that there is still room for an innate faculty to continue its work in adulthood. Training and the use of sociolinguistic factors in teaching was found to be an influential factor regarding the acquisition of English intonation.

Keywords: *sociolinguistic factors; intonation; training; English; age.*

Обучение иноязычному произношению и интонации до сих пор остается в педагогике проблемным ребенком. Считается, что обучить этому крайне сложно, особенно взрослых обучающихся. Однако очевидно, что хорошее произношение и интонация являются важным условием успешной коммуникации. Интонация регулирует дискурс, служит важным фактором в определении идентичности человека, его возраста и пола, а также психологического состояния. Очевидно, что обучение интонации и произношению остается актуальным вопросом и требует изучения.

Язык включен в социальный контекст, поэтому при обучении языку необходимо учитывать социальные факторы. Они влияют на успешность и конкретную реализацию процесса обучения. Однако до сих пор в российских школах и вузах не хватает практики в использовании социолингвистических знаний в отношении обучения иноязычной интонации. Пока еще мы не умеем предоставить социокультурную информацию, ограничиваясь только страноведческой. Обучение иностранным языкам происходит в своеобразном вакууме: в искусственной среде обучения на уроке учащиеся взаимодействуют без учета пола, возраста, социальных ролей и отношений. Мы не умеем научить пользоваться языком в различных социальных контекстах. Так, согласно российской традиции в преподавании иностранной фонетики до сих пор существуют пробелы в использовании социокультурного подхода [8, с. 607].

В отношении обучения и усвоения фонетических навыков социальные факторы являются определяющими. Произношение больше, чем другие навыки подвержено влиянию личных качеств человека и зависит, в частности, от возраста. А именно, овладение иноязычной просодией у взрослых, как правило, сопровождается своеобразным вторжением в «я» человека. Почему? Потому что человеку взрослому необходимо перестраивать свой привычный темп и ритм голоса, что практически всегда неизбежно сопровождается нарушением идентификации. Более того, как отмечает Acton [2], овладение иноязычной просодией неизбежно сопровождается стрессами. В ряде экспериментов было выяснено, что произношение очень чувствительно к ряду эмоциональных, аффективных факторов.

Учет в процессе обучения фонетике социолингвистических факторов, таких как возраст, пол, идентификация и других поможет сделать обучение приближенным к естественной среде, не давя на личность индивида.

Рассмотрим возраст, как один из социолингвистических факторов в обучении английской интонации и произношению. Почему фактор возраста так важен?

До сих пор ведутся споры о том, возможно ли обучить взрослых иноязычному произношению? Этот вопрос возникает потому, что всем известно, что если у маленького ребенка не будет доступа к инпуту в определенный период, то он навсегда упустит возможность развить свою родную речь. Таким образом, существует критический период к овладению первым языком. Есть ли он в овладении вторым?

В научной литературе мнения о том, можно ли достичь произношения, близкого к оригинальному, диаметрально противоположны. Согласно Джекобсу [4, с. 205] способность воспринимать фонемы заканчивается в очень юном возрасте, этот процесс становится недоступным для взрослых обучающихся. Необходимо обеспечить возможность воспринимать иноязычные звуки и интонацию до пубертатного периода, иначе способность это сделать будет утрачена [5, с. 23].

Младенцы чрезвычайно чувствительны к восприятию звуков. Эта способность постепенно снижается в дошкольном возрасте и практически пропадает к переходному возрасту. Взрослый человек уже не может воспринимать и дифференцировать иноязычные звуки [7, с. 14]. Это мнение поддерживают и другие исследователи – Lenneberg (1967), Bickerton (1981), Patkowski (1990), Scovel (1988) – все указывают на критический период в овладении языком (до пубертатного периода) [6, с. 372].

К. С. Федорова [1, с. 223] дает ряд объяснений, почему фактор возраста влияет на усвоение второго языка. Во первых, это физиологические факторы. Дети более успешны в овладении вторым языком из-за гибкости когнитивных структур, из-за меньшей специализации полушарий по сравнению со взрослыми.

Причина успеха детей и неудач взрослых в овладении английским произношением кроется в механизмах овладения языком. Фонологическая система взрослых уже сформирована и ограничена. Для того чтобы сформировать новую систему, обучающемуся придется преодолеть, перестроить, ограничить эту систему сознательно и держать ее под контролем [9, с. 190].

Во вторых, свою роль играют и социальные факторы. Guiora, Brannon и Dull (1972) полагают, что у детей еще нет социальной идентичности и страха ее потерять, между тем, взрослые подсознательно боятся ее потерять. Более того, у детей еще не сформированы стереотипы о том, что второй язык выучить трудно, поэтому испытывают меньше негативных эмоций при обучении, нежели взрослые [1, с. 223; 6, с. 373].

Другие исследования показывают противоположные результаты. Исследования изучающих иноязычную фонетику показали, что действуют одни и те же внутренние механизмы на протяжении всей жизни человека [10, с. 207]. Способность взрослых делать логические выводы перевешивает детскую физиологическую способность повторять иноязычные звуки. В работе Z. Kassaian рассказывается об исследованиях, проведенные Snow и Hoefnages-Hohle (1978), которые не поддерживают тезис о критическом возрасте для изучения языков, а наоборот, говорят о преимуществах взрослых. Исследования последних десяти лет (Birdsong, 1999; Bongaerts, 1999; Marinova-Todd, Marshall & Snow, 2000) подтверждают хорошие способности взрослых в овладении иностранными языками. Hudson (2000) причисляет такие способности зрелости и тренировке [6, с. 371].

Мы предполагаем вслед за Stapp [7, с. 23], что не существует однозначной связи между возрастом и овладением интонацией, однако свою роль играют психологические, неврологические и когнитивные факторы.

Что делать тем, кто начинает изучать второй язык во взрослом состоянии? Если проблема взрослых в овладении иноязычным произношением кроется в специализации полушарий, которая происходит в младенческом возрасте, тогда только знания механизмов произношения может

помочь взрослому обучающемуся в овладении чужой интонацией и произношением в целом [4, с. 199].

Наш опыт показывает, что сведения о том, как образуются звуки, как отличается русская фонетика от английской позволяют не только увидеть пробелы в произношении, но и указать, каким образом положение может быть исправлено. Только теоретические знания и осознанный контроль в производстве звуков и интонации может быть отличным лекарством от возможных неудач взрослых в освоении интонации.

В своих занятиях фонетикой со взрослыми мы частично воспользовались социолингвистической обучающей моделью M. Wrembel [9], а также исследованиями и опытом русских педагогов и психологов [1]. В основе обучающей модели лежит учет большого числа факторов: когнитивных, поведенческих, эмоциональных.

Когнитивный фактор – это нацеливание на конструктивное общение с представителями другого этноса, включение знания и понимания символики чужого народа; понимание того факта, что все народы и культуры равноценны.

Поведенческий фактор – знакомство с коммуникативными символами другого этноса. Как итог индивид может принять представителей другой культуры, таким, каким он есть, ценит уникальность и специфичность другой культуры.

Эмоциональный фактор – что испытывает индивид при общении с представителем другого этноса. Открытость и естественность собственного поведения, ознакомление партнера со своими интересами, нормами, ценностями, традициями, искренний интерес к представителям иной лингвокультурной общности, к другой культуре, обычаям и стереотипам поведения. Переход к восприятию мира глазами и ушами другого народа. [1, с. 44].

Социолингвистическая модель предполагает обсуждение роли интонации в речи. Обучающиеся должны разбираться в прагматических функциях интонации, когда одинаковые на первый взгляд высказывания могут поменять прагматическую ориентацию из-за разной реализации интонационных моделей. Эта работа поможет в дальнейшем обучении.

Следующим шагом будет подготовка артикуляционного аппарата. Необходимо подготовить артикуляционный аппарат к предстоящей нагрузке. А именно, заняться артикуляционной гимнастикой, расслабляющими техниками, дыхательной гимнастикой, упражнениями для контроля над своими губами, языком и мышцами лица. Всё это необходимо именно взрослым, поскольку их артикуляционный аппарат уже сформировался, принял уклад, необходимый для производства русских звуков. Наша задача настроить аппарат взрослого для производства английских звуков. Как показывает наша практика, без упражнений и техник такого рода практически бесполезно заниматься дальнейшей работой над произношением и интонацией.

Социолингвистическая обучающая модель нацелена на формирование сознательного контроля над производством английских и русских звуков и интонации. Поэтому мы учим контролировать язык и губы, мышцы лица сначала при производстве своих звуков, а потом сравнить движения при формировании английских звуков. Упражнения включают повторение диалога вслед за говорящим без слов, потом эхо-техники уже со словами.

Следующий шаг – настройка акустического аппарата. Необходимо приучить обучающихся хорошо слышать речь. В этом помогает напевание мелодии без слов, проигрывание простых детских сказок, а также чтение простых математических уравнений. Как советует Gilbert [3, с. 44] различить уравнения типа $2 + (3 \times 4)$ от $(2 + 3) \times 4$ поможет на слух только правильно расставленные паузы и мелодика.

Упражнения на осознанный контроль интонации и произношения звуков может варьироваться и включать разнообразные техники, включающие обращение к эмоциям и чувствам обучающихся. Они призваны воздействовать на эго человека и сделать его проницаемым и открытым для принятия другой культуры. Это залог успеха обучения взрослых – учет и вовлечение эмоциональных, когнитивных и психологических факторов в процесс обучения. Эмоции способствуют вовлечению механизмов памяти, а обучение интонации не должно быть слишком агрессивным и навяз-

чивым. На самом деле, обучение иноязычному произношению взрослых должно вовлекать визуальные, тактильные, кинестетические средства. Судя по нашему опыту, именно такая тактика оказывается наиболее выгодной.

С целью подтверждения нашего предположения о хорошей способности взрослых к усвоению английской интонации были проведены тесты среди разновозрастных групп обучающихся. Мы отобрали две группы русских детей и взрослых по 15 человек в каждой. Все участники должны были повторять за диктором определенные интонационные модели. Дети – участники летнего лингвистического лагеря в возрасте от 9 до 11 лет. Группа взрослых была отобрана из студентов Новосибирского государственного технического университета, изучающих фонетику в течение одного учебного года. Возраст варьировался от 17 до 30 лет.

Обеим группам предъявлялась одна интонационная модель за другой с паузой, во время которой респондент должен был повторить предложение с той же интонацией, что и англоговорящий диктор. Следующие интонационные модели предъявлялись респондентам: интонация общих и специальных вопросов, вежливых и грубых высказываний, интонация перечисления и интонация просьб и команд.

Студенты университета имели преимущество перед детьми, т.к. были заранее ознакомлены с интонацией всех перечисленных моделей, тем не менее, некоторые из них не имели возможности и способности воспроизводить нужную интонацию на этапе эксперимента. Хотя всем была предложена теоретическая база, где объяснялось, какие ядерные тона нужно использовать в той или иной модели. На занятиях мы пользуемся контурным описанием мелодики.

Анализ результатов

Мы планировали выяснить, играет ли фактор возраста в воспроизведении интонации английского языка. Каждый участник эксперимента повторял предложенную модель один раз вслед за диктором, его записывали на диктофон, так проговаривались все модели, а затем носитель языка

оценивал правильность интонации. Наше исследование не может претендовать на точность результатов, т.к. мы не пользовались при анализе компьютерными программами для получения данных о частоте основного тона и интенсивности речевого сигнала. Мелодические и динамические характеристики просодических единиц оценивались носителем на слух. Результаты эксперимента представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Группа	Интонация общих и специальных вопросов	Интонация вежливых и грубых высказываний	Интонация перечисления	Интонация просьб и команд
Дети 15 человек (ПВ)	10	7	6	6
Взрослые 15 человек (ПВ)	14	12	10	11
Дети 15 человек (НВ)	5	8	9	9
Взрослые 15 человек (НВ)	1	3	5	4

ПВ – правильное воспроизведение

НВ – неправильное воспроизведение

Не пользуясь компьютерными программами, дающими точные данные, наше исследование дает наглядные результаты. Общая тенденция видна даже на малом количестве участников. Наш прогноз и гипотеза о том, что не существует однозначной связи возраста с усвоением произношения и интонации не подтверждается. Мы можем констатировать, что разница в представлениях интонации среди детей и взрослых довольно значительна. Взрослые имеют гораздо больше шансов на успех в представлении интонации.

Сознательный контроль над своим произношением, специальные тренировки мышц, учет возраста, теоретическая база – всё это дает результа-

ты. Таким образом, возраст, является значительным фактором в изучении и представлении интонации.

Из нашего исследования становится очевидной общая тенденция – взрослые в ходе специально организованных тренингов могут делать значительные успехи в представлении иноязычных интонационных моделей, отличающихся от их родных. Нельзя приписывать возможные неудачи в представлении интонации индивидуальным особенностям обучающихся. Дети, не имея опыта представления интонации чужого языка, пользуются интонацией, привычного для них родного языка. Между тем, взрослые, имея опыт теоретического осмысления интонационных моделей, активно пользуются представленными знаниями.

Неудачи взрослых можно объяснить индивидуальными особенностями, а также недостатками процесса обучения. Нам необходимо учиться учитывать социолингвистические факторы в ходе обучения. Наше исследование показало, что практика учета социолингвистических факторов, активные тренинговые задания на сознательный контроль над работой органов речи и артикуляционного аппарата стремительно увеличивает возможности взрослых обучающихся при изучении фонетики английского языка.

Список литературы

1. Федорова К.С. Обучение второму языку. Язык, Общество и Школа. Под общ. ред. К.С. Федоровой. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 444 с. С. 207-262.
2. Acton W. Seven Suggestions of Highly Successful Pronunciation Teaching, 2001. URL: <http://www.jalt-publications.org/tlt/files/97/feb/seven.html> (дата обращения: 12.11.2015).
3. Gilbert J.B. Teaching pronunciation using the prosody pyramid. Cambridge University Press, 2008.
4. Gregory A. E. What's Phonetics got to do with language teaching? // Applied linguistics and language teaching education. Ch.12. General Editor: Leo van Lier. Monterey Institute of International Studies, U.S.A. Springer, 2005. P. 201-220.

5. Herschensohn J. *Language Development and Age*. Cambridge: Cambridge UP, 2007.
6. Kassaian Z. Age and Gender Effect in Phonetic Perception and Production // *Journal of Language Teaching and Research*, Vol. 2, No. 2, pp. 370 -376, 2011. – ACADEMY PUBLISHER Manufactured in Finland. URL: <http://www.academypublisher.com/jltr/vol02/no02/jltr0202.pdf> (дата обращения: 15.07.2015).
7. Stapp Y.F. Neural plasticity and the issue of mimicry tasks in L2 pronunciation studies. *TESL-EJ Teaching English as a Second or Foreign language*, 3 (4), 1999. – 1-24.
8. Shevchenko O.G. Sociolinguistic perspective on teaching English intonation for adult learners // *Procedia - Social and Behavioral Sciences* 2015. Vol. 200. - P. 607-613. – (The 26 annual international academic conference, language and culture, 27–30 Oct. 2015).
9. Wrembel M. Metacompetence-based approach to the teaching of L2 prosody: practical implications. In J.Trouvain & U.Gut (Eds.), *Non-Native Prosody*. - (Trends in linguistics. Studies and monographs), 2007. P. 189-211.
10. Young-Scholten M. Great expectations in phonology? Second language acquisition research and its relation to the teaching of older and younger learners. *Universal Grammar and the Second Language Classroom*, 2013. – *Educational Linguistics Volume 16*. P. 207-229.

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

HISTORY, PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURAL

ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ (1965–1985 гг.)

Афонасьева О.В.

Ишимский педагогический институт (филиал)
Тюменского государственного университета г. Ишим, Россия

В статье дается характеристика личных подсобных хозяйств Среднего Зауралья. Анализируются изменения в производстве сельскохозяйственной продукции приусадебных хозяйств в период 1965–1985 гг. Раскрываются основные преимущества ведения личных подсобных хозяйств для сельских жителей и сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: *сельское хозяйство; личное подсобное хозяйство; государственная политика; производство продуктов питания; денежные доходы; сельские жители; колхозник; пенсионер.*

PRIVATE SUBSIDIARY FARM CENTRAL TRANS URALS 1965–1985

Afonasyeva O.V.

Ishim pedagogical Institute (branch) of Tyumen state University, Russia

In the article, the private subsidiary farms of the Central Trans Urals. Analyzes changes in agricultural production household farms in the period

1965–1985, Reveals the basic advantages of doing private subsidiary farms for rural residents and agricultural production

Keywords: *agricultural industry; private subsidiary farm; government policy; food production; cash income; rural residents; collective farmer; pensioner.*

Немаловажную роль в обеспечении баланса сельскохозяйственной продукции в стране и удовлетворении потребностей населения играют личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Сохранение этой формы производств до настоящего времени в нашем государстве кроется в недостаточно высоком уровне сельскохозяйственного производства, которое могло бы обеспечивать население основными продуктами питания.

Личное подсобное хозяйство возникло из крестьянского хозяйства, получившего новый социально-экономический статус в период коллективизации как временная переходная форма становления социалистических отношений в деревне. Основной причиной сохранения и развития ЛПХ в советский период явилась экономическая необходимость, так как организованные колхозы имели слабую материально-техническую базу и не могли удовлетворить потребности крестьян и городского населения в продуктах питания.

Подсобные хозяйства населения вносили существенную долю в валовое производство сельскохозяйственной продукции, решали проблему самообеспечения продуктами питания сельского населения и таким образом, дополняя собой общественное производство.

В середине 1960-х гг. в Среднем Зауралье происходит перестройка в структуре ведения приусадебного хозяйства, суть которой состояла в перенесении центра тяжести с трудоемких отраслей на более легкие, не требующие больших затрат труда и материальных средств, рассчитанные лишь на собственное потребление.

Такие перемены сложились под целым рядом факторов. Во-первых, расширение и увеличение сельскохозяйственного производства в общественном секторе сократило время на ведение собственного хозяйства. Во-вторых, обеспечение продуктами питания из общественных фондов

рабочих и служащих совхозов позволило сельскому населению отказаться от ведения собственного мясомолочного производства. В-третьих, рост доходов сельского населения от общественного хозяйства ослабил действие одного из самых главных стимулов ведения личного подсобного хозяйства – получения денежных доходов.

Изменение в ведении личного подсобного хозяйства поменяло его долю в сельскохозяйственном производстве. Если в VII пятилетки доля продукции ЛПХ составляла 37% от валовой продукции сельского хозяйства Среднего Зауралья, то в VIII пятилетки она сократилась до 33%, в IX до 29%, в X и XI пятилетках снизилась до 25 процентов [1, с. 14–17].

В 1965 г. размер посевной площади личных подсобных хозяйств составляла 28,2 тыс. га. Больше всего под приусадебное хозяйство было занято земли в Тюменском и Ишимском районах – 2483 га и 2197 га соответственно [2].

Главными культурами в приусадебном земледелии региона были картофель и овощи. На протяжении двадцати лет посевы картофеля составляли 90–96% от общей площади земельного участка. Картофель являлся интенсивной культурой, и особых преимуществ его возделывание на больших полях не имело места, поскольку уборка приходилась на дождливое время и выполнялась в основном вручную. Хранилась значительная часть картофеля в личных погребах, что давало экономию на транспортных расходах. Поэтому на «сотках» выращивалось от 65% до 70% картофеля и только 33% овощей от общего объема производства. Это позволяло вовлечь все дополнительные ресурсы рабочей силы семьи и получить существенный доход [3, с. 137].

В основном увеличение численности приусадебных хозяйств произошло в городах и поселках городского типа, тогда как в сельской местности происходило их сокращение. Так, если в 1970 г. в сельской местности ведением личного подсобного хозяйства было занято 20379 человек, то в 1979 г. эта численность уменьшилась до 11398 человек. В городской местности за этот же период число занятых в ЛПХ увеличилось на 3441 человека. Значительное увеличение числа приусадебных участков моти-

вировалось главным образом недостаточным снабжением региона продуктами овощных и плодово-ягодных культур [4].

К середине 1980-х гг. приусадебные земельные участки имели 81% семей колхозников, 66% рабочих и служащих совхозов и других предприятий, проживающих в сельской местности 21% семей рабочих и служащих в городах [5, с. 1]. Средний размер обрабатываемого участка семьи рабочего и служащего совхоза составлял 11–15 соток, тогда как семья колхозника имела участок в 16–20 соток. Почти такая же разница в размере приусадебного участка сохранялась у вышедших на пенсию по возрасту рабочих и служащих совхозов и колхозников. Значительным отличием в ведении пенсионерами ЛПХ было содержание скота. Из общей численности пенсионеров скот содержали только 23% рабочих и служащих совхозов и 54% колхозников [6]. Для вышедших на пенсию колхозников приусадебное хозяйство было связано не только с получением продуктов питания для внутреннего потребления семьи, но и получением дополнительных финансовых средств, от реализации сельскохозяйственной продукции на городских рынках.

Для личного подсобного хозяйства важнейшей отраслью являлось животноводство. В стоимости всей валовой продукции, получаемой с приусадебных участков, примерно 2/3 приходилось на продукцию животноводства.

Однако, с 1965 г. по 1985 г. численность крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах сократилась с 205 тыс. голов до 165,4 тыс. голов, коров с 130,1 до 83 тыс. голов соответственно [7]. Сокращение крупного рогатого скота и коров в основном было связано с тем, что мясомолочное направление животноводства было наиболее трудоемким. Большинство владельцев подсобного хозяйства переходили на выращивание скота, не требующего больших затрат труда и материальных средств. В связи с чем, на территории Среднего Зауралья происходит увеличение численности овец, коз и лошадей. Только за годы VIII пятилетки их численность в личных подсобных хозяйствах увеличивалось на 33 процента [8, с. 3].

С сокращением поголовья мясомолочного скота происходит снижение производства основных его продуктов. Так, если в 1965 г. производства говья-

дины и телятины в ЛПХ составляло 25%, то в 1985 г. оно снизилось до 13 процентов. Такая же ситуация наблюдалась и в производстве молока [9, с. 38–39].

В середине 1970-х гг. на одного жителя сельской и городской местности приходилось 15,5 кг мяса скота и птицы и 120 кг молока, произведенного в личных хозяйствах крестьян. Через десять лет этот объем продуктов уменьшится в два раза [10, с. 35].

Снижение уровня производства основных продуктов животноводства не могло не сказаться на государственных закупках. Например, в XI пятилетке продажа государству скота ЛПХ в сравнении с VIII пятилеткой сократилась в 4,7 раза [11].

Снижение экономической заинтересованности рабочих совхозов и колхозников в ведении приусадебного хозяйства, связывалось так же с повышением квалификации и оплаты труда в общественном производстве. В середине 1970–1980-х гг. основной доход рабочих и служащих совхозов составляла заработная плата – 85,6% и только 6,3% от ведения личного подсобного хозяйства [12].

Ведение подсобного хозяйства было более значимо для пенсионеров. Ежемесячный доход от продажи продуктов и скота с подворья составлял у вышедших на пенсию колхозников в среднем 65 руб. и 20 руб. у пенсионеров совхозов [13].

Основная разница в получении дополнительного дохода между пенсионерами совхозов и колхозов заключалась не только в размерах обрабатываемых земельных участков и количестве, содержащегося в хозяйстве скота. Скорее всего, большое значение играл психологический аспект. Связь с землей и способность к труду у крестьян заложено с рождения. Однако построенная государством структура форм сельскохозяйственного производства ставила в разные условия рабочих и служащих совхозов и колхозников. Последним не приходилось ждать помощи из вне. Государственный принцип 1930-х гг. «деревня должна была сама выбираться из кризиса, без поддержки государства», заставлял крестьян работать на результат. Чем больше и качественнее выполнялись сельскохозяйственные работы, тем больше финансовых средств

получал колхоз. Выработанный принцип в самосознании крестьян и более низкие государственные пенсионные выплаты в сравнении с вышедшими на пенсию рабочими и служащими, мотивировали не только пенсионеров, но и работающих колхозников к получению дополнительных финансовых средств через реализацию продукции собственного приусадебного хозяйства [14, с. 139].

Полученные деньги от продажи продуктов и скота обычно расходовались ими на приобретение товаров длительного пользования. К середине 1980-х гг. почти 94% пенсионеров, проживающих в сельской местности имели телевизоры, 40% холодильники, 30% стиральные машины и другие товары длительного пользования [15]. Основная масса товаров приобреталась на доходы, полученные от личных подсобных хозяйств.

Введенные ограничения крестьян в использовании земельного участка, который «предназначался только для производства сельскохозяйственной продукции, а не для личного обогащения или стяжательства», в реальности были не действенны. Разрешенный для использования размер земельного участка (для колхозников – 0,5 га, для рабочих и служащих совхозов – 0,25 га) был вполне достаточным для ведения ЛПХ. Не имея личной сельскохозяйственной техники и оборудования, обработка земли и содержание скота в более больших масштабах было не возможно для сельских жителей [16].

Таким образом, в 1965–1985 гг. приусадебное хозяйство Среднего Зауралья претерпело значительные изменения. Из универсального производства подворья колхозников, рабочих и служащих ведущее место стало занимать растениеводство, тогда как общественное производство взяло на себя наиболее трудоемкую отрасль животноводства – мясомолочное производство. Хотя доля ЛПХ в валовой продукции сельского хозяйства значительно сократилась, она сохранила за собой $\frac{1}{4}$ часть всего сельскохозяйственного производства региона.

Список литературы

1. Валовая продукция и производительность труда в сельском хозяйстве. Статистический сборник. Тюмень, 1984.

2. О развитии сельского хозяйства Тюменской области за 1958–1965 гг. Статистический сборник. Тюмень, 1966. С. 1; Основные показатели развития отраслей АПК за годы 11 пятилетки. Статистический сборник. Тюмень, 1986. С. 53; Развитие подсобных хозяйств граждан 1982–1987 гг. Тюмень, 1987. С. 10–12.
3. Афонасьева О.В., Барна М.Ю и др. Глава 7 Сельскохозяйственное производство Среднего Зауралья 1965–1985 гг. В кн. Экономика сегодня: новые вызовы новые решения. Под ред. Э.Ю. Черкесовой. Ставрополь, 2015. Книга 2.
4. ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 18. Л. 3, 6, 39, 42, 75, 78; Д. 84. Л. 11, 14, 71, 74, 131, 134. О развитии сельского хозяйства Тюменской области за 1958–1965 гг. Статистический сборник. Тюмень, 1966. С. 1; Развитие подсобных хозяйств граждан 1982–1987 гг. Тюмень, 1987. С. 1.
5. О производстве сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан. Тюмень, 1983.
6. ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 722. Л. 98–107.
7. О развитии сельского хозяйства Тюменской области за 1958–1965 гг. Статистический сборник. Тюмень, 1966. С. 85–88; Тюменская область в цифрах за годы 11 пятилетки 1981–1985 гг. Тюмень, 1986. С. 90; Сельское хозяйство (основные итоги за 1965–1990 гг.) Тюмень, 1990. С. 14.
8. О развитии оленеводства в области за годы 8 пятилетки (1966–1970 гг.) Тюмень, 1971.
9. Тюменская область в цифрах 1981–1985 гг. Свердловск, 1986.
10. Развитие подсобных хозяйств граждан 1982–1987 гг. Тюмень, 1987.
11. Народное хозяйство Тюменской области за 1945–1980 гг. Тюмень, 1981. С. 229–231; Основные показатели развития сельского хозяйства за годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) Тюмень, 1986. С. 169.
12. ГБУТО ГАТО Ф. 1112. Оп. 1. Д. 6855. Л. 28, 29.
13. ГБУТО ГАТО. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 722. Л. 98.
14. Афонасьева О.В., Барна М.Ю и др. Глава 7 Сельскохозяйственное производство Среднего Зауралья 1965–1985 гг. В кн. Экономика сегодня: новые вызовы новые решения. Под ред. Э.Ю. Черкесовой. Ставрополь, 2015. Книга 2.
15. ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 6855. Л. 184.
16. ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 1075. Л. 226.

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЛИЧНОСТИ

Бестаева Э.Ш.

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Россия

В статье рассматривается процесс формирования гармоничного единства общественного и индивидуального в условиях развития современного общества. Нравственная культура, функционируя в органической взаимосвязи с художественно-эстетическим и научно-образовательным компонентом общественной культуры, составляет основу поведенческой культуры личности.

Ключевые слова: личность; мораль; социальное; индивидуальное; развитие; нравственная культура.

THE DIALECTICS OF SOCIAL AND INDIVIDUAL IN THE MORAL CULTURE OF THE PERSON

Bestaeva E.Sh.

North Osetian State University of a name of K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Russia

The article deals with the formation of a harmonious unity of the social and individual development in a modern society. Moral culture, functioning in an organic relationship with the artistic and aesthetic, scientific and educational component of social culture, behavioral culture is the basis of personality.

Keywords: identity; morality; social; individual; development; moral culture.

Нравственная культура личности понятие конкретно историческое. Нравственная культура изменялась в процессе перехода от одной общественно-э-

кономической формации к другой. Однако при всех этих изменениях всегда оставалась неизменной проблема взаимоотношения общих норм нравственной культуры и индивидуального нравственного сознания и поведения.

Начиная с глубокой древности, в истории философии на осмысление этой проблемы были направлены все этические теории. Индивидуальная деятельность человека – это ее социализация. Люди вступают в общественные отношения как представители определенных общественных классов, носители их мировоззрения, идеалов, нравственных позиций и убеждений. «Индивиды – писал К. Маркс, – хотя их отношения и кажутся более личными, вступают между собой в общение только как индивиды в той или иной социальной определенности, как феодал и вассал и так далее» [5, 107]. Если индивидуальная жизнь человека социальна то в чем же тогда состоит подлинный смысл диалектики социального и индивидуального, можно ли вообще ставить эту проблему?

Говоря о диалектике социального и индивидуального, термин «социальный» в данном контексте мы понимаем как общественный. Здесь речь идет о диалектическом единстве и различии общественной и индивидуальной жизни человека, представляющих собой фактически различные уровни проявления социального. Индивидуальная жизнь, выступает либо особенным, либо более всеобщим проявлением общественной жизни. Объясняется это тем, что любой индивид частично, избирательно присваивает в процессе своей жизнедеятельности общественные отношения. Следует также учитывать ограниченность индивидуальной практики по сравнению с общественной практикой. Избирательность присвоения единых общественных отношений людьми в силу неоднородности условий их жизни и личной практики лежат в основе их индивидуальных различий. Индивиды присваивают общественные отношения с разной степенью глубины и основательности. И наконец, общественные отношения присваиваются индивидом противоречиво.

Соотношение общественной и индивидуальной жизни человека полностью подчиняется закономерностям отношения общего и единичного. Здесь конечно нужно учитывать особенности социального на индивидуальном уровне, именно это особенность индивида проявляется в обще-

ственном ее бытии. Здесь важно подчеркнуть роль активности самого индивида в осуществлении своей социализации и индивидуализации, становлении и развитии. Вот почему в конечном итоге личность, прежде всего сама отвечает за свое собственное развитие.

Эти общие методологические положения диалектики социального и индивидуального всецело применимы и к характеристике действия норм культуры. Культура в целом и нравственная культура в частности выступает как нормативная система. Культура не могла бы функционировать в обществе, если бы она не предписывала членам общества в целом определенных единых и обязательных для всех норм мышления и поведения. В этом смысле Гегель говорил о культуре как о преодолении субъективности и возвышении до всеобщего. «В развитии всеобщности мышления – писал он – состоит абсолютная ценность культуры» [2, 47].

Подчинение эгоистических, индивидуалистских личных интересов интересам общественным и есть в данном случае «преодоление субъективности» и овладение нормами современной нравственной культуры.

Однако едва ли не важнейшая особенность культуры состоит в том, что она, «преодолевая субъективность», вместе с тем и сохраняет ее. Так, Гегель отмечал, что в процессе овладения культурой «сама субъективная воля обретает в себе объективность», а «особенность становится подлинным для – себя – бытием единичности» [3, 216]. Таким образом, субъективность в процессе овладения культурой превращается в то, что Гегель назвал «культурной субъективностью» [4, 215].

Исходя, из идей Гегеля можно пояснить следующее что, культура дает человеку всеобъемлющий выбор культурных ценностей. Проблема культурной деятельности есть всегда проблема выбора тех или иных ее, подлинных ценностей. Овладение культурой не только не лишает человека индивидуальности, но, наоборот, формирует, и максимально ее развивает. Понятно, что в данном случае речь идет о подлинной прогрессивной культуре. Этим самым и достигается «культурная субъективность». Действительное назначение культуры нашего общества состоит именно в том, что она выступает не только средством социализации личности, но и приобщением ее к общественному целому.

Особый интерес в этом плане представляет проблема нравственной культуры. Если в художественной культуре человек может предпочесть нормы одного вида искусства другим видам, то в нравственной культуре такого широкого выбора естественно, быть не может. Люди не смогут стать нравственно-культурными, если будут субъективно выбирать одни, приемлемые для нас нормы и игнорировать другие, столь же императивные и обязательные для всех. Здесь возникает вопрос, имеет ли место «сохранение субъективности» при овладении всеобщими нормами нравственной культуры? Да, несомненно, мораль современного общества и овладение всеобщими ее нормами является обязательным для всех членов общества. Это сближает нравственную культуру с правовой.

В определенных границах индивидуализация проявляется и в нравственной культуре, что находит свое отражение, конечно же, не в выборе ее норм. Влияние норм нравственной культуры на весь духовный мир личности, ее внутреннюю структуру в этом и заключается, на наш взгляд, особенность индивидуализации. Специфика норм нравственной культуры состоит в том, что они превращаются в своеобразное содержание личности, в черту ее характера, и пронизывают всю структуру взглядов, убеждений личности, ее повседневного поведения. Дело здесь не только в различной глубине и прочности, устойчивости усвоения норм нравственной культуры, а в индивидуальном своеобразии преломления во внутреннем мире и в поведении личности. Одна и та же, прочно освоенная, норма нравственной культуры по-разному проявляется в общественно ценных и справедливых поступках людей, их индивидуальном сознании.

Нравственная культура способствует «сохранению субъективности», т.е. индивидуализации личности. Критерием нравственной культуры является нравственный смысл деятельности человека, его поступков. Нравственные нормы переходят для него в привычку, в образ мыслей и образ жизни. Совершается это у разных людей по-разному, ибо для нравственно культурного человека нравственные нормы выступают чертой его характера. Без освоения в такой индивидуальной форме всеобщих норм нравственной культуры индивидуальность вообще не может сформироваться. Индивидуальные

нравственные характеристики личности раскрываются здесь не просто как случайны, неповторимые, единичные, а именно как реализация нравственной культуры нашего общества, как всеобщего в единичном.

Нравственная социализация личности всегда индивидуальна по форме, способу осуществления нравственной деятельности. Поэтому индивидуализация в применении нравственных принципов и норм, их конкретном осуществлении связана с личной ответственностью за свои поступки. Каждая личность, выступая своеобразной автономной системой, избирательно осваивает богатство нравственных принципов, норм и отношений, Это обусловлено не только особенностями конкретной направленности потребностей и способностей личности, но и ее мировоззрением, накопленным жизненным опытом, характером участия в различных видах общественной жизнедеятельности. Индивидуализация предполагает творческое освоение личностью норм нравственной культуры общества, когда обобщенные, всеобщие нравственные потребности, преломляясь через обстоятельства жизнедеятельности личности, конкретные ситуации, перерастают в осознание личного долга, индивидуальную систему мотивации нравственного выбора. Умение следовать общепринятому образцу и в соответствии со своей совестью, убеждениями, уникальностью обстоятельств самосовершенствовать себя, свой нравственный облик все это выражает личностное начало.

Список литературы

1. Бестаева Э.Ш. «Единство социального и индивидуального в нравственной культуре личности» // Философия. Толерантность. Глобализация Восток и Запад – диалог мировоззрений. Материалы 7 философского конгресса. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Т. 3. С. 86.
2. Гегель Г. Философия права // Собр. соч. Л., 1934, т. 7. С. 47.
3. Гегель Г. Философия права // Собр. соч. Л., 1934, т. 7. С. 216.
4. Гегель Г. Философия права // Собр. соч. Л., 1934, т. 7. С. 215.
5. Каган М.С. Философия культуры. Спб.: Петрополис, 1996.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1857-1859 годов. М., 1968, т. 46. С. 106-107.
7. Швейцер А. Культура и этика. М., 1984.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Галушко В.Г., Кудряшов С.В., Вашурин А.Н.

Санкт-Петербургский государственный институт психологии
и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается мировоззренческое взаимодействие философии и науки. Изучение природы предполагает человеческое присутствие, его сознание и ценностный смысл. Это определяет реализуемость ценностей человека в современной научной картине мира.

Ключевые слова: философия; наука; сознание; антропный принцип; смысл; мировоззренческие ценности; образование.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PROCESS

Galushko V.G., Kudryashov S.V., Vashurin A.N.

Saint-Petersburg state Institute of psychology and social work,
St. Petersburg, Russia

The article deals with the interaction of philosophy and science. The study of nature implies the human presence, his consciousness and sense of value. It determines the feasibility of human values in the modern scientific picture of the world.

Keywords: philosophy; science; consciousness; the anthropic principle; meaning; ideological values; education.

Наша цивилизация пребывает в процессе преобразования, который ведет к метаморфозе различных культурных форм. В этой связи уместно вспомнить вопросы А.Вебера, поставленные в работе «Общественный

процесс, процесс цивилизации и движение культуры»: существует ли общий смысл истории? Каково это осуществление смысла? Вебер говорит, что если в истории существует смысл, то в этом находит свое выражение нечто метаисторическое в ней, то, что коренится вне ее релятивистского процесса, в области абсолютного. Это может быть только осуществлением универсализирующих сил.

В культурологическом аспекте для современного сознания характерно противостояние двух теорий эпохи. Согласно одной из них мы живем еще в эпоху модерна, проект которой еще должен быть завершен. Другая теория рассматривает настоящее как эпоху постмодерна, которая должна сохранить определенные импульсы предыдущей эпохи (правовое государство, права человека) и одновременно развить их дальше. Модерн определял свободу как возможность любого выбора, варианта. Социальная программа модернизации имеет целью увеличение производственных мощностей, обретение новых сфер деятельности и автономии отдельного. Понимание человеческих поступков в эпоху модерна регулируется идеей свободы выбора и увеличения вариантов этого выбора.

Предпринимая сегодня в России экзогенную модернизацию, пытаюсь догнать-перенять, хорошо бы не упустить из виду: «Мы находимся в мире, непоправимо искаженном самим человеком. Нам надлежит реалистически ориентироваться перед лицом этой опасности и, насколько это возможно, устранить ее» [4, с. 258].

Ныне сложилась такая ситуация, что в философском пространстве наблюдается определенный концептуальный хаос, из которого должны возникнуть различные философские подходы, завершающиеся некой новой философской парадигмой. Существенной характеристикой новой философской парадигмы является возрождение философии как логики мировоззрения, или мировоззрения в понятиях. При этом современная философия сможет претендовать на звание мировоззрения в полной мере в том случае, если будет действительно целостной, универсальной.

Современная наука все чаще не укладывается в рамки существующих традиционных философско-мировоззренческих парадигм, – моделей

объяснения мира. Но их роль неоднозначна: на определенных стадиях развития науки они действуют на научное познание как концептуальное ограничение. Нынешняя ситуация в науке характеризуется тем, что требует качественно новой мировоззренческой концепции и соответствующего теоретического ядра в виде современной философии. В рамках существующих философских систем объясняются и обосновываются не все факты и явления, которые часто противоречивы и которые имплицитно предполагают наряду с используемыми философскими парадигмами и другие подходы.

Неклассическая физика начала XX в. (в квантовой механике и теории относительности) показала необходимость введения в систему наблюдателя, то есть антропного компонента. А в последние двадцать лет теория динамического хаоса, диссипативных структур и синергетика раскрыли систему и связали ее в точках бифуркации со всеми уровнями бытия. В эпоху постнеклассической науки происходит возвращение к истокам человеческого постижения мира, к познанию мира в рамках мифологического сознания как гармоничного и целостного образования. Подобному толкованию мира и его познанию ныне необходимо соответствующее мировоззренческое обоснование.

Смысл открывает нам пространство формы. Используя современный язык науки, нужно сказать, что понятие «информация», восходит к *inform* – «придавать форму». Содержание теоретических концепций, всей научно-теоретической деятельности ученого буквально пронизано мировоззрением, не может существовать без него в силу активности познавательного процесса. Обилие мировоззренческих проблем, рожденных естествознанием, побудило, как известно, А. Эйнштейна признать, что «всякая физика есть метафизика».

Мировоззренческие принципы входят в науку как неизбежный, всепроникающий элемент во все времена ее существования. Правда, иногда это происходит как бы автоматически, неявным способом. Справедливо высказывание М.К. Мамардашвили о том, что внутри наук существуют уже совершившиеся в качестве предпосылок и условий возможно-

го опытного, научного познания некие акты философствования. Они и «структурируют» профессиональные научные знания в сознании, придают им смысл.

Философско-методологическое сознание структурирует, определяет, формирует профессиональные знания, придает им соответствующий статус и смысл в общей определенности мира. Обращая внимание на значение философии для научного познания, Л. Бриллюэн считал, что «ученые всегда работают на основе некоторых философских предпосылок, и, хотя, многие из них могут не осознавать этого, эти предпосылки в действительности определяют их общую позицию в исследовании» [7, с. 134].

Дж. Реале и Д. Антисери, ссылаясь на К. Ясперса, утверждают: «Наука необходима для философии, ибо показывает ей возможные пути познания, методологически точные и выверенные результаты исследований, без чего философия была бы слепа. С другой стороны, философия присутствует в науках в качестве их внутренне связующего смысла» [5, с. 400].

Теория относительности и квантовая механика – две наиболее значительные концепции, положившие начало изменению мировоззренческих оснований всей науки. Научное мышление не обосновывает само себя, исходные принципы науки научными средствами не доказываются. Именно в сфере начал (оснований) науки происходит столкновение двух возможных «кандидатов» на толкование истоков научной деятельности – философии и религии. Н. Бердяев в связи с этим отмечал, что наука сама себя не может обосновать, не может укрепить себя в пределах точного знания. Сами первоосновы науки требуют иного, философского обоснования.

Важно также и то, что этические и религиозные принципы благодаря науке получают сегодня подтверждение не только в качестве истинных максим человеческого поведения, но как проявление общих *природных законов*, которые человеку нельзя нарушать, дабы не нанести ущерба биосфере в целом, здоровью и социальному благополучию окружающих людей, а также собственному здоровью и благополучию. Физиологи единодушно приходят к выводу, что ничто не наносит большего вреда отношениям с окружающими людьми (равно как и гармонии собственного

телесно-психического существования), чем состояние постоянного раздражения и озлобленности.

В 60-е годы XX столетия в науку был введен так называемый антропный принцип. В последнее время вокруг него идут многочисленные дискуссии, пока же он не получил общепринятой формулировки. Напротив, почти каждый автор формулирует его по-своему, причем неопределенность, неоднозначность всех этих формулировок остаются весьма заметными. Мировоззренческий спор вокруг антропного принципа обещает стать почти столь же острым, как в свое время споры о теории расширяющейся Вселенной.

Законы природы, включая человеческое присутствие, «онтологизируют» его сознание и ценностный смысл бытия. Об этом свидетельствует и современная физика, самые трудные методологические вопросы которой связаны с такими умозрительными конструкциями, как «кварки» и «струны». Проблема в том, что, собственно, исследуется. Каков статус так называемых физических объектов и в какой степени они могут быть названы «физическими» и «объектами», коль скоро они взаимодействуют с орудиями своего наблюдения и возникают на кончике математического пера. Используя понятие «социокогнитивного контура», под которым понимают способ превращения содержания бытия в содержание знания, а содержания знания – в содержание бытия через всю систему наличных опосредований, главным в этом процессе трансформации называют смысловую доминанту.

Для современной науки все актуальнее становится вопрос о природе и сущности сознания. «Специфика современной мировоззренческой ситуации заключается в том, что... осуществляется переход к принципиально новой парадигме мышления – многомерности. Этот переход предполагает... революцию в категориальном каркасе научного и философского знаний, поиск иных их логико-методологических оснований» [2, с. 30]. Концептуальным контуром версии многомерности является ключевой тезис, согласно которому гносеологическая модель заслуживает рассмотрения в качестве важнейшей категории многомерной логики и методологии.

Современная наука подошла к такому рубежу, когда начинает выявляться связь психических явлений с квантово-полевыми структурами головного мозга. Делаются смелые выводы о том, что на этом уровне психические процессы оказываются своеобразной формой материи. Иначе говоря, существует такая реальность, которая, будучи материальной, одновременно обладает свойствами психического.

Сознание рассматривается как модус идеального, причем исследователи, по мнению Л.В. Сурковой, отмечают существование идеального в двух формах - как компонент практической деятельности и как идеальное-норма (внеэмпирическая структура сознания, выражающая условие возможности опыта сознания). В каждый момент времени одновременно реализуются и сам опыт сознания, и его условие как идеальное-норма. И если опыт сознания поддается рефлексии, то идеальное-норма всегда как бы остается в «остатке» [6, с. 7].

Учитывая сложную структуру сознания, постоянные поиски «конечных», мировоззренческих начал бытия и новейшие открытия в науке, трудно не соотнести идеи всеобщего единства и тождества в современной физике с положениями мировых религий и учениями восточного мистицизма. Н. Бор хорошо знал, что его понятие дополнительности имеет соответствие в китайской философии.

К концу прошлого столетия постепенно выдвинулась категория меры в культурологии, не отвергающая категорию деятельности, а углубляющая и развивающая ее, мировоззренческий смысл которой в современных условиях все более возрастает. Через категорию меры в современную культуру входит понятие диалога, общения, так важного для решения современных проблем, в том числе духовно-экологических. Л.А. Коган пишет: «Примером со-бытийной, со-творческой деятельности человека может служить методологически ключевая категория меры. Ее онтологические истоки — в структуре и динамике Бытия, — его объективно складывающихся соответствиях, пропорциях, симметриях» [6, с. 68]. Категория меры сопряжена с понятиями гармонии, коэволюции, целостности.

Идея целостности, являясь своеобразным мировоззренческим «невном» нашей эпохи, определяет основное содержание современной философии, науки и образования как важнейших духовных и духовно-практических сфер человека. Парадигма целостного мировоззрения наиболее адекватна современным реалиям. При этом нельзя сказать, что она возникла именно сейчас. Проблема целостного мировоззрения неоднократно возникала в истории мысли: внутри философии, в богословских и трудах естествоиспытателей, тяготевших к холистическому взгляду на мир. В конце XX - начале XXI в. проблема целостного мировоззрения, общепланетарной мировоззренческой парадигмы стала особенно злободневной. Актуальность целостного взгляда на мир ныне определяется интегративными процессами в науке, все настоятельней ощущается потребность в обобщающих подходах и синтетических теориях, где видна идея всеобщей связи, антропный принцип, синергетика и т.д.

На рубеже XX и XXI веков утвердилась тенденция подведения промежуточных итогов в развитии когнитивной науки, выросшей из исследований искусственного интеллекта. По мнению Х. Дрейфуса, философская феноменология в наибольшей мере учитывает реальные свойства сознания и, прежде всего, интенциональность [1]. Весомый потенциал для обновления когнитологии заложен в философии М. Хайдеггера. Здесь дана утвердительная критика репрезентативной теории значений. Язык характеризует не наше представление, а говорит нечто о мире, высказывание позволяет вещам быть видимыми «из себя». Для познания и овладения вещью требуются еще и лингвистические интенциональные структуры – практические действия, дающие состояние умелости. Вклад М. Мерло-Понти состоит в том, что он развил феноменологию восприятия. Здесь идея репрезентации терпит окончательный крах, ибо выясняется, что восприятие включает состояния тела, единство состояний тела (предмет) и ментальные состояния. И все это имеет доязыковую интенциональность. Если когнитивные науки начнут учитывать феноменологические аспекты, они обретут новую перспективу.

Философская антропология в XX в. конституировалась как своеобразная реакция на возникший дефицит целостного знания о человеке, как ответ на философско-гуманитарное «растаскивание» человека по различным ведомствам, ответ на конструирование «частей» человека вместо самого человека. Определение XX века как века социально-антропологических катаклизмов с наибольшим основанием можно отнести к России. Своеобразная концентрированность в России основных общемировых коллизий взаимоотношения человека и общества объясняет то, почему именно здесь социально-философская антропология может быть наиболее востребована.

Н. Бердяев считал, что науке свойственно дискурсивное мышление, для которого все начала и концы оказываются скрытыми в глубине. Дискурсивное мышление опирается на интуицию и на элементарную веру.

Современная научная картина мира определяется тем, что в ней мы имеем дело не с феноменологическими, жестко структурированными объектами, а с объектами в виде «человекоразмерных» природных комплексов (В.С. Степин). Изучение подобных комплексов, требуя экспертных программ, сочетания ценностных факторов с научно-техническим решением, предполагает «встроенность» человека в самом исследуемом объекте. Этот новый тип соотношения субъекта с реальностью органически «вплетен» в содержание современной научной картины мира.

Современная научная картина мира реализует особый тип состыковки внутринаучных и социальных ценностей, способствующих созданию нового типа знания. Условиями поиска истины в таком знании являются принципы корреляции ценностей и объектных процессов, взаимной коэволюции науки и культуры. В новой ситуации человек оказывается «погружен» в культуру. Вместе с тем он включен и в структуру объекта познания со всей своей ментальностью. Человек в современной научной картине мира присутствует не как эмпирический и познающий элемент, а как сама реальность, то есть онтологически.

Наука, «отражаясь» в образовании, требует соответствующего философского обоснования с единых мировоззренческих позиций. Сегодня

проблему диалога науки и образования актуализируют: 1) специфика становления глобального информационного общества (интенсивное развитие информационных технологий); 2) развитие конверсии научно-технического прогресса и его переориентации (переход к новым ценностно-целевым); 3) углубление общемирового кризиса образования, вызванного падением его эффективности; 4) необходимость повышения эффективности научно-технического и образовательного потенциалов России; 5) потребность развития научно-инновационной и образовательной сфер в регионах нашей страны [3, с. 35-36].

Постиндустриальное общество предъявляет специалистам жесткие требования: потребность в универсальных знаниях и навыках специалиста, способность быстро изменять узкоспециальную направленность. Не менее важно: способность и естественная потребность выпускника овладевать новыми знаниями, расширять профессиональный кругозор, иметь возможность схватывать и быстро осваивать новые научные разработки, технологии, сферы деятельности. Для развития подобных навыков требуется пересмотреть всю систему университетского образования. Данная проблема приобрела ныне общемировой характер.

Фундаментальные науки ориентированы главным образом на получение описательно-объяснительного знания. Прикладные науки направлены прежде всего на получение описательно-конструктивного, методологического знания. Философия в этом случае – целостная и непротиворечивая система воззрений. Фундаментализация – это образовательная тенденция, направленная на создание цельного, обобщающего знания, которое являлось бы ядром и основой всех полученных студентом знаний, которое объединяло бы получаемые в процессе обучения знания в единую мировоззренческую систему, основанную на базе современной методологии.

Сущность принципа фундаментализации образования состоит, видимо, в том, что каждая область знания, изучаемого в университете, является частью всего комплекса связанных с ней наук. В наше время возрастающей специализации и дробления наук необходимо знание интегри-

руюющих, обобщающих наук, позволяющих выработать наиболее общие принципы научного знания мира и, в идеале, приводящих к познанию цельного мировоззрения студента, поскольку именно мировоззренческая составляющая понимания занимает в нем ведущее место. В результате сущностные критерии фундаментализации: выполнение трех взаимосвязанных функций – образования, воспитания, развития; формирование теоретического типа научного мышления личности и создание интеллектуального фундамента для ее саморазвития. Фундаментализация системы университетского образования позволит органически соединить функции образования, воспитания и саморазвития личности.

Список литературы

1. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. М.: Прогресс, 1978.
2. Дрюк М.А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестник МГУ. Сер. Философия. 2002. № 2.
3. Жукова О.А. Интеграция науки и образования как проблема аксиологии // Вестник Томск. пед. университета. Сер. Гуманитарные науки. 2000. № 7.
4. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009.
5. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.4: От романтизма до наших дней. СПб.: Петрополис, 1997.
6. Суркова Л.В. От теории познания – к философии познания? // Вестник МГУ. Сер. Философия. 2001. № 2.
7. Философия и методология науки /Под ред. В.И. Купцова. М., 1996.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Герасимов Е.В.

ФГБОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет»,
г. Нижневартовск, Россия

В статье дается социально-культурологический анализ процессов, аспектов влияющих на формирование и трансформацию гендерных стереотипов в молодежной среде. Рассматривается и приводится анализ, позволяющий понять роль, место и способ формирования гендерных стереотипов. Автор рассматривает изменение гендерных стереотипов в обществе как разнонаправленные тенденции и поляризацию одного и того же феномена, который несет в себе опасность для будущего социальных и культурных отношений в обществе.

Ключевые слова: *гендерные стереотипы; гендерная идентичность; национальная культура; региональные особенности; социализация молодежи; гендер; молодежь.*

CULTUROLOGICAL ASPECTS OF GENDER STEREOTYPES SHAPING IN THE ENVIRONMENT OF THE YOUTH

Gerasimov E.VI.

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

The article provides a social and culturological analysis of processes and aspects influencing the shaping and transformation of gender stereotypes in the environment of the youth. We discuss and provide analysis, allowing the comprehension of the role, place and means of gender stereotypes shaping.

The author considers the change of gender stereotypes in the society as multi-directional tendencies and as the polarization of the same phenomenon, which implies a risk for future social and cultural relationships in the society.

Keywords: *gender stereotypes; gender identity; national culture; regional peculiarities; socialization of the youth; gender; youth.*

Актуальность рассмотрения проблем трансформации гендерных стереотипов в современной молодежной среде не вызывает сомнения: деформация устоявшихся стереотипов социальной и экономической жизни, разрушение догматических идеологических установок, экспансия западных мировоззренческих стереотипов способствует все большему изменению оценок личностных характеристик граждан страны и способствует трансформации культурных и ценностных жизненных ориентиров людей. Существовавший до этого советский гендерный порядок, с его активной поддержкой материнства и детства, вмешательством государства в семейные отношения сменился свободными отношениями, в том числе, и в брачных связях мужчины и женщины. Совпавшая с разрушением социализма сексуальная революция привела к кризису маскулинности, к изменению восприятия женских и мужских обязанностей в традиционных сферах, затронув и семейные отношения. При этом в российских условиях, данные трансформационные процессы имели свои особенности и связанные с этим специфические ценностные ориентации для молодежи, продиктованные этническими, конфессиональными и региональными различиями. Эти изменения в нашем обществе являются достаточно динамичными и довольно противоречивыми, и по этой причине они до сих пор остаются неизученными. Вот почему в современных изданиях приходится порой сталкиваться с совершенно противоположными оценками и выводами.

Гендерная дифференциация является одной из самых универсальных феноменов, имеющая существенное значение в жизнедеятельности общества. Основоположники научного направления, изучавшие проблему гендера, подчеркивали, что правомерно рассматривать имеющиеся в дан-

ной сфере стереотипы с двух позиций – в мужском и женском самосознании. В социальном плане данные взгляды и представления находят свое проявление и фиксируются в общественном сознании. Уоррел Липпман, в своей работе «Общественное мнение» [3, с. 145], впервые обозначая понятие стереотипа, определяет его как «предвзятые мнения», которые могут «решительно» управлять всеми процессами восприятия. Поэтому все изменения и деформации в общественной жизни обязательно отражаются в стереотипах о месте и роли мужчины и женщины в семье, и таким образом унифицируют представления общества об основах социальной жизни.

Социологические исследования, которые проводились в последние годы, наглядно показывают об увеличении среди молодых мужчин сторонников патриархальной семьи: их в три раза больше, чем среди девушек [8, с. 5]. Такая тенденция может стать основой семейных конфликтов, что в перспективе негативно скажется на общей демографической ситуации в стране.

Изменение социальной структуры нашего общества трансформировало, прежде всего, мироосознание и мироощущение подрастающего поколения, так как взрослое население, несмотря на то, что испытывало некоторые трудности в усвоении новых форм социальной реальности, все-таки по инерции воспринимало изменения как своеобразный, но закономерный ход истории. А социальную инерцию россиян не следует отождествлять только с устойчивостью - она складывается из равнодействующих сил: изменчивости и устойчивости, и предстает как стабильное сохранение определенных изменений. Инерция, как исходный момент социальных преобразований, всегда неразрывно связана с социокультурными условиями конкретного общества [8, с.205].

Реформаторы новой России всеми силами способствовали и порой генерировали все новые взгляды на формы брачно-семейной практики и взаимоотношения полов, ценностные и культурные ориентиры общества в этой сфере. Подвергались сомнению традиционные нормы и ценности семьи и брака, при этом сам образ жизни и бытия в семье новой элиты

бизнесменов и политиков нельзя было назвать образцом для подражания с точки зрения моральных норм и нравственных принципов, веками устоявшихся в российском обществе.

Несомненно, за последние два десятилетия российское общество подверглось колоссальным изменениям в политической, экономической, социальной и духовной сфере, что не могло не повлиять на появление новых гендерных стереотипов: радикальные сдвиги наблюдаются в статусно-ролевых позициях полов, усилились неформальные отношения к семейно-брачным отношениям, произошло масштабное падение значимости самого института брака. Все большее количество молодых людей отдают предпочтение так называемому «гражданскому браку». Молодежь стремится все большей свободе половых отношений. При этом мужчины часто теряют свои позиции монополиста в выборе партнера, что ранее было обозначено термином «кризиса мужской идентичности» [4]. Средства массовой информации, кино, телевидение складывает свое представление о возрасте брачующихся и их взаимных семейных обязанностях, сам факт рождения детей теперь не представляется только как плод любви. Но некоторая инфантильность, потеря лидерства мужчины в семье мало отразилось на реальной жизни основной массы российских граждан: в политической и экономической жизни страны определяющее место занято мужским населением. Конечно, женщины добиваются успехов и в бизнесе, и во власти, но это, скорее исключение, чем тенденция или устоявшееся правило. Некоторые неформальные способы проявления женщинами своей активности в различных сферах (например, случай с «Pussy Riot») большинством населения воспринимается как карикатура или юродство и не находят должного резонанса и поддержки в российском обществе.

Надо заметить, что за рассматриваемый период несколько изменились в сторону либерализации взгляды на нетрадиционные семейные узы, варианты и параметры любовных и брачных отношений. Вместе с тем, следует особо отметить, что демократизация и свобода в отношениях полов в России заметно отличается в зависимости от региона

проживания конкретного жителя. Если в центральных регионах Российской Федерации возможны открытые выступления за свои права гомосексуалистов, лесбиянок и других представителей ЛГБТ-сообщества, то в провинции (Закавказье, Сибирь, Дальний Восток) проявления своей инаковости, этими категориями граждан, нежелательны или губительны. Конечно, это вовсе не означает сохранения в нашей стране только лишь патриархальных стандартов во взаимоотношениях полов, но говорит о противоречиях развития гендерных парадигм, выступающих как маркер социального бытия семьи в обществе [1, с. 116]. Скорее всего, мы наблюдаем взаимосвязанные, порой взаимоисключающие тенденции в отношениях полов, что может негативно сказаться в социально-культурной ориентации граждан.

Образы «женственности» и «мужественности», созданные в предшествующий период, вступают в резкое противоречие с новыми гендерными ролями и статусами, формирование которых наблюдается в современном обществе. Особенно это касается девушек, мечущихся между желанием сохранить требуемый мужчинами феминный образ и желанием приобрести востребованные в андроцентрическом социуме, ранее считавшие только мужскими, черты: напористость, жесткость, устойчивость к стрессовым ситуациям. Ведь для достижения успеха в профессиональной сфере или в любовных отношениях, ей придется бороться и с окружающими, и со своими собственными устоявшимися представлениями, которые культивировались веками в семье. Это касается и базовых в традиционной гендерной социализации стереотипов [2, с. 199].

Значимость исследования в области молодежных гендерных стереотипов, рассматривающих их роль в формировании и трансляции вновь созданных моделей гендерной идентичности, напрямую связана с поиском путей уменьшения сексуальной и половой сегрегации, внебрачной и подростковой беременности, уменьшения числа разводов и создания на научной основе нового гендерного порядка. Он обязательно должен учитывать как современные российские реалии, так и выявленные в результате анализа региональной специфики регионов нашей страны.

В этом отношении, молодежь может сыграть свою роль в распространении и трансляции ценностных и культурных ориентаций гендерных представлений, как наиболее восприимчивая, подвижная, интеллектуально восприимчивая, социально и творчески активная часть общества, которая обладает выраженной инновационной направленностью. Только при определенном доверии к молодежной среде, наиболее активной ее части, возможно прогнозировать и в дальнейшем выстроить нормальные социальные связи в нашем обществе.

Гендерные отношения являются важнейшими составляющими элементами в жизни общества и, по мнению некоторых современных исследователей, являются показателями цивилизованности социума, уровня развития его культуры, показателем толерантности. За последние десятилетия произошла существенная дезориентация семьи как социального института. В общественном сознании СМИ продолжают транслировать и насаждать западные стереотипы маскулинности и феминности. Молодежь, являясь наиболее восприимчивой и мобильной частью общества, «оказывающая активное воздействие на динамику социальной структуры» [6, с. 241] очень живо откликается и ретранслирует эти культурные и социальные стереотипы. Но часто они наталкиваются на явное или неявное сопротивление: усиление традиционных позиций в отношении семьи, которые основаны на религии, национальной идеологии и менталитете. Поэтому, скорее всего, происходит не коренная трансформация гендерных стереотипов, а проявляется тенденция к поляризации полоролевых предпочтений, гендерных диспозиций и представлений о паттернах поведения мужчин и женщин. Идеи прагматизма и рационализации все более становятся характерными для оценки гендерных взаимоотношений в России: современная реклама и массовая культура, кино и телевидение занимают существенный объем информационного потока и становятся важным фактором жизни общества. Их роль в формировании культуры современного общества нельзя игнорировать.

На заре XX столетия Уильям Джеймс, основатель прагматизма, писал: «Наше нормальное, бодрствующее сознание, разумное сознание, как мы

его называем, – это не более, чем один тип сознания, в то время как повсюду вокруг него, отделенные друг от друга тончайшей преградой, лежат потенциальные совсем другие формы сознания. Мы можем прожить жизнь и не подозревая об их существовании; но стоит применить уместный стимул, – и они появятся во мгновение ока и во всей полноте: - определенные умонастроения, которые, возможно, где-то могут быть применены и приспособлены» [5, с. 107]. Можно сказать, что трансформация определенных представлений о роли женщины и мужчины в обществе не столько определяет тенденции будущих социальных изменений, сколько фиксируют сами эти перемены. Гендерные стереотипы выступают как лакмусовые бумаги, маркеры ожидаемых общественных противоречий, которые пока еще не соотнесены с актуальными социальными проблемами. Но они уже существуют в сознании общества, общественное мнение уже признало их как необходимые для себя социальные и культурные феномены. Поэтому только дальнейшее изучение трансформации стереотипов может уберечь нас от предстоящих угроз в данной сфере.

Мы заметили, что в современной России формирование различных, порой противоположных, представлений о моделях семьи, месте и роли женщины и мужчины одновременно сопровождается усилением и все большим утверждением традиционных функций семьи. Наблюдается лишь частичное размывание и нивелирование несущественных сторон половых взаимоотношений. Очагами модернизационных и инновационных взглядов выступают в основном молодежь и крупные мегаполисы. Однако, существенного влияния на сами гендерные стереотипы они оказать не в состоянии, так как этно-культурные и социальные доминанты, определяющие бытие социума, оказались сильнее гендерных факторов.

В социальном и культурном отношении наблюдается существенный разрыв существующих молодежных стереотипов гендерной идентичности. Культурные, национальные и конфессиональные основания этнической ментальности порой оказываются сильнее, чем новые западные гендерные установки и ориентации. Рационализация отношений в молодежной среде в сфере семейных отношений происходит интенсивнее,

чем у остальных категорий населения, но вместе с тем, например, брачные контракты и формальное разграничение своих полномочий не стали в современной России обязательным элементом этих отношений. Социальные и экономические инновации, культивируемые СМИ оказывают существенное влияние не только на потребительское, так и социальное сознание и поведение людей. Сочетая различные типы влияния на общество, можно заранее прогнозировать формирование новых фактов, феноменов, ценностей, выработка соответствующих отношений, стремлений, потребностей и возможностей их удовлетворения. Что, в свою очередь, способствует в перспективе, нормализации и гармонизации демографической ситуации в стране.

Список литературы

1. Гутова С.Г. Формирование гендерных ролей в современном обществе // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы VII Международной научной конференции/ Отв. ред. В.И. Полищук. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2010. С. 197-200.
2. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / Ред.сост.: Н. М. Ромашевская. Инт-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; Научный совет по проблемам гендерных отношений РАН. М.: Наука, 2009. 273 с.
3. Липпман У. Общественное мнение. М.: ФОМ, 2004. 384 с.
4. Молевич Е.Ф. Гендерные сдвиги в современных брачно-семейных отношениях: смена парадигмы // Женщина в российском обществе. 2002. №2-3. С. 38-42.
5. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М: Аграф, 1999. 382 с.
6. Социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. 608 с.
7. Тарасова О.А. Гендерные стереотипы современной студенческой молодежи (региональный аспект): Дис.: ... канд. соц. наук: 22.00.04. Уфа, 2015. 161 с.
8. Тищенко Ю.Г. Социальная инерция как фактор устойчивости традиционных гендерных стереотипов // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2013. № 2. С. 203-208.

РОЛЬ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Коваленко Н.А., Гаспарян Г.А.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

В статье обсуждается проблема становления науки и образования в послевоенные годы в Сибирском регионе. Особое внимание уделяется вкладу Томского политехнического института в развитие научного потенциала региона. Также рассматриваются различные научные направления, по которым развивался институт в те годы. В статье рассказывается о людях, внесших огромный вклад в формирование и развитие Томского политехнического института и науки в целом.

***Ключевые слова:** наука и техника; образование; послевоенные годы; научные школы; выдающиеся ученые; профессора; Томский политехнический институт.*

THE ROLE OF TOMSK POLYTECHNIC INSTITUTE IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION DURING THE POSTWAR PERIOD

Kovalenko N.A., Gasparyan G.A.

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

The article discusses the problem of formation of science and education in the postwar years in the Siberian region. Particular attention is paid to the contribution of the Tomsk Polytechnic Institute in the development of scientific potential of the region. It also covers various scientific areas of the institution

development at that time. The article tells about the people who have made an enormous contribution to the formation and development of the Tomsk Polytechnic Institute and science in general.

Keywords: *science and technology; education; postwar years; scientific schools; outstanding scientists; professors; Tomsk Polytechnic Institute.*

Человечество не представляется без таких категорий как наука и техника. В ходе всей истории мира ремесло, а затем и техника считались опосредующим звеном в цепи между замыслом человека и его реализацией. Одним из существенных показателей развития общества является такой элемент культурного слоя общества как научные и технические достижения.

Одним из существенных показателей развития общества является такой элемент культурного слоя общества как научные и технические достижения.

После окончания Великой Отечественной Войны встали сложные задачи в области образования и науки. Первостепенно, нужно было восстановить и значительно расширить число школ, вузов, научно-исследовательских институтов. Необходимо было реализовать переход к обязательному всеобщему семилетнему образованию, воплощение которого было начато еще до войны и прервано ею. Большое число квалифицированных специалистов погибли во время войны. Основной задачей стало восполнение таких потерь для страны и образования, а также удовлетворение растущего спроса на кадры высокой квалификации. В кратчайшие сроки началось строительство большого числа новых высших учебных заведений, и было восстановлено более 300 вузов. Для повышения качества образования студентов были созданы новые учебники и учебные пособия, написанные с учетом достижений науки, и пересмотрены действующие на тот момент учебные планы и программы. Подготовке специалистов по новым отраслям науки и техники (реактивной, радиолокации, по использованию атомной энергии и др.) уделялось особое внимание. [6] Научно-техническая революция, развернувшаяся в 50-х годах, имела

неизмеримый вклад в повышение роли науки. В стране возникла проблема стремительного развития науки, в первую очередь тех ее отраслей, которые определяют научно-технический прогресс и оборону страны. А именно, за короткий срок советским ученым необходимо было научиться использовать атомную энергию и тем самым помешать монополии США в этой области.

Партия и правительство создали все возможные условия для успешного продвижения советской науки в послевоенные годы. Был учрежден новый крупный научно-технический центр в восточной части СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР. Велось полномасштабное строительство новых научных центров. Научно-исследовательские центры и их материально-техническая база были восстановлены полностью. Научно-исследовательские центры и их материально-техническая база были восстановлены полностью. Под Новосибирском началось строительство научного городка.

Большое государственное финансирование науки, появление целого ряда научно-исследовательских центров и институтов, постоянное внимание партии и правительства, огромное развитие научных кадров – все это позволило советской науке далеко продвинуться в важнейших областях знания.

В стороне не остался и Томск. Томский технологический институт, основанный в 1896 году как институт практических инженеров, был среди научно-образовательных учреждений Томска. Это был первый технический вуз за Уралом, и долгое время оставался единственным техническим вузом на обширной территории Азиатско-Тихоокеанского региона России. Томский технологический институт прошел вековой путь развития, обеспечивая подготовку кадров для становления экономики и промышленности Сибири. Томский индустриальный институт часто называют кузницей кадров для эффективной индустриализации региона. Томский политехнический институт является образовательным, методическим и культурно-инженерным центром, обеспечившим формирование качества, структуры и развития производительных сил Сибири. Томский

политехнический университет – это первый технический университет Азиатско-Тихоокеанского региона России, центр образования и науки [4].

Вуз с самого начала развивался как научно-образовательное учреждение. В ТТИ сформировались крупные научные школы в области горного дела и геологии, металлургии, металловедения, архитектуры и строительства, химии, энергетики, физики. Это дало возможность институту подготовить собственные высококвалифицированные педагогические и научные кадры и создать сильную базу для развития новых факультетов и специальностей.

Ученые и выпускники института активно принимали участие в проектировании, строительстве и запуске главных объектов Сибири: Кузнецкого металлургического комбината, шахт и рудников Кузбасса, заводов Новосибирска, Урала и Дальнего Востока, а также в открытии, разработке и освоении Сибирских недр.

Важнейшей областью, в которой успешно работали советские ученые, была физика [6]. Сибирский физико-технический институт, который создал профессор Вейнберг в 1923 г. как институт прикладной физики при ТТИ получил стремительное развитие в послевоенные годы. Здесь развиваются новые направления по актуальным проблемам физики. Работы ученых СФТИ в области физики металлов, физики полупроводников, радиоэлектроники, радиофизики и кибернетики, широко известны как у нас в стране, так и за границей. В 1978 г. коллектив ученых Сибирского физико-технического института имени В.Д.Кузнецова был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. В.Д. Кузнецовым был заложен фундамент для развития в Томске различных направлений физики твердого тела. При его содействии в СФТИ стала активно развиваться физика диэлектриков, которая получила свое дальнейшее развитие в ТПИ под руководством А. А. Воробьева. В последние годы В.Д. Кузнецов способствовал исследованиям в области физики полупроводников.

Организатором электрофизического факультета был ректор А.А. Воробьев. Он был воспитанником школы Б.П. Вейнберга и В.Д. Кузнецова. Свою научную деятельность он начал именно в СФТИ. С 1944 г. А.А. Воробьев сам возглавил Томский индустриальный институт (ТИИ), так назы-

вался ТПУ с 1934 по 1944 гг. В 1944 г. по инициативе А.А. Воробьева ТИИ был переименован в Политехнический. Электрофизический факультет был открыт еще во время войны в 1945 году. В годы Великой Отечественной войны в Томск было эвакуировано тридцать предприятий, и к концу войны не все из них вернулись в свои города. В результате в Томске остался электроламповый завод, электротехнический завод, «Сибкабель» и другие предприятия. Квалифицированные специалисты тоже частично вернулись в города, где жили в довоенный период. Поэтому вырос спрос на инженерные кадры для томских предприятий. Ректор А.А. Воробьев выдвинул предложение об открытии электрофизического факультета при Томском политехническом университете. Идею сразу поддержали в Правительстве. Как было сказано в приказе Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР и Народного Комиссариата электропромышленности СССР за № 151/М9-133 от 30 марта 1945 г. «Создать в Томском политехническом институте электрофизический факультет в целях усиления подготовки инженерных кадров для предприятий электропромышленности». Вадим Никонович Титов, выпускник ТИИ (ТПУ) 1934 г., кандидат технических наук был назначен деканом электрофизического факультета [3].

В числе лучших студентов ЭФФ был И.П. Чучалин, который впоследствии занял должность первого директора НИИ ЯФ при ТПИ, затем ректора ТУСУРа и позднее ректора ТПИ. Профессор И.П. Чучалин, заслуженный деятель науки и техники РФ внес огромный вклад в развитие высшего технического образования России. Также на ЭФФ начинал свое обучение академик РАН В.А. Глухих, крупнейший ученый в области ядерной физики, директор НИИ ЭФА им. Д.В. Ефремова (С-Петербург) [3].

Время после Великой Отечественной войны 1941-1945гг. ознаменовалось стремительным развитием атомной промышленности. Для этих целей были созданы крупные научные центры во многих городах страны, что привело к успешному испытанию в СССР атомной бомбы. И.В. Курчатовым и другими учеными на правительственном уровне был решен вопрос о необходимости и использовании достижений ядерной физики в народном хозяйстве.

В начале 1950-х гг. во многих столицах союзных республик в системе Академии наук были созданы институты ядерной физики (Киев, Минск, Рига, Тбилиси, Ташкент, Алма-Ата), целью которых было внедрение методов ядерной физики в науку, медицину и промышленность своих республик. В Обнинске была запущена первая в мире АЭС. Ректор ТПИ в 1944-1970 гг. А.А. Воробьев понимал благоприятное отношение руководства страны к ядерной физике и на правительственном уровне решил вопрос о создании такого же института в системе высшей школы.

Планировалось, что материальной базой этого института должны быть не только необходимые для любого института ядерной физики такие установки, как ядерный реактор, циклотрон и электростатический генератор, но и электронные ускорители, в разработке которых ТПИ к тому времени имел серьезный задел, – обычные, сильноточные и малогабаритные бетатроны и самый большой в то время электронный синхротрон на энергию 1,5 ГэВ.

Учитывая значительный в то время интерес к испытаниям аппаратуры под действием электромагнитного импульса ядерного взрыва, на базе имевшихся достижений ТПИ в высоковольтной технике было создано специальное подразделение высоковольтной наносекундной техники, которое возглавили А.А. Воробьев и Г.А. Месяц.

НИИ ядерной физики, электроники и автоматики при Томском политехническом институте (НИИ ЯФЭА при ТПИ) был основан приказом Министерства высшего образования СССР от 3 января 1958 г. С 1975 года институт переименован в НИИ ЯФ при ТПИ; с 1998 г. – в государственное научное учреждение « Научно-исследовательский институт ядерной физики при Томском политехническом университете Министерства образования Российской Федерации» (ГНУ « НИИ ЯФ при ТПУ»). Директором НИИ ЯФ ТПИ в 1958-1968гг. был доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР Чучалин Иван Петрович.

За период своего существования Томский политехнический институт, а впоследствии университет подготовил около ста тысяч специалистов.

Из них около 1000 политехников стали докторами наук, удостоены почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники», лауреата Ленинской, Государственных премий, Премий Президента и Правительства Российской Федерации.

В 1991 году Томский политехнический институт был преобразован в технический университет Постановлением Правительства Российской Федерации.

Именно в послевоенный период в России произошла научно-техническая революция. Русские точные науки проживали свои лучшие годы. В эти годы всё больше развивалось ракетостроение, началось освоение космоса, а ядерная энергетика и электроника были возобновлены.

С середины 1950-х гг. технические вузы становятся главным составляющим в системе высшей школы региона.

Начиная со второй половины 1950-х гг. правительство прилагает все усилия, которые направлены на повышение эффективности использования научного потенциала вузов. Создаются проблемные и отраслевые научные лаборатории при ведущих вузах. Лидирующие позиции Томской области в научно-технической сфере подтверждаются данными о доле персонала, занятого исследованиями и разработками, в общем количестве занятых в социально-экономическом комплексе страны. При средних для России показателях в 14 чел. на тысячу занятых, в Томской области – 19 чел., хотя в целом в Западной Сибири этот показатель составлял 9 чел. на тысячу [1].

Одной из отличительных черт послевоенного развития советской науки явилось усиление ее связей с производством. Научные центры и институты были связаны с сотнями предприятий. Они помогли предприятиям внедрять новые методы и технологии производства.

Список литературы

1. Водичев Е.Г. Научно-образовательный потенциал Сибири в XX в.: опыт ретроспективного анализа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/article.phtml?id=14&nid=485> (дата обращения: 11.11.2015).

2. Гагарин А.В., Сергеевых Г.П. Профессора Томского политехнического университета: библиографический справочник. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. Т.3, ч. 2. 266 с.
3. Галанова Р.А. История электрофизического факультета ТПУ как отражение традиций и инноваций Томского политехнического в музее истории университета // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. №3. С. 239-243.
4. История образования и становления ТПУ. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-30798.html?page=4> (дата обращения: 11.11.2015).
5. История Томского политехнического университета. <http://past.tpu.ru/html/history.htm/> (дата обращения: 9.11.2015).
6. Культурное строительство после Великой Отечественной войны. http://knowledge.allbest.ru/culture/3c0b65635a3ad68a5c43a88421306d27_0.html (дата обращения: 9.11.2015).
7. Образовательный стандарт Томского политехнического университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://knu.znate.ru/docs/index-504045.html> (дата обращения: 11.11.2015).

КУЛЬТУРНОЕ БЕЗУМИЕ: В ПОИСКАХ ТИПОЛОГИИ

Кожевникова А.О.

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

В массовой культуре широко распространён образ безумца и интерес к «тёмным сторонам» психики. Культурные безумцы – категория людей, принадлежавших к конкретной культуре и целенаправленно нарушающих ещё нормы без очевидной выгоды для себя. Мы выделили три типа культурных безумцев в зависимости от цели, результата и конфликта, составляющего суть безумия. Представленная типология станет ориентиром в исследовании, посвященном культурным традициям безумия.

Ключевые слова: культурные безумцы; типология культурного безумия; культурные нормы; массовая культура; гении; юродивые; трикстер.

CULTURAL MADNESS: IN SEARCH OF A TYPOLOGY

Kozhevnikova A.O.

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

In popular culture is widely distributed image of a madman, and interest in the “dark sides” of the psyche. Cultural madmen – a category of people belonging to a particular culture, and more specifically violating the rules without apparent benefit for yourself. We have identified three types of cultural madmen, depending on the purpose, the outcome and the conflict, is the essence of madness. Typology will be presented a landmark in study of the cultural traditions of madness.

Keywords: cultural madmen; typology of cultural madmen; cultural norms; popular culture; genius; trickster; god's fool.

Любая культура формирует обычаи, правила, стандарты поведения, организующие жизнь общества, идеальное представление о человеке, принадлежащем к этой культуре. В любом обществе неизбежны люди, нарушающие предписанный порядок: безумцы и преступники.

Тема безумия в исследованиях культуры возникает часто и анализируется с различных сторон. Историческая и культурная роль безумцев обратила на себя внимание учёных (в первую очередь психиатров) в 19 веке. Примерно в то же время появилась и стала популярной патография - особый жанр психиатрической литературы, занимающийся клиническим анализом жизни и творчества гениальных личностей. Собранный фактический материал «историй болезни» получил финальное обобщение в монографии Ч. Ломброзо. Идея связанности безумия и гениальности, безумия как спутника творчества утвердилась в европейской культуре. С конца 19 века безумие как культурный феномен стало предметом анализа гуманитарных наук. М. Фуко рассмотрел трансформацию идеи безумия, статуса и социальной роли безумца в европейской культуре [11]. Множество статей содержат анализ образов безумцев в искусстве (музыке, литературе) различных эпох (особенно часто – в творчестве Ф.М. Достоевского и произведениях модернистского направления) [2, 3, 4, 5, 13]. Идеи безумия касаются некоторые работы, посвящённые осмыслению юродства [1, 2, 5, 12]. В этом случае юродство рассматривается как мнимое, произвольное, целенаправленное безумие. Важно, что в отличие от безумцев М. Фуко, юродивые хоть и маргинальны, но не вытеснены за пределы культурной среды, являясь её неотъемлемой частью. В некоторых исследованиях безумство представлено как характеристика современного мира: мир, одержимый внешним, гонящийся за временем, забывший о смерти, растерявший ценности и смыслы, обвиняется в безумии как отказе следовать истинному космическому порядку; безумие ведет мир к гибели [9, 14].

Безумие в культурологических исследованиях предстает как нечто отвергаемое и «гипнотически притягательное» [11;54] вне привычного и вне контроля, обладание тайной истиной, неправильное, разрушительное, несущееся к гибели, но красивое, подлинное.

На наш взгляд, в проанализированных работах недостаточно чётко определено – кто такие безумцы и какова природа их безумия. Феномен безумия невозможно понять как однородный. Нам представляется целесообразным определиться с «типами» безумцев, отличающихся источником безумия и социальной функцией. Считается, что массовая культура «проявляет особый интерес к психопатологии» [9;126] к тёмной стороне личности, различным искажениям и исключениям. Мы полагаем: необходимо понять, какие типы безумия популярны в сегодняшней культуре, а какие отвергнуты или забыты, почему люди стремятся сделать мир и самих себя безумными.

Уточним сразу: в этой статье мы не ведем речи о безумии как болезни, психическом расстройстве. Наши рассуждения касаются тех, кто может поступать «нормально», но по каким-то причинам отказывается от этого. Больные *вынуждены* страдать, в то время как «культурные безумцы» избрали этот путь (другой вопрос, на сколько и всегда ли этот выбор сознателен).

Кроме того, попытаемся отграничить «культурных безумцев» от преступников и иных сознательных нарушителей устоявшихся норм. Вторые имеют определенную цель своей деятельности, и цель эта – личная выгода, получение очевидно полезного для самого себя результата. О цели действий культурных безумцев мы поговорим ниже, а сейчас заметим, что она – по крайней мере – не всегда осознана.

Слово «безумный» в толковых словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова определяется как «сумасшедший, безрассудный, помешанный, глупый...» [6, 10]. Примерно такой же перечень представляет собой статья из словаря синонимов [1]. Определение через синонимы не фиксирует сути явления – безумие остается чем-то темным, неясным, замкнутым на самом себе. Второе – переносное – значение безумия – крайняя степень выраженности чего-либо (любви, страха, ожидания...), переход порога «нормального», «обычного» проявления. Таким образом, предполагается существование эталона и отклонения от него.

Для концептов «безумие», «сумасшествие», «умалишение», «безрассудство» отрицаемый эталон представлен умом (рассудком), они выража-

ют его отсутствие или недостаток. Тогда попробуем посмотреть на безумие с точки зрения содержания концепта «ум».

В современной культуре мы выделили три параллельных дискурса, которые можно соотнести с концептом «безумие» (в то время как понимание «ума» можно рассмотреть гораздо больше). Ум как разум противопоставлен инстинктам, животной природе. Такой ум создает человека в его отличии от зверя, он – ценность и достоинство. Ум как рассудительность, расчетливость, способность понимать правила жизни, играть по ним и выигрывать. Такой ум создает социально успешного человека, однако далеко не всегда (скорее, редко) счастливого. Ум как интеллект: способность решать конкретные, пусть и сложные, задачи; находить однозначные, правильные, решения; нечто механистическое, машинное, косное; таким умом в современном искусстве наделяются роботы, инопланетяне... Он противопоставлен человеческим чувствам – любви, верности, благородству – и выступает их (чаще – неудачным) противником.

В первом случае безумие – «нечеловеческое» поведение (будто бы ниже человеческого), свобода от условностей цивилизации благодаря незнанию о них. В третьем безумие есть путь к себе, обретение индивидуальности и свободы через сознательное преодоление условностей общества, истинно человеческий образ действия, возможность нового и лучшего. Второй концепт исторически, вероятно, самый поздний, он подразумевает неспособность к общественной состоятельности, противодействие нормам и, соответственно, зависимость от них, но предполагает большую (в сравнении с «нормальными» людьми) глубину самопознания.

Таким образом, можно говорить о существовании трёх типов культурных безумцев. Рассмотрим основные критерии их различения: цель безумия и его результат, источник безумия – конфликт, составляющий его основу (см. таб. 1). Безумные безумцы не могут иметь цели – безумие составляет их сущность и единственно возможный способ бытия, но «случайным» результатом их безумия становится создание нового. Конфликт безумного безумца разыгрывается между тем, кто он есть, и тем, каким он должен быть по мнению всех остальных. Он безумен для мира, но не для

самого себя – самому себе он абсолютно идентичен. Цель безумцев-личностей – адаптация, приспособление к жизни как она есть, без порывов ее изменить. Адаптация как состояние – более или менее успешная – становится результатом такого безумия. Конфликт развивается между тем, кто я есть – и кем я хочу быть. Безумие становится способом достижения (чаще иллюзорного) желаемой идентичности и защитой от реальности. Безумные герои ставят перед собой цель – создание нового, и безумие используется как инструмент. Конфликт существует между тем, кем я должен быть (нормальным), и тем, кем я могу (и хочу) быть (больше, чем нормальным).

Таблица 1.

Типология культурного безумия

Тип культурного безумия	Цель	Результат	Конфликт	«Значение» безумия
Безумные безумцы	Отсутствует	Создание нового	Есть/должен быть	Сущность
Безумцы-личности	Адаптация	Адаптация	Есть/хочу быть	Маска
Безумные герои	Создание нового	Создание нового	Хочу (могу) быть/должен быть	Избранный способ действия

Безумные безумцы в культуре представлены в образах героев-Трикстеров, комических и могущественных, безрассудных творцов. Безумцы – герои представляют идеал, образец для подражания, хотя и не всегда оценивающийся как безусловно положительный. Такие безумцы составляют социальные институты с определенным правом на свое безумие, в обмен на выполнение значимых социальных функций. К ним можно отнести православных юродивых, европейских гениев. Культурные безумцы-личности, на наш предварительный взгляд, наиболее распространены в современном искусстве, составляя легион странноватых, подчас диссоциальных, харизматичных лидеров-одиночек, постоянно «спорящих с жизнью», но, тем не менее, успевающих добиваться заметных результатов в избранных сферах.

Мы представили предварительный анализ заявленной темы, который скорее настраивает на дальнейшую разработку типов культурного безумия, чем ее утверждает. Необходимо изучение различных культурных традиций, поиск инвариантов и особенностей, которое и должно стать основой изучения современных безумцев.

Список литературы

1. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2014, 451 с.
2. Гурова Е.П. Юродивые в романах Ф.М. Достоевского// Вестник Пермского университета №3 (27), 2014, с. 37-44.
3. Дзюба Е.В. Особенности содержания концепта «ум» в языке Древней Руси//Известия Уральского Федерального университете, Серия 2: гуманитарные науки, т. 79, №3, Екатеринбург: 2010, с. 175-187.
4. Иткулов З.С. Проблема безумия и культуры нонсенса в работах отечественных исследователей//Научный поиск 2.3. Шуя, 2013, с. 14-16.
5. Макаричев Ф.В. Юродство и юродивые// Проблемы истории, филологии, культуры №13. Магнитогорск, 2003, с. 458-465.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 4-е изд., дополненное М.: ООО «А ТЕМП», 2013, 397 с.
7. Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999, с. 468.
8. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. Перевод с английского Кирющенко В.В. СПб.: Евразия, 1999, 167 с.
9. Сидоров П.И. Ментальная экология общественного сознания // Экология человека №4, 2014, с. 65-72.
10. Толковый словарь русского языка: современная версия / В.И. Даль. М.: Эксмо, 2013, 621с.
11. Фуко М. История безумства в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997, 386 с.

12. Чагинская Е.А. От слова к образу: юродивый как инверсия соблазна//Филологические науки. Вопросы теории и практики №1 (1): в 2-х ч. Ч II. Тамбов: Грамота, с. 143-159.
13. Шапинская Е.Н. Проблема личности в эпоху модернизма: трагизм «Пиковой дамы» П. Чайковского и «Воццека» А. Бергмана в контексте современных вызовов // Вестник МГУКИ 6(56) ноябрь-декабрь 2013, с. 239-246.
14. Шулевский Н.Б. Метафизика падшего и падающего времени//Философия хозяйства, №1 (61). Москва, 2009, с. 207-237.

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ П.А. СТОЛЫПИНА

Кузнецов Д.В.

Омский Государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина,
г. Омск. Россия

В статье рассматривается проблема необходимости выработки адекватной исторической оценки столыпинской аграрной реформы. По мнению автора, такая оценка может быть осуществлена только в том случае, если будет создана новая система представлений об аграрной политике П.А. Столыпина. В основу формирования такой системы должны быть положены пять принципов тесно связанных между собой, реализация которых наряду с соблюдением принципа историзма могла бы обеспечить комплексный подход в исследовании.

Ключевые слова: *исторический опыт России; аграрная политика П.А. Столыпина; новая концепция; система представлений; логическая конструкция; методологические основы; комплексный подход в исследовании.*

**ABOUT THE NECESSITY OF FORMING
NEW CONCEPT OF AGRICULTURAL POLICY
P.A. STOLYPIN**

Kuznetsov D.V.

Omsk State Agrarian University P.A. Stolypin, Omsk, Russia

The article deals with the problem of the need to develop adequate historical evaluation of Stolypin's agrarian reforms. According to the author such evaluation may be carried out only if it is a new system of representations about agricultural policy PA Stolypin. The basis for the formation of such a system should be based on five principles are closely connected among themselves the implementation of which together with the observance the principle of historicism could provide an integrated approach to the study.

Keywords: *the historical experience of Russia; Agricultural Policy; P.A. Stolypin; the new concept; system of representations; logical structure; methodological bases; comprehensive approach to research.*

В истории России аграрная политика П.А. Столыпина – явление довольно масштабное. В начале XX века она имела большое значение для страны, поскольку затрагивала коренные интересы крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения империи и определявшего ее экономическое развитие, социальный и духовный облик. Поэтому от результатов этой политики зависело общее состояние экономики, социальной и духовной сфер, а значит и судьба России в целом.

Литература, посвященная реформаторской деятельности Столыпина, обширна и многообразна. Одно перечисление авторов и названий их работ заняло бы не одну страницу текста. Этот факт уже сам по себе достаточно красноречиво свидетельствует о том повышенном интересе в современном обществе, который вызывает эта тема.

Интерес этот объясняется также и тем, что сегодня при решении практических вопросов реформирования аграрного сектора России все

больше обращаются к ее историческому опыту, одной из ярких страниц которого была аграрная политика П.А. Столыпина.

Безусловно, обращение к историческому опыту России при решении современных проблем возможно (а иногда даже необходимо). Но оно возможно лишь в том случае, если этот опыт исторического прошлого изучен в достаточной степени основательно, глубоко и всесторонне. Исследователь – аналитик, когда он пытается сопоставлять ситуацию в какой-либо сфере современной жизни, например, в сельском хозяйстве, с прошлым опытом реформирования деревни должен не только хорошо знать этот опыт, но и правильно понимать его. А этого можно достичь не просто путем знакомства с необходимой информацией, содержащейся в соответствующих источниках, но также и путем детального, глубокого и всестороннего осмысления данного предмета исследования.

В этом отношении реформаторская деятельность П.А. Столыпина вообще и его аграрная политика в частности представляет собой показательный пример. Несмотря на обилие исследовательских материалов и работ, она по-прежнему остается недостаточно осмысленной и потому не понятой в той мере в какой это необходимо для того, чтобы на ее основе можно было бы строить какие-либо серьезные обобщения теоретического характера, используя их в дальнейшем для выработки каких-либо практических рекомендаций.

Причина такого положения в историографии столыпинской аграрной реформы, очевидно, заключается в том, что до сих пор не создано целостной системы представлений, которая раскрывала бы суть аграрных преобразований П.А. Столыпина, ту квинтэссенцию, которая лежала в основе его реформаторских намерений и действий.

Такая ситуация объясняется очевидно тем, что многие авторы как правило исследуя феномен столыпинской аграрной реформы, зачастую стремятся во что бы то ни стало подогнать и приспособить имеющиеся факты под уже существующие схемы и стереотипы, используя при этом устаревшие представления и методологические приемы.

Отсюда появляются непроанализированные должным образом, поверхностные и крайне ошибочные построения и выводы, которые, будучи

сделанными наспех, ничего не могут дать позитивного в плане создания новой концепции столыпинской аграрной реформы, а напротив, наносят серьезный урон исторической науке.

Рамки настоящей работы не позволяют автору подробно изложить свою концептуальную позицию по различным аспектам, раскрывающим суть аграрной политики П.А. Столыпина. В значительной мере эта позиция представлена в трех статьях, посвященных данной теме [1, 2, 3], и возможно в дальнейшем она получит свое развитие в более масштабном комплексном исследовании.

Здесь же хотелось бы кратко остановиться на некоторых общих соображениях теоретического характера, которые, по мнению автора, могут быть положены в основу разработки новой концепции, т.е. системы представлений о реформаторской политике П.А. Столыпина в аграрной сфере.

Как представляется, исходным условием формирования такой системы должно явиться признание всех историографических позиций по этой тематике относительно верными. И именно это обстоятельство открывает широкие возможности для применения метода последовательных сопоставлений в целях многократной и перекрестной оценки как вновь полученных данных, так и складывающейся новой системы взглядов о столыпинской аграрной реформе. При этом выявление противоречий – исходный момент и главный стимул поисков их преодоления и в рамках складывающейся возможной системы представлений, а также между ней и новыми результатами научно-исследовательской работы.

Эта складывающаяся концепция должна относиться к типу динамично развивающихся логических конструкций. Она будет стремиться к достижению известной законченности, но этот результат может быть достигнут за счет максимального расширения потока информации о столыпинских аграрных преобразованиях. Возникая в результате конкуренции научных позиций, она в интересах своего развития будет нуждаться в их максимально полном развитии.

Другое условие – поощрение и правильная организация творческих дискуссий на базе конкретных исследований реформаторской деятельности П.А. Столыпина.

Наконец, третье состоит в выполнении историко-теоретических исследований в целях синтеза, взаимной и перекрестной проверки полученных результатов и их корректировки.

Сегодня этот процесс находится в начале своего развития и потому далек от завершения. Для этого необходимо руководствоваться, как минимум пятью научными принципами, тесно взаимосвязанными и взаимобусловливающими друг друга.

1. Должно сформироваться осознание самой необходимости выработки новой системы представлений, которая позволила бы дать достаточно целостное, глубокое и всестороннее понимание аграрной политики Столыпина. Это в свою очередь позволило бы более внимательно, полно и глубоко изучить и понять ситуацию, складывавшуюся в царской России перед Первой Мировой войной.

2. Необходимо введение в научный оборот максимально возможного количества исторических источников, содержащих фактический материал о реформаторской политике П.А. Столыпина в аграрной сфере. Это значит, что этот материал должен приводиться и использоваться без каких-либо изъятий, умолчаний и искажений, что было нередким явлением для предшествующих этапов отечественной историографии.

После двухтысячного года начал работу Фонд по изучению наследия П.А. Столыпина. Благодаря усилиям, как его организаторов, так и других ученых и популяризаторов в научный оборот было введено огромное количество новых материалов о Столыпине и его реформаторской политике, в том числе в аграрной сфере [4,5,6,7,8]. Несомненно, они будут способствовать более углубленному и всестороннему изучению этой политики.

3. Для решения задачи по формированию новой концепции столыпинских аграрных преобразований необходимо обеспечить складывание качественно новых методологических основ, способных создать инструментальную базу для такого формирования. В этих целях следует выработать новую систему подходов и методов, которые могут быть применены при изучении реформаторской деятельности Столыпина, а также новые критерии ее оценки. Иными словами, необходимо выработать новую методологию исследования.

4. Тщательное осмысление и аналитическая обработка фактов должны осуществляться с обязательным учетом степени их научной значимости для тех или иных обобщений и выводов.

5. Должна существовать принципиальная готовность принять иные версии и варианты интерпретаций аграрной политики Столыпина, но лишь в том случае, если они глубоко и всесторонне продуманы и обоснованы. Причем это должно быть даже в тех случаях, когда эти версии и варианты противоречат идеологическим убеждениям и мировоззренческим установкам исследователя.

Выполнение этих принципов, а также соблюдение известного принципа историзма обеспечило бы комплексный подход в исследовании. Тогда, по-видимому, можно будет избежать политических и идеологических спекуляций и адекватно определить действительное значение преобразовательной деятельности П.А. Столыпина в аграрной сфере и то положение, которое он занимал в русской истории.

Список литературы

1. Кузнецов Д.В. Внутринадельное размежевание в Западной Сибири в период проведения столыпинской аграрной реформы. // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 75-80.
2. Кузнецов Д.В. Социальные изменения в российской деревне в период осуществления столыпинской аграрной реформы. // Инновации в современной науке. Материалы IV Международного весеннего симпозиума (31 мая 2014 г.) Сб. науч. тр. М., 2014. С. 133–158.
3. Кузнецов Д.В. Аграрная реформа П.А. Столыпина и крестьянская община: новый взгляд на старую проблему. // «Омская гуманитарная академия». Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск. 31 марта 2014. № 1 (15). С. 82–92.
4. Столыпин П.А. Программа реформ: Док. и материалы: [В 2 т.] / Фонд изучения наследия П.А. Столыпина. [Под общ. ред. П.А. Пожигайло]. М.: РОССПЭН, 2003. Т.1.783 с.; Т.2.798 с.
5. Столыпин П.А. Грани таланта политика / [Под общ. ред. П.А. Пожигайло]. Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, Рос. Гос. Ист. арх. М.: РОССПЭН, 2006. 622 с.
6. Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., РОССПЭН. 2011. 735 с.

7. Сидоровнин, Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за отечество / Г.П. Сидоровнин. М.: ТЕРРА – книжный клуб, 2002.
8. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. Памятники ист. мысли. 2001. 303 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРЕССИВНЫХ ФОРМ ТОРГОВЛИ В УНИВЕРМАГАХ В 50-60-е ГОДЫ XX ВЕКА

Мороз И.А.

Брянский филиал Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова, Брянск, Россия

В данной статье на основе архивных материалов и периодической печати предпринята попытка анализа применения прогрессивных форм торговли в стране в 1950-60е годы. Особое внимание обращено на использование новых форм торговли в универмагах. Выделены успехи и проблемы внедрения самообслуживания покупателей и торговли по образцам.

***Ключевые слова:** советская торговля; прогрессивные формы торговли; универмаг; самообслуживание; свободный доступ к товарам; торговля по образцам.*

THE USE OF MODERN FORMS OF TRADE IN DEPARTMENT STORES IN THE 50-60s OF THE XX CENTURY

Moroz I.A.

Bryansk branch of Russian economic University
named after G.V. Plekhanov, Bryansk, Russia

In this article, on the basis of archival materials and periodicals an attempt of analysis of the application of progressive forms of trade in the country in the

1950-60s was made. Special attention is given to the use of new forms of trade in department stores. The successes and challenges of implementing self-service buyers and trade on samples are highlighted.

Keywords: *Soviet trade; progressive forms of trade; a department store; self-service; free access to goods; trade samples.*

С середины 1950^х годов в СССР прослеживалась тенденция по ускоренному строительству специализированных магазинов. Основное объяснение состояло в том, что у советских людей возросла покупательная способность, они хотели покупать больше разнообразных товаров хорошего качества. И сделать это легче и проще можно было именно в специализированных магазинах. Кроме того, в них удобнее было использовать прогрессивные формы обслуживания. Из-за этого универмаги начали уступать специализированным магазинам. Однако они продолжали играть ведущую роль в торговом обслуживании населения, особенно в крупных городах.

Так, в 1961 году в Казани, Горьком, Свердловске, Иркутске, Брянске и других городах на долю универмагов приходилась примерно четвертая часть оборота по промтоварам. В городах же, где нет специализированных промтоварных торгов, удельный вес универмагов в городском товарообороте был ещё выше.

В данной статье автор ограничился характеристикой торговли лишь важнейшими товарами (удельный вес которых в обороте достигал 60-70%) – швейными изделиями, тканями, обувью, галантерейно-трикотажными товарами. Торговля одеждой занимала преобладающее место в обороте универмагов и требовала от продавцов значительных затрат рабочего времени. При этом наибольший удельный вес в трудовых затратах продавцов занимает процесс показа одежды покупателям, который часто не завершался продажей.

Поэтому возникла идея отделения процесса показа одежды от примерки и отпуска. Покупателю предоставлялась полная самостоятельность в осмотре и выборе швейных изделий. Для осмотра покупателями

имеющегося в продаже ассортимента готового платья образцы одежды стали выставлять на манекенах на специальной демонстрационной площади торгового зала, отделив от них рабочие запасы товаров. Эта форма обслуживания покупателей получила название продажи по образцам и стала преобладающей формой продажи предметов одежды в универмагах [4, с. 31].

Несмотря на значительные достоинства по сравнению с прежними способами обслуживания, продажа одежды по образцам не лишена и некоторых существенных недостатков. Основной из них состоит в том, что для выставки образцов требовалась дополнительная площадь в среднем 1,8 м² на каждый образец. Это ограничивало возможность показа всех имеющихся в продаже образцов одежды.

По этой причине многие универмаги показывали незначительную часть имеющихся в продаже образцов одежды. Так, в секции мужских костюмов ГУМа (г. Москва) выставлялось не более 60 образцов этих изделий, в Доме ленинградской торговли 35-40, в Казанском, Астраханском, Воронежском и Брянском универмагах – от 25 до 45 образцов мужских костюмов вместо необходимых для демонстрации 1000-1200 образцов. Для показа в торговом зале только мужских костюмов требовалось около 2 тысяч м² торговой площади, тогда как большинство универмагов в состоянии были выделить для этой цели не более 100 м² [2, л. 21].

Как известно, ознакомление с образцами одежды являлось первым этапом выбора товаров. Окончательное решение покупатель принимал только после внимательного осмотра одежды и её примерки с помощью продавца-консультанта. Таким образом, на площади зала обслуживания, где размещены рабочие запасы одежды, осуществлялись основные операции процесса продажи. В то же время лучшие участки торгового зала были отведены для выставки образцов, которая не играла определяющей роли в принятии покупателем решения о покупке. Это приводило к нерациональному использованию и без того недостаточной торговой площади универмагов.

В связи с этим вопрос о целесообразности продажи одежды по образцам в универмагах следовало решать с учетом их возможностей (наличие

торговых площадей и др.) Для универмагов, особенно с недостаточной площадью торгового зала, можно было использовать такой прогрессивный метод, как продажа одежды со свободным доступом покупателей к изделиям. В этом случае одежду размещали на отдельных участках торгового зала по группам размеров, а внутри размеров по ростам, фасонам, структуре и расцветкам тканей и др. При переходе к этому методу освобождалось около 25-30% площади выставочного зала, которая могла быть использована для размещения рабочих запасов товаров. Поэтому продажа товаров с открытым доступом в 50-60^е годы XX века получила значительное распространение.

В Московско-Ленинградском универмаге на эту форму продажи было переведено 60% рабочих мест продавцов швейных изделий, в ГУМе – 55% и в ЦУМе – около 50%. В универмаге Дом ленинградской торговли продажа одежды производилась только со свободным доступом покупателей к товару. При свободном доступе к товару наибольшая часть торгового зала использовалась для операций, связанных непосредственно с продажей.

Свободный доступ к одежде ускорил процесс покупки, так как покупатели более активно участвовали в процессе осмотра, выбора и примерки изделий. Имеющиеся в некоторых универмагах ограничения доступа покупателей к одежде (установка на пути движения покупателей к товарам тумбочек, столов упаковок) являлись нарушением этого прогрессивного метода торговли. Многими учеными были сделаны рекомендации шире применять систему кронштейнов для показа костюмов, брюк, платья [6, с. 4].

Наряду с приведенными выше прогрессивными формами продажи одежды значительные удобства покупателям предоставлял метод самообслуживания. В универмагах этот способ использовался при продаже легкого женского платья. Оборудование устанавливалось прямыми рядами, которые определяли направленность покупательского потока. В конце торгового зала у входа располагался контроль выдачи покупок и стол для денежных расчетов с покупателями.

В универмагах наряду с продажей легкого женского платья по методу самообслуживания возможна была продажа этим способом мужских сорочек, удачно применявшаяся специализированным магазином №24 торгова «Мосодежда». Однако продажа тканей по образцам не получила в универмагах широкого распространения и осуществлялась в основном старыми малоэффективными методами.

В большинстве универмагов для продажи тканей по образцам применялось выставочное оборудование устаревших конструкций: кронштейны в вилле грибков, гребешков, колец. Кронштейны современных конструкций, позволявших размещать на одном метре в среднем 10 и более образцов тканей, были установлены в универмаге Гостиный двор (Ленинград), универмага Мосторга №32, в Петровском пассаже (филиал ЦУМа, Москва) и ряде других торговых предприятий [8, л. 3].

Продажа штучных текстильных изделий в большинстве универмагов производилась также с прилавков. Опыт показывал, что бельевые ткани, а также полотенца, платки, простыни, одеяла и другие штучные текстильные изделия демонстрировать в таком виде, как это практикуется при продаже всех видов тканей, нецелесообразно, а наиболее удобный для этих товаров метод продажи с открытым доступом покупателей применялся ещё в недостаточных размерах. Заслуживал внимания опыт продажи этих товаров на стендах, со свободным доступом покупателей, применявшийся московским универмагом Детский мир, ленинградским универмагом Пассаж, Свердловским, Рижским и другими универмагами. Техника продажи штучных текстильных товаров этим методом сводился к тому, что покупатель самостоятельно или с участием продавца-консультанта выбирал товар, открыто размещенный на стендах, здесь же оплачивал его и получал покупку.

Хорошие результаты давала продажа тканей по образцам в сочетании с размещением их кусками на стендах: в Рижском универмаге, например, наряду с частичным показом образцов в отрезках применялась открытая выкладка тканей. Куски тканей на прилавках, стендах, столах укладывали на ребро, что давало возможность разместить их в большом количестве на

оборудовании. Пристенные шкафы в этом случае становились ненужными и убирались. Продажа по образцам в сочетании с открытой выкладкой на прилавках позволила выставить для показа почти весь имеющийся в продаже ассортимент тканей, повысить активность покупателей при выборе товаров, ускорить отпуск. Таким образом, разумно сочетались положительные стороны старого способа продажи тканей и нового [5, с. 17].

Прогрессивные методы продажи обуви развивались в трех направлениях: по образцам, с открытой выкладкой и на основе самообслуживания. Наиболее распространенным из этих методов являлась продажа по образцам, при которой покупатели знакомились с товарами, а примерка и оформление покупки производились с помощью продавца. Открытая выкладка обуви часто сочеталась с самообслуживанием. При применении каждого из этих методов обувь размещалась по родам (мужская, женская, детская), а внутри – по размерам. Инициаторами внедрения новых, более совершенных форм торговли обувью являлись специализированные обувные торги и магазины Москвы и Ленинграда.

В 50-60-е годы в большинстве универмагов продажа обуви прогрессивными методами была развернута недостаточно. Универмаги заметно отставали от специализированных обувных магазинов, применявших более современное оборудование – стенды, подставки, обеспечивавших свободный доступ покупателей к товару.

Так, в Московско-Ленинском, Брянском и ряде других универмагов, обувь размещали на рабочих местах в коробках, несмотря на то, что магазины, применявшие передовые методы продажи обуви, давно отказались от использования этого громоздкого, дорогостоящего и ненужного для обслуживания покупателя инвентаря [1, л. 11].

Продажа обуви по методу открытой выкладки не отвечала требованиям, предъявлявшимся к прогрессивным формам торговли. Свободный доступ покупателей к товарам не обеспечивался. Правда, применявшиеся шнуры, преграждавшие доступ покупателей к товарам почти везде были сняты, но примерочные стулья, тумбочки и примерочные скамейки закрывали покупателям доступ к товарам.

Не получила распространения в универмагах и продажа обуви в боксах с помощью продавцов-консультантов с расчетом на месте или с оплатой стоимости обуви в общей кассе, обслуживающей обувную секцию.

Участком, наименее подвергшимся изменениям в универмагах, являлась продажа трикотажа. В торговле трикотажными изделиями большинство универмагов упорно стремилось сохранить прилавки и пристенное оборудование устаревших конструкций. Для ознакомления покупателей на прилавках выкладывались образцы трикотажа, а рабочие запасы размещали на полках и пристенных шкафах. Сдвиги наметились лишь в торговле чулочно-носочными изделиями. В универмагах Гостиный двор, ДЛТ, Московско-Ленинском, Свердловском, Калужском была организована продажа чулочно-носочных изделий с открытой выкладкой на прилавках в кассетах по размерам и видам, что, несомненно, улучшало обслуживание [3, л. 15].

Однако наиболее рациональный метод продажи этих изделий путем открытой выкладки их в ячейки применяли лишь в магазинах Риги, некоторых специализированных магазинах «Мосгалантерея» и «Ленгалантерея», а в универмагах не применялись.

При продаже кожаной галантереи в кассетах были выложены лишь единственные образцы товаров по одному или два экземпляра. Этот способ не создавал покупателям удобств. Во-первых, доступ к изделиям, как правило, был частично перекрыт стеклом, покупатель не мог взять товар и вынужден был просить продавца показать заинтересовавшую его вещь; во-вторых, покупатель обычно не ограничивался осмотром лишь одного изделия потому, что на первый взгляд одинаковые изделия могли отличаться по цвету, мягкости кожи, качеству замка, четкости строчки и т.д.

В чем же главные причины недостаточного использования универмагами прогрессивных форм торговли?

Основной причиной, тормозившей развертывание прогрессивных форм торговли в универмагах, являлось стремление местных органов торговли из года в год увеличивать план товарооборота универмагам при неизменной торговой площади этих магазинов. Чтобы обеспечить

выполнение постоянно возрастающих планов, универмаги вынуждены были вовлекать в товарооборот наиболее выгодные для выполнения плана товары, без проведения необходимых мер по рационализации работы, суживать фронт рабочих мест в торговом зале, учитывая количество одновременно работавших продавцов, открывать дополнительно рабочие места. При этом уменьшалась площадь для покупателей; на ней устанавливались дополнительные прилавки, киоски, столики для продажи товаров и т.д. Всё это создавало значительные неудобства для покупателей и препятствовало дальнейшему повышению культуры торговли в универмагах [7, с. 139].

Другим немаловажным препятствием для полного перехода на новые прогрессивные методы торговли являлись небольшие площади многих универмагов. Основная масса универмагов (кроме универмагов Москвы, Ленинграда, Киева и некоторых других городов, где в 1960^е годы были введены в строй крупные современного типа универмаги) состояла из предприятий, располагавших в среднем 50 рабочими местами с небольшой площадью торгового зала. Структура ассортимента таких универмагов обычно включала все основные группы промышленных товаров. Небольшие секции и отделы этих универмагов не располагали широким ассортиментом товаров, необходимым для всестороннего обслуживания населения и не могли в полной мере применять наиболее рациональные, удобные для покупателей методы продажи промышленных товаров.

В городах, где имелось несколько универмагов с небольшой торговой площадью, этот недостаток можно было преодолеть путем их специализации, ограничивая ассортимент каждого магазина несколькими родственными группами товаров. Это давало возможность более равномерно разместить секции и отдельные рабочие места в торговом зале, оснастив их современным торговым оборудованием, и широко внедрять прогрессивные формы обслуживания.

Другим путем было внедрение принципа материальной заинтересованности. В рассматриваемый период работники универмагов не были заинтересованы материально во внедрении прогрессивных методов про-

дажи товаров. Это искусственно тормозило массовое распространение и внедрение прогрессивных методов торговли в универмагах. Поэтому целесообразно было разработать соответствующую премиальную систему за их внедрение.

Таким образом, при внедрении прогрессивных форм торговли в универмагах, наряду с успехами при их использовании существовали и проблемы, которые в значительной мере были решены к концу 1960^х годов. Это существенно улучшило торговлю в стране, обеспечивая население более разнообразными и качественными товарами.

Список литературы

1. Государственный архив Брянской области. Ф. 1649. Оп. 1. Д. 8380. Основные показатели по государственной, кооперативной и колхозной торговле за 1956 г. по Брянской области.
2. Там же. Д.8398. Отчеты, докладные записки, справки и информации о конъюнктурном обзоре торговли Брянской области за 1959 год.
3. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-3261. Оп. 1. Д. 1126^а. Анализ финансово-хозяйственной деятельности за 1965 год.
4. Игуменцев В.М., Кононов Н.Н. Советская культурная торговля. М.: Госторгиздат, 1952.
5. Кирсанов Н. Из опыта внедрения прогрессивных методов торговли в универмагах // Советская торговля. 1957. №3.
6. Курнин Д. Широко внедрять прогрессивные формы торговли // Советская торговля. 1960. №11.
7. Павлов Д.В. Советская торговля в современных условиях. М., 1965.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 2479. Краткая стенограмма совещания при заместителе министра торговли СССР о новых формах торговли (у тов. Трифонова) 22 ноября 1955 года.

О СЕМИОТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРИЧЕСКИ

Светличная И.В.

Омский государственный институт сервиса, г. Омск, Россия

В статье рассматриваются семиотические аспекты изучения прически. Причёска представлена как один из элементов иерархии образа, семиотическое исследование которого будет способствовать изучению изменения символики и трансформация прически на протяжении смены культур и этапов развития моды. А такие семиотические компоненты как семантика и прагматика, позволят наиболее полно раскрыть значимость символики прически в образе человека и выявить предпосылки к изучению причёски как компонента выражения телесности.

Ключевые слова: семиотика; семантика; прическа; волосы; образ; символика; телесность.

THE SEMIOTIC ASPECT HAIRSTYLES

Svetlichnaya I.V.

The Omskiy state institute of service, Omsk, Russia

The article discusses the semiotic aspects of the study of hairstyles. Hairstyle presented as one of the elements of the hierarchy of the image, semiotics of which will facilitate the study of changes symbolism and transformation of hairstyle during the change of cultures and stages of development of fashion. And semiotic components such as semantics and pragmatics, will fully reveal the significance of the symbolism of hair in human form and to identify the prerequisites to the study of hair as a component of the expression of physicality.

Keywords: semiotics; semantics; hairstyle; hair; image; symbols; embodiment.

Одним из заслуживающих внимания объектов семиотики в последнее время является прическа, которая играет большую роль в создании внешнего образа человека и выражения внутреннего составляющего образа, что накладывает отпечаток на восприятие личности окружающими.

В некоторых источниках уверенно утверждают, что прическа имеет второстепенное значение по отношению к костюму, который определяется стилем эпохи [11, с. 3-4]. Но как показывает практика, это правило в современном мире работает в случае создания зрелищных, искусственных образов. В повседневной же среде зачастую происходит наоборот. Прическа влияет на составление компонентов имиджа, телесного выражения человека и восприятие образа окружающими [19, с. 136-138].

Как утверждает В.В. Иванов, семиотика находит свои объекты повсюду, и исследует их на основе общих знаковых систем различных сфер культуры и видов искусства. Поэтому, основой для изучения семиотического значения прически могут стать семиотические исследования, проведенные на основе сотрудничества ученых разных специальностей [9, с. 5-7].

В связи с этим изучать семиотику образа человека можно через различные его компоненты, одним из которых является и такой пластичный материал, как волосы, организованные в прическу. Изучение символики прически в художественном образе позволит обосновать семиотику прически в разных культурах, проследить ее взаимосвязи с внешним образом человека в целом и выражением всей его телесности, являющейся наиболее ярким выражением языка культур.

Так как волосы и их оформление в прическу в древние времена активно участвовали в обрядовых действиях, то ряд авторов исследуют становление древних культур в жизни человека, изучая прическу относительно семиотическом прочтении внешности человека.

Например, такие авторы как этнографы, историки и семиотики Н.И. Гаген-Торн, С.В. Толкачева, А. Ван Геннеп и Б. Успенский и в своих работах опираются на метафизическое прочтение прически. В данных исследованиях огромное значение уделяется символике (семантике) волос в приче-

ске, функциональность имеет второстепенное значение, а подвижности и выразительности форм и фактур уделяется наименьшее внимания.

Все рассуждения о символике волос построены на основании древнего магического значения волос, часто определяемого силой плодородия и вместилищем «души» [6, с. 76-80]. Женские волосы определялись как символический канал получения и накопления энергии всего рода, поэтому, практически во всех древних магических обрядах, символическое значение прически доминировало над функциональным значением.

В данных исследованиях прическа проявляет себя в двух направлениях: и как статичный символ, имеющий отношение к прочтению какого-либо обрядового действия, то есть проявляется в своем семантическом значении; и как символ, который при помощи трансформации активно участвует в обрядовом процессе посредством символического значения и функционального аспекта семантики.

Так же символика волос, организованных в прическу, в некоторых исследованиях представлена как элемент смены статуса носителя трансформируемой прически. Все манипуляции волосами рассматриваются как принадлежность к какому-либо обряду жизненного перехода, где волосы являются предметом символического воздействия на носителя прически. То есть уже выступают символом этапа перехода из одного жизненного состояния в другое с учетом ценностей разных культур [1, с. 151-155].

В данных работах доминирует семантическое прочтение прически. Семантика прически проявляется не только в ее символическом значении при изучении различных обрядов, как проявлении культурных особенностей общества, но и как компонент, активно участвующий в жизни человека при смене статуса, посредством трансформации.

Многие авторы изучают прическу через мифологическую культуру разных народов, символику вечных начал и прототипы внешности, воплощающиеся через множество сходных форм и типичных свойств, которые наиболее полно раскрываются в мифе [7]. Образы мифологических героев являются колоритными и имеют четкие положительные или от-

рицательные черты, проявляющиеся в своем семиотическом значении в разных культурах.

Исследования таких авторов как Е.Е. Левкиевская, Бескова А.А., Б.А.Успенский, Осипова О.С., Гудимова С.А., Толстой Н.И. являются интересными для изучения семиотики причесок. По данным текстам можно проследить символичное отношение к самим волосам как основе прически и сделать выводы об отношении к ним людей, которое проявляется в обрядовых действиях с прическами.

Волосы символизируются через бога Волоса (Велеса), как элемента, имеющего отношение нижней части мирового пространства, и противопоставляют Перуну, который царил в верхней части мирового пространства. В связи с этим распущенные волосы символически связывались с нечистой силой, а манипуляции с ними, то есть собирание в прическу позволяли сдерживать воздействие волос на человека [2, с. 1-14], [13, с. 256-258]. То есть можно наблюдать противостояние символичного значения распущенных волос и волос, оформленных в прическу или покрытых.

Осипова и Успенский в своих исследованиях утверждают, что славянский находит практически однозначное понимание у многих исследователей в области философии и культуры. То есть символизировал уже другую характеристику, такую как богатство и силу своего носителя. По своей сути Волос - бог почитания и правильного использования богатств и сил природного мира [14, с. 125], [24, с. 107].

В своем исследовании представленные авторы утверждают, что в культуре Волоса важную роль играют шерсть, волос – символы достатка, благосостояния, плодovitости. Авторы реконструируют связь Волоса с растительным, медвежьим, змеиным, волчьим и солнечным культами, изучение символики которых, подтверждает то, что волосы являются символом молодости, здоровья и красоты [7, с. 132], [14, с. 126].

Толстой Н.И. говорит в древних мифах о волосах как о средоточии жизненных сил человека. По их утверждению, словенцы верили, что манипуляции с волосами способствуют потере человеком сил и здоровья. Волосы

символизировали множество, богатство, изобилие и счастье, а расчесывание и мытье волос ограничено целым рядом запретов [23, с. 457].

По утверждению Фрэзера Д.Д. и Успенского данное отношение святости к голове и волоса, в невозможности прикосновения к ним, без нанесения ее обладателю тяжкого оскорбления сформировалось еще в первобытные времена. Первобытный человек верил, что между ним и каждой частью его тела существует симпатическая связь и что она продолжает существовать даже после прекращения физического контакта [24, с. 108], [25, с. 796].

Из чего можно сделать вывод, что в культуре древнего народа качество, длина и цвет волос символически говорили о жизненных силах и характеристиках обладателя, а оформление их в прическу символизировало семиотическое прочтение информативного воздействия на человека. Поэтому сама прическа и манипуляции с ней имеют огромное символическое значение для каждой культуры и изучения ее особенностей, а семиотика прически имеет немалое значение в изучении культуры разных народов [20, с. 241-243].

Можно назвать ряд работ авторов, использующих символику волос с целью изучения традиции народов, индивидуализирующихся в зависимости от принадлежности к разным культурам и периодам их развития.

В книге Павлова А.В. и Галкина В.Т. «Современная первобытность» можно наблюдать странное отношение к ценности волос и их символизму, которое исследуется на основе метода ментального портрета для анализа первобытной культуры. Изучение данной культуры происходит через рассмотрение первобытности посредством отношения к внутренним и внешним качествам. В данной книге представлено много примеров отношения к волосам, основанных на запретах [16, с. 19-21].

В данном случае также подтверждается значение прически в древних обрядах и ритуалах, где волосы выступают символом, в данном случае, свободы женского духа от мужского начала и являются способом манипуляций и воздействий на их обладателя.

Волосы могут являться не только символом обозначения положения человека в обществе определенной культуры, но и символом познания

самой культуры, как в исследовании культуролога Г. Гачева. Одним из объектов познания культуры Древней Индии являются волосы и их символизм. Автор подтверждает это фактами, что индийцы относятся к цвету и форме прически так же, как почитают местные божества. А оформление волос в прическу у индийцев имеет глубокий философский смысл [5, с. 37-45].

При изучении культуры народа, автор опирается все же на семантическое прочтение прически, как одного из компонентов, раскрывающих внутренние и внешние особенности представителя культуры.

Через семантическое прочтение прически и ее символики можно было не только узнать особенности культуры каждого народа, но и познать его менталитет. Культуролог Сорокина Т.А. выявляет и обосновывает идеалы красоты, отражённые во внешности человека через женский облик, характеризующийся посредством не только костюма, но и прически.

Автором представлено, на примере причесок, соединение языческих символов, идеалов красоты с православными канонами. Магические ритуалы с причёской, и композицией наряда, позволяют провести семантическое прочтение канонов красоты и их значимость в менталитете отечественной культуры IX-XVII вв. [21].

Значение символики волос в культурных традиций восточных славян можно проследить в исследовании Д.К. Зеленина. Автор рассказывает о тесной гармонической взаимосвязи головного убора женщины с её причёской, которая трансформировалась с изменением головного убора в процессе ритуальных обрядов. О данной взаимосвязи можно проследить и в исследованиях мифологического характера, как уже говорилось ранее [8, с. 39-47].

Выявленное отношение к волосам головы позволяет определить единство традиций у разных народов. Авторы, использующие в своих исследованиях материал об особенностях разных культур, настаивают на утверждении о значении семиотики прически, что позволяет узнать культурные традиции каждого народа и его менталитет. Также данное утверждение способствует рассмотрению приемов или интерпретации

данных традиций и в современное время, пониманию того насколько сохранилось традиционное семантическое значение прически по отношению к современным характеристикам прически.

Одним из активных элементов, позволяющим изучить энергетических возможностей организма, физического и эмоционального здоровья в исследованиях эзотериков, является прическа и ее символичное прочтение.

Немаловажной характеристикой семиотики прически является символизм формы, длины и цвета волос. Исследователь в направлении эзотерики Р. Дальке предоставляет множество информации, доказывающей, что внешний вид тела не случаен, что он имеет существенное значение. Современное общество и мода оказывают огромное влияние на человека [18, с. 34-40].

Автор утверждает, что волосы являются проводниками и накопителями энергии человека. Поэтому их символика, а особенно цветовая, занимают особое значение в жизни человека. По словам автора, волосы и прическа служат цели не только для привлечения внимания, но и для выражения жизненного стиля, религии и политических убеждений. Автор говорит о значении символики волос, природного цвета и структуры в жизни каждого человека, которых поддаются подробному толкованию в разных культурах.

Как показывают исследования, эзотерики часто используют семантику прически как основу изучения индивидуальных особенностей личности и в качестве компонента, активно участвующем в искусственном формировании внешнего образа.

Ряд авторов, проводящих исследования в области метафизики в своих исследованиях утверждает, что отношение к волосам как к символу культуры необходимо должным образом расценивать, в противном же случае людей в современном мире начинают беспокоить проблемы с волосами. Например, Л. Бурбо в своей книге «Твое тело говорит «Люби себя!»» предлагает рассматривать три метафизические причины проблем с волосами: эмоциональная, ментальная и духовная блокировка. Автор говорит о том, что любая проблема с волосами является признаком того, что человек

недостаточно верит в существование божественной энергии, в собственные силы, которые помогают ему восстановить контакт со способностью самостоятельно строить свою жизнь [12, с. 45-49].

В данных текстах волосы позиционируются как символ, проявляющийся через взаимосвязь здоровья и внешности. То есть отношение к здоровью духа и тела проявляется через разные внешние компоненты, одним из которых являются волосы, организованные в прическу. Красивые волосы в прическе являются символом внутреннего состояния обладателя и проявляются во внешности, то есть являются компонентом внешней красоты.

Многие авторы используют символику волос как способ семиотического прочтения особенностей культуры в произведениях искусства. В данных исследованиях такой выразительный элемент как волосы, оформленные в прическу, помогают прочесть семантику внешнего образа через пластичность и движение, характерного для определенного культурного периода в искусстве.

Т.И. Окунева акцентирует внимание на форме и движении волос в культурной семантике женской маски. Автор анализирует живопись, литературу, музыку того времени, где представлены подобные образы, а также тексты психоаналитиков и русских философов начала XX в. [15, с. 206-213].

Движение пышных волос в женской маске уложенные в прическу и характеризуют особенности скульптуры, графики и живописи того периода, создавая впечатление живых бутонов, готовых расцвести. Мотив цветения волос в архитектурном декоре широко распространен [15, с. 206-213]. То есть семантика прически, позволяет определить культурные особенности в искусстве, определенного периода, где символична не сама прическа и не движение волос внутри формы, а красота и особенности движения, характерных для определенного периода культуры.

А.Г. Виноградова в своем исследовании так же использует семантику прически для выражения особенностей культуры в искусстве Ренессанса. Автор говорит, что авторы того периода часто использовали красивые жен-

ские прически для выражения художественного образа в искусстве. Развевающиеся волосы, как компонент внешнего образа, являются отражением ренессансного принципа гармонии. Искусство Возрождения передает движение волос, тканей, танца как квинтэссенцию движения [4, с. 119].

Волосы, развевающиеся от ветра, являются формой гармонии и красоты как грации, динамического начала. Они передают движение и вместе с тем эмоции. Это пластический мотив, воплощающий чрезвычайно важное для Ренессанса понятие, стремление к постижению истины через любовь к красоте.

Мотив развевающихся волос и одежд восходит к античности. В античном искусстве развевающиеся в танце волосы и одежды были характерны для эллинистических рельефов с изображениями нимф и менад. Оттого Ренессанс способен передать в визуальной форме самый ритм бытия, который находит свое выражение в мотиве развевающихся волос [4, с. 115-119].

А значит, в равной степени в семиотическом восприятии прически активно участвуют и ее символическое прочтение, отражающееся через семантику, и функциональное, проявляющееся в прагматичном восприятии личности себя и окружающими.

Данное утверждение может и подтверждать тот факт, что волосы как текстуру прически, использовали в искусстве для движения, отражающего внутренние особенности героя, его эмоции, выражения его телесности, через движение и пластичность прически в разных периодах культуры.

Утверждение прически как средства вербализации художественного образа проявляется и в литературных произведениях. Например, искусствовед А.И. Доронина проводит исследования, в которых представляет примеры использования прически как средства, определяющего концепт «женская красота» и составляющего ядро концепта, наряду с лицом, глазами, фигурой и кожей. Что позволяет выделить семантическое прочтение прически как компонент, играющий активную роль в определении внешнего восприятия концепта «женская красота». Для каждой личности, естественно, характерен индивидуальный концепт «женской красоты», который изменялся и в разные периоды культуры.

Как показывают некоторые исследования, в разные периоды культуры одна прическа могла иметь различное семантическое прочтение. Примером этого является статья Петрова М.С., посвященная эволюции образа женщин в отечественных СМИ, которая идет вслед за эволюцией образа и роли женщин в современном мире в целом [17, с. 40-44].

Отсутствуют женщины с кудрявыми волосами, что согласуется с существовавшим в то время стереотипом, согласно которому женщина с кудрями – это женщина легкого поведения. В то же время в истории культуры, наблюдаются периоды, в которых, напротив, женские локоны были эталоном красоты, такие как Античность, Ренессанс, Барокко и т.д.

Известны исследования, в которых символизм прически используется как определяющий компонент определения гендерной идентичности. Буракова М.В. в своем исследовании характеризует прическу как элемент внешнего облика, который играет ведущую роль в формировании образа гендерной идентичности партнера. Автор говорит, что прическа представляет собой элемент внешности, являющийся наиболее информативным в отношении гендерной идентичности субъекта, с одной стороны, и который может быть легко и сознательно трансформирован, с другой стороны [3, с. 19-22].

В данном исследовании прическа рассматривается как элемент внешнего облика человека, который входит в сложный комплекс различных экспрессивных компонентов внешнего Я - личности. Она представляет собой оформление волос путем придания им определенного вида с использованием различных средств. Так же прическа представлена как социально-психологический феномен, который обладает основными характеристиками и функциями внешнего Я и конструкторов маскулинности – фемининности [3, с. 19-22].

Семиотика прически является неотъемлемым компонентом прочтения гендерной идентичности субъекта, то есть доносит информацию о носителе до окружающих и влияет на восприятие внутреннего и внешнего образа, телесного выражения человека. То есть символика прически, не только подтверждает тот факт, что является семиотичным компонен-

том образа, но и характеризует прагматичное отношение носителя к себе и восприятию окружающими.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что многие авторы, работающие в направлении исследования семиотики образа в разных культурах, выделяют один из весомых составляющих процесса создания художественного образа причёску, которая различается как по форме, так и по движению внутри формы.

Изучение данных исследований, подтверждает тот факт, что причёска является одним из элементов иерархии образа, через прочтение которого можно не только глубоко изучить особенности разных периодов культуры, но и выявить предпосылки изменения символики и трансформация причёски на протяжении смены культур и этапов развития моды.

Волосы, организованные в причёску являются одним из пластичных материалов для выражения внутренних и внешних особенностей образов в окружающем мире, в связи с этим активно связаны с телесностью человека. Поэтому целесообразней использовать в изучении причёски такие семиотические компоненты как семантика и прагматика, позволяющие наиболее полно раскрыть значимость символики причёски в образе человека, что является предпосылками к изучению причёски как компонента выражения телесности.

Список литературы

1. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Арнольд ван Геннеп. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 2002. 200 с.
2. Бесков А.А. Анализ мифологической составляющей восточнославянского язычества: автореф. дис. канд. философ. наук: 09.00.13 / А.А. Бескова Новгород, 2008. 14 с.
3. Буракова М.В. Интерпретация маскулинности-фермининности внешнего облика женщины: На примере причёски: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.05 / М.В. Буракова. Ростов н/Д, 2000. 22 с.

4. Виноградова А.Г. Мотив волос, развивающихся от ветра, в искусстве ренессанса / А.Г. Виноградова// Театр. Живопись. Кино. Музыка: Альманах. 2009. №1. С. 101-120.
5. Гачев Г. Образы Индии / Г. Гачев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 390 с.
6. Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы / Н.И. Гаген-Торн // Советская этнография. 1993. №5-6. С. 76-88.
7. Гудимова С.А. Символы культуры: Сборник статей / С.А. Гудимова. М.: ИНИОН РАН, 2002 220 с.
8. Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных (русских) славян / Д.К. Зеленин. М.: Прага, 1927. 60 с.
9. Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР / В.В. Иванов. М.: Наука, 1976. 298 с.
10. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения : учеб. пособ/ Г.Е. Крейдлин, М.А. Кронгауз. М.: «Флинта», 2009. 240 с.
11. Корнеев В.Д. Моделирование прически : учеб. пособ/ В.Д. Корнеев. М.: Легпромиздат, 1989. 196 с.: ил.
12. Лиз Бурбо. Твое тело говорит «Люби себя!» / Лиз Бурбо. М.: Издательский дом «София», 2002. 196 с.
13. Левкиевская Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. М.: АСТ, 2000. 528 с.
14. Осипова О.С. Философское исследование «Славянское языческое миропонимание» / О.С. Осипова: монография. М.: Москва, 2000. 183 с.
15. Окунева Т.И. Семантика женской маски: архитектурный декор русского модерна / Т.И. Окунева // Вестник РГГУ «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. №10/08. С. 206-213.
16. Павлов А.В., Галкин В.Т. Современная первобытность: монография/ А.В. Павлов, В.Т. Галкин. Тюмень: ТОГИРРО, 1999. 133 с.
17. Петров М. С. Эволюция образа женщины в отечественной журналистике (на примере контент-анализа журнала «Крестьянка») / М.С. Петров // Вопросы культурологии. 2010. №7. С. 40-44.

18. Рудигер Дальке. Тело – зеркало души / Рудигер Дальке. М.: Питер, 2009. 42 с.
19. Светличная И.В. Прическа как компонент выражения телесности / И.В. Светличная, О. А. Цесевичене // XXI век – век дизайна: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. 2014. С. 136-142.
20. Светличная И.В. Символика волос как феномен культуры / И.В. Светличная // Гуманитарное образование в креативно-антропологическом измерении: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. 2015. №12. С. 239-245.
21. Сорокина Т.А. Идеалы красоты в контексте ментальности отечественной культуры IX-XVII вв.: генезис и исторические трансформации: автореф. дис. канд. культуролог. наук: 24.00.01 / Т.А. Сорокина. М., 2008. 24 с.
22. Толкачева С.В. Символика ритуального перехода невесты – в русском свадебном песенном фольклоре Удмуртии / С.В. Толкачева // Вестник Удмурдского университета. 2013. №5-4. С. 135-141.
23. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества: монография/ Н.И. Толстой. М.: Индрик, 2003. 624 с.
24. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей/ Б.А. Успенский. М.: Издательство Московского Университета, 1982. 248 с. (106).
25. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь/ Д.Д. Фрезер. М.: Издательство политической литературы, 2012. 854 с.

ВОЗЗРЕНИЯ Н.Ф. ФЁДОРОВА НА БИОСФЕРУ ЗЕМЛИ

Скачков А.С.

Омский государственный технический университет,
Омск, Россия

В статье предпринята попытка критического философского исследования воззрений основоположника русского космизма Фёдорова на биосферу Земли. Показаны важнейшие научные достижения и мировоззренческие искания, которые были использованы Фёдоровым для выработки воззрений на земную биосферу. Даны наведения и рекомендации для анализа некоторых взглядов Фёдорова в связи с научными взглядам и смыслами аврамической религиозности.

Ключевые слова: *автропрофное человечество; биосфера Земли; гностицизм; жизнеотрицание; жизнеутверждение; Фёдоров; философия русского космизма.*

NICOLAY FEDOROV'S VIEWS ON THE BIOSPHERE OF THE EARTH

Skachkov A.S.

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

In this article an attempt is made to critically philosophically contemplate the views of the father of Russian cosmism, N.F. Fedorov on the biosphere of the Earth. The most important scientific achievements and worldview explorations, used by N.F. Fedorov to work out his views on the biosphere of the Earth are represented. Guidance on and recommendations for the analysis of some N.F. Fedorov's ideas in connection with his scientific views and the meanings of Abrahamic religion are given.

Keywords: *autotrophic humanity; biosphere of the Earth; gnosticism; negation of life; assertion of life; N.F. Fedorov; philosophy of Russian cosmism.*

Объект данного исследования – воззрения основоположника философии русского космизма Н.Ф. Фёдорова на земную биосферу – ещё не был объектом не «проповедующего» (как таковое названо, напр., осуществлявшим его Г.П. Аксёновым [1, с. 61]), но собственно философского рассмотрения. Рассмотрения под прицелом присущей философии критической функции. Подступая к таковому, мы считаем, прежде всего, необходимым дать себе ясный отчёт в ряде фактов в отношении биосферы Земли, людей и их мировоззренческих, в том числе – философских построений. Во-первых, «живые организмы являются функцией биосферы» [4, с. 52], значит, люди суть субъекты в рамках этой функции, которую они, не искажая или же инверсируя в некоторой степени, несут «с собой всюду» и всегда [5, с. 28]. Во-вторых, «способные философствовать», а не просто «изучать философию», актуализуя эту способность, суть субъекты «философии по мировому понятию (*in sensu cosmico*)», не существующей без ответа (обосновываемого и корректируемого в связи с историческими – научными, мировоззренческими – достижениями людей) на интегральный вопрос «Что такое человек?» [7, с. 332]. В-третьих (что следует из задействованных выше утверждений), без усилий по адекватному пониманию реальной земной биосферы и действительного, а не мнимого, человека, реально существующего именно в земной биосфере, любой философствующий теряет соответствие своих взглядов «последним целям человеческого разума», скатывается (в лучшем случае) лишь к «виртуозности ума», к «филодоксии» [7, с. 332]. Виртуозности, склонной к оперированию «не отвечающими действительности схемами», вызванными, напр., «религиозными и философскими брожениями», к оперированию «ложными представлениями» [5, с. 213, 232]. В худших случаях таковой «виртуозности (в крайнем проявлении «философии как эпистемы» и в крайностях «философии как технемь», по Г.Г. Майорову [9, с. 34-76]) – это путь не просто в сторону от философии, но к антифилософии. Он, по

сути своей, инверсивен, жизнеотрицающ (зло – инверсия добра, жизнеотрицание [10, с. 2978]). Исследуемые кем-либо (в заявленном аспекте) воззрения Фёдорова на земную биосферу – сложнейшее переплетение взглядов: и научных, и мировоззренческих, и иных. Это переплетение, содержащее построения не только адекватные и жизнеутверждающие, полагаемые нами в качестве глубинной сути человеческой культуры и её духовного, в том числе философского, выявления – предмет данного исследования. Цель же работы в том, чтобы корректно вскрыть базовое содержание взглядов Фёдорова на земную биосферу, в целом изложенное в тексте «Вопроса о братстве или родстве...», созданном им в период с 1878 по начало 1890-х или 1900-х гг. [12, с. 466, 468]. Эта цель достигнута на пути критического выяснения жизнеутверждающего и человечески прогрессивного в них в ходе вскрытия и критики противоположного.

Начнём с исторического – в научно-мировоззренческом ключе – контекста взглядов Фёдорова на земную биосферу: с бросающегося в глаза, с очевидного – это взгляды мыслителя XIX в., впитавшего мировые достижения, чаяния и противоречия того времени. Именно тогда мощно развились касающиеся понимания земной биосферы эволюционистские отрасли науки классической генерации. В биологии утвердились: клеточная теория живого, теория происхождения многоклеточных организмов от одноклеточных, теория эволюции живого в целом. Научная мысль констатировала: земная биосфера характеризуется усложняющимся и наращивающим степень организации эволюционным преобразованием. В ходе такового исторически возникают всё более сложные организмы, и, начиная с хордовых, имеет место неуклонное совершенствование нервной системы, установленное в 1851 г. Д.Д. Дана и фиксированное предложенным им же термином «цефализация» в публикациях 1863-1866-х гг. [4, с. 56, 193, 202]. В то же время в классической термодинамике утверждалось: Вселенная, рассматриваемая, с подачи Р. Клаузиуса, в статусе «всеобъемлющей физической системы» [2, с. 85], неизбежно должна прийти в состояние термодинамического равновесия, значит, земная биосфера, венцом «цефализации» в рамках которой являются люди, должна дегра-

дировать и исчезнуть вместе с ними. Причём – особо подчеркнём этот факт – и биологическая, и физическая версии эволюции, в общем-то, не сулили человечеству «вечной жизни», поэтому во взглядах Фёдорова идеи так трактуемой эволюции в принципе расценены «противными» «человеческому роду», мыслимому им в качестве «орудия Божественной воли» [12, с. 63]. И сейчас, и в то время многим, не только Фёдорову, была очевидна явная несогласованность указанных версий эволюции сложных систем. Это выразилось в осознании «термодинамического парадокса в космологии»: напр., в 1875-1876 гг. Ф. Энгельсом и в 1890-х гг. Э. Геккелем. Вместе с тем, с подачи У. Томсона (лорда Кельвина), утверждалась новая форма древнего и жизнеутверждающего смыслообраза наличия в мире в целом «творческой силы» антиэнтропийного характера, способной «создавать и уничтожать механическую энергию» [11, с. 180] и развивалась идея возможности соучастия людей в действии (или деятельности) означенной «силы». Считаем: воззрения Фёдорова на земную биосферу, её возможности зародились и развёртывались, основываясь на указанной когнитивной дисконгерентности. На противоречивых научно-пессимистических взглядах на космическую судьбу людей и оптимистических, зачастую, мистических надеждах в отношении её же.

Живое в принципе сопротивляется дезорганизации и стремится к максимуму организации. У разумных существ борьба с дезорганизацией идёт не только в плане инстинкта самосохранения, но и по линии технической, затем научной, научно-технической. Это очевидно нам и было очевидно Фёдорову. В чём же в науке XIX в. выразились важнейшие достижения по данной линии? Во-первых, в области химии французская школа, во главе с М. Бертло, добилась синтеза аналогов жиров (1853-1854 гг.), а русская школа, в лице А.М. Бутлерова, синтеза сахаров (1861 г.). Во-вторых, в области физиологии живых организмов была осознана фотоавтотрофная суть синтеза органической материи из неорганической. В-третьих, С.Н. Виноградский открыл явление хемосинтеза органической материи из неорганической (1887 г.). На основе этих научных достижений укрепилось мировоззренческое убеждение многих в принципиальной воз-

возможности научно-технического синтеза живого из неживого. Вплоть до искусственного создания целых живых организмов из неживой материи, о чём некоторые мечтали издревле. Напр., в XVII в. Ф. Бэкон так живописал в «Новой Атлантиде» научно-технические успехи бенсалемцев: «Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем ... зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других» [3, с. 516]. Фёдоров, будучи воспитанным в авраамической системе смыслов и духовных координат и знакомый с указанным рода мечтами, по сути, своеобразно соединил новые научные достижения в химии, физиологии и т.д. с древними мировоззренческими устремлениями к вечной жизни. Причём, в то время, с научной точки зрения, не было вполне понятно, что все живые существа Земли работают как единая система, взаимосвязаны и не могут существовать иначе, что биосфера Земли отнюдь не суммативная, механистически понимаемая, но целостная, самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система. Оттого многие видели человека в будущем в принципе автономным от земной биосферы, от её сложности и целостной системности, а то и вообще безбиосферным. В-четвёртых, именно в XIX в. стало научно понятно и в 1860-е гг. закреплено В. Пфеффером терминами «автотроф» и «гетеротроф» то, что в земной биосфере есть как фундаментальные первичные организмы (продуценты-автотрофы), так и вторичные организмы, питающиеся создаваемым автотрофами веществом. С точки зрения Фёдорова, данное подразделение в трофических цепях, или, как тогда их именовали – «цепях жизни», существование «вторичных» (консументов, а в его терминологии – «чужеядных») есть знак «греха» в земной биосфере. И Фёдоров делал вывод, что от них следует избавиться: «Мы должны признать чужеядных коренным пороком, свойственным слепой природе ... (и необходимо, согласно Фёдорову. – А.С.) уничтожить развитие этой чужеядной фауны» [12, с. 251-252]. Именно к «чужеядным», т.е. к гетеротрофам, наука относит людей. Относил к ним людей и Фёдоров, от себя вменяя себе и всему человечеству некий «невольный грех пожирания» [12, с. 278], мол, присущий людям в их «грешном», или «падшем» статусе. Всерьёз счи-

тал возможным изъятие людей (преодолевших падший статус, а именно: «воскрешённых») из числа гетеротрофов, шире – уничтожение в «цепи жизни» всех гетеротрофов. Считал, поскольку калькировал с некоторых оккультных толков или же измыслил мифологему о том, что изначальные реальные виды живых существ биосферы Земли (до грехопадения человека) предназначены были быть «нечужаждными» органами «нечужаждного» человека, но «превратились в особое самостоятельное царство» (отсюда – чужаждность некоторых) и станут «органами» воскресших людей [12, с. 302]. Словом, собственно безгрешны будут только те люди, что трансформируют всю земную биосферу в целом в систему исключительно своих собственных органов, а иных безгрешных не будет. Говоря же рациональным языком, ход мысли, использованный Фёдоровым, означает: биосфера Земли была изначально нацелена стать интегральным и универсальным «органом» удовлетворения всех дефициентных (напр., в пище) и всех других, напр., в передвижении в космическом пространстве и т.п., потребностей людей. В таком случае, единое всемирное «психократическое» [12, с. 44] общество будущих людей, названных Фёдоровым «полноорганными» [12, с. 301, 303], т.е. редуцировавшими биосферу со всеми составляющими её типами, классами, отрядами, семействами, родами живых существ и т.д. до своего интегрального и коллективно используемого «органа», можно понять как фантазмагорическое автотрофное человечество, изжившее, поглотившее не просто нынешнюю земную биосферу, но биосферу как таковую. Собственно «полноорганный» человек Фёдорова – именно безбиосферный человек, т.к. биосфера заявляется всего лишь органом такого «полноорганного» существа (существ), значит, служебной частью его (их) некоего нового автотрофного «воскресшего тела». Кстати, биосфера в целом, имея в своём составе ряд гетеротрофов, именно как система – действительно автотрофна: получая из внешнего космического окружения и косных составляющих планетарного тела необходимые ей вещества и энергию, она превращает их в собственно живое вещество тех организмов, которыми и представлена. Понятно, что если примыслить, гипостазировать людям реальную спо-

способность земной биосферы в целом воспроизводить и саморазвивать себя из неживой материи (энергии и вещества планетарного тела, на котором она расположена, и окружающего космоса), то в этом образе люди окажутся гиперавтотрофными существами. Такие существа на следующем шаге воображения их возможностей легко начинают выглядеть всемогущими разумными существами в области материально энергетических процессов мироздания. Но вообразить можно как реально возможное, так и в принципе объективно невозможное, напр., вечный двигатель первого рода. И мы считаем, и можем это обосновать, что выявленный ход мысли, развитый Фёдоровым, мысли, примысливающей людям все возможности биосферы и возможности сверх этих возможностей, шёл и идёт отнюдь не в унисон, но в диссонанс как с нарождавшимся во времена жизни этого мыслителя и становящимся сейчас научным учением о сложном и саморазвивающемся (синергетика), преодолевающим аберрации механицистского редукционизма, так и в диссонанс с жизнеутверждающей общемировой мифо-религиозной и в том числе аврамической моделью трактовки живой природы планеты Земля, «греха» людей и т.д.

В аврамической мифо-религиозной модели, по словам Патриарха Алексия II, «Творец создал Человечество, чтобы превратить Космос в сад Эдема» [8, с. 22]. В «саду» были, есть и, по здравому размышлению, должны быть и автотрофные одноклеточные и растения (в целом продуценты), и миксотрофы, и животные с людьми (консументы, питающиеся «от плодов»). Люди же осознаются лицами, призванными возделывать такой Сад праведно и вечно (хоть традиционно, хоть техногенно) жить в нём. Гетеротрофность организмов (напр., человека) в такой модели не рассматривается как «грех». Грех же видится, напр., в том, что в реальной земной биосфере есть и может нарастать жизнеотрицающее, смертоносное отношение части людей ко всему живому (к людям, и далее ко всем другим живым существам), что, напр., в энциклике «*Evangelium vitae*» Папы Римского Иоанна-Павла II кодифицировано термином «цивилизация смерти». Это явление Фёдоров ясно осознавал и вполне справедливо считал не должным. Но средство избавления он увидел в искоренении

реальной биосферы. А это абсурд. И если кто-либо отдаст себе полный отчёт в аспектах этого абсурда, то согласится с нашим тезисом: потребление человеком в пищу некоторых выработанных трудом продуктов биосферы в не нарушающих, а в усиливающих её устойчивое развитие пределах не есть составляющая того зла, в котором (согласно валидным источникам христианства, напр.) «весь мир лежит во зле» (1-е Иоанн.5:19), но есть, в общем-то, дело благое. Можно также вспомнить и то, что, «первочеловек» (Адам) мыслим изначально, до всякого «греха» объективно «чужеядным». И, согласно смыслообразам христианства, единственный в своём роде «Богочеловек» даже в «совершенном» теле («духовном» по воскресении) отнюдь не непричастен к вполне свойственному до этого «изменения» гетеротрофному способу питания, так сказать, добытыми трудом дарами биосферы, напр., в виде «печёной рыбы и сотового мёда» (Лук.24:42,43). Или же «Богочеловек» – чужеядный, т.е. носитель греха, значит, и его надо превратить в «полноорганного» автотрофа? Считаем, что провоцирующий абсурд ход мысли Фёдорова – следствие того, что он смешал духовные явления с сугубо физическими или физиологическими. Питание людей – не факт духовный, но факт физический. В то время как грех – проявление зла, а зло духовно и в своём экстремуме есть активное стремление использовать другие разумные живые существа с конечной целью их погибели. При этом Фёдоров исходил из редукционистско-механистической версии атомистической теории материи, включающей в себя абсолютизацию возможностей разума. Такой кажущийся разум (людей) может, якобы, «всемогуще» исчислять и абсолютно контролировать движение всех атомов мира в целом: «Мы ... полагаем возможным для нас ... достигнуть чрез всех, конечно, людей познания и управления всеми молекулами и атомами внешнего мира» [12, с. 421]. Создавать из полностью подконтрольных атомов Универсума нужные для людей комбинации, в том числе – комбинации атомов в виде «воскресших» («питающихся светом» и т.п.) лиц, каждое из которых, по Фёдорову, – совершеннейший «космический аппарат», «полноорганное существо»: «Единство знания и действия; питание этого организма есть сознательно-творческий процесс

обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани» [12, с. 107]. И, повторим, всё материально живое, по Фёдорову, в будущем Универсуме, в котором быть «воскресшим», суть только эти воскресшие «космические аппараты» с коллективным автотрофным телом, интегральный служебный орган которого образован из бывшей биосферы Земли. Это – квинт-эссенция негативного и абсурдного отношения Фёдорова к реальной земной биосфере, к её возможностям.

Учение Фёдорова ранее подвергалось сомнению и критике как с общефилософской, так и с внефилософской, напр., с религиозной, позиций. Так, Н.К. Гаврюшин вскрыл в основе взглядов Фёдорова древний гностический миф: мир в целом живой и есть цепь трансформации-эволюции существ, смена фаз от худшего к наилучшему (камень – в растение, растение – в животное, животное – в человека, человек – в ангела [6, с. 27]). В такой цепи «финал» мира «снимает» за ненужностью или невозможностью их дальнейшего самостоятельного бытия все «предшествующие» существа-фазы в «наивысшем» виде существ – человеко-боге, вбирающем в себя всё. Гностицизм же – психо-семантическая подложка воззрений тех, кто верит в указанное прохождение, или «восхождение» по «цепи» (магически-искусственное, технемное, техноморфное). В гностицизме, как и отчасти у Фёдорова, сложная материальная реальная биосфера Земли рассматривается не иначе как злая сфера, опутавшая и опутывающая людей злом, лекарством от чего считается разрыв связей с ней и её исчезновение. Т.е. во взглядах Фёдорова на земную биосферу есть явная интеллектуальная неразбериха и мировоззренческие подмены (собственные или гностические мифологемы выдаются за аврамические взгляды, научно обоснованные положения и т.п.). Особо подчеркнём, что следует как можно чётче ставить под акцентированное сомнение когерентность некоторых взглядов Фёдорова как научным взглядам, так и смыслам аврамической религиозности. Таковая в целом (хоть в виде иудаизма, хоть в виде христианства и ислама) традиционно боролась и противоборствует до сих пор идеям жизнеотрицания вообще и психо-семантике гностицизма в частности.

Философия, не скатывающаяся в крайности «эпистемы» и «технемы», философия «софийная», есть нацеленный на когерентность жизнеутверждающей истинности синтез мировоззренческих и научных достижений человечества, и в части идей Фёдорова мы наблюдаем сбой в таком синтезе, философскую несостоятельность, недостаток системности, рациональности и критичности. Ярчайший пример тому – идея будущего превращения всей земной биосферы в искусственно созданное общество искусственно же самовоскресших, уничтоживших «чужеродные» организмы, а все остальные, всю биосферу превративших в собственный интегральный «орган», служащий тотальной и в абсолютном масштабе регуляции материальных потоков вещества, энергии, информации. Порывы и стремления Фёдорова были направлены на благо человека и общества, это верно, однако, корни его учения были в существенной степени неадекватны, противоречивы, неоднозначны, несостоятельны, в силу чего породили элементы этической, онтологической и гносеологической и т.д. абсурдности в его же воззрениях на реальную биосферу Земли.

Список литературы

1. На пороге грядущего: Памяти Фёдорова (1829-1903). М.: Пашков дом, 2004. 456 с.
2. Астрономия и современная картина мира. М.: ИФ РАН, 1996. 247 с.
3. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1978. 575 с.
4. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. – М.: Изд-во «Наука», 1965. 374 с.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
6. Гаврюшин Н.К. По следам рыцарей Софии. М.: Стар Интер, 1998. 223 с.
7. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 709 с.
8. Цит. по: Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа – общество – человек: устойчивое развитие. М.: Ноосфера, 2000. 403 с.
9. Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.

10. Скачков А.С. Философия и утверждение жизни // В мире научных открытий. 2015. № 3.6 (63). С. 2976-2990.
11. Второе начало термодинамики. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 312 с.
12. Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 518 с.

ЗНАНИЕ – ВЫРАЖЕНИЕ НЕЛИНЕЙНОГО ОПЫТА

Скачков А.С.

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

В статье показывается принципиальная нелинейность знания. Источником любой нелинейности мыслится мир в целом, Универсум. Показ опирается на философские взгляды Анаксагора, Ф. Реди, Х. Гюйгенса, И. Гете, Ж. Кювье, П. Кюри, В.И. Вернадского, А. Швейцера, Н.И. Кобозева, Л.Н. Гумилева, Н.Н. Моисеева, В.В. Иванов, В.А. Лефевра. Это именно жизнеутверждающие взгляды. Вывод: жизнеутверждающим, доподлинно истинным, ноосферогенным является только такое знание, которое исходит из вечной и неустранимой разнородности Универсума, включающей живое и разумное.

Ключевые слова: *знание; мировоззрение; нелинейность; рефлексия; Универсум; философия; человечество.*

KNOWLEDGE IS THE EXPRESSION OF THE NONLINEAR EXPERIENCE

Skachkov A.S.

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

The article shows the fundamental nonlinearity of knowledge. Any source of nonlinearity is thought of the world as a whole, the Universe. The show

is based on the philosophical views of Anaxagoras, F. Redi, H. Huygens, J. Goethe, J. Cuvier, P. Curie, V.I. Vernadsky, A. Schweitzer, N.I. Kobozev, L.N. Gumilev, N.N. Moiseev, V.I. Ivanov, V.A. Lefebvre. This is life-affirming views. Conclusion: life-affirming, it is true, noospherogenesis is only such knowledge that comes from the eternal and ineradicable diversity of the Universe, including living and intelligent.

Keywords: *knowledge; worldview; nonlinearity; reflection; Universum; philosophy; mankind.*

Человеческий род – род *Homo sapiens* – жил и может жить, лишь постоянно вырабатывая новые знания, воспроизводя и модифицируя знания, достигнутые прежде. Система знаний человеческого рода – объект данного исследования. Она – духовная и материально выраженная колыбель людей, если, вслед за К.Э. Циолковским, видеть планету Земля – в ее нынешней исполненной знаниями, ноогенной стадии – в образе колыбели. Она – наша действительность с окнами возможностей, ветвящаяся система путей в прошлом и в будущее, поток смыслов из минувшего в вечность. Она отчетливо разнородна, не линейна: не только на поверхности, но в самой сути своей. В таком аспекте эта система – предмет мысли, требующий диалектико-синергетического метода осмысления. Считаем, что она разнородна и не линейна в силу разнородности и нелинейности мира в целом, Универсума – «объекта, проблемы, для исследования которых родилась философия» [13, с. 86]. Во всеобщности мира в целом на нашей планете возникли и жили, познавая себя и окружающее, не только люди нашего нынешнего вида (*Homo sapiens sapiens*), но и, в силу нелинейности эволюции рода *Homo sapiens*, другие, когда-то бывшие, но не существующие ныне подвиды *Homo sapiens*. Согласно акад. АН СССР и РАН А.П. Деревянко, это: *Homo sapiens altaiensis*, *Homo sapiens neanderthalensis*, *Homo sapiens orientalis*, и, вероятно, также *Homo* («*sapiens*»? – А.С.) *floresiensis* [8, с. 58-60]. Мы – как теперь уже точно знаем – на уровне генов несем в себе след их бытия, значит, и связь с ними. И, вероятно, как и мы, они, будучи «*sapiens*», имели собственное видение мира, какое-то мировоззрение. Хотя бы в форме наиболее простого, мифо-

поэтического, являющего прото- или мета- проекты их жизни («жизненные проекты», говоря языком «рациовитализма» Ортеги-и-Гассета). Проекты человеческой жизни тех, кто, подобно нам, вошел в этот мир, но, в отличие от нас, исчез, так как их колыбель стала их могилой. Они были и мыслили Универсум, давший и дававший им жизнь, но теперь оставшийся без них. Вероятно, мыслили его в том окне возможных знаний, в котором возможность их не существования в итоге оказалась более мощной, чем поток энергии осознанной борьбы с ней. Вероятно, в их бывшем знании и в нашем наличном и развивающемся сейчас есть и смысловые пересечения в локусе этого окна. Это смыслы, несомненно, архаичные и не безопасные. Есть и несовместимости с ним же. В том числе столь же архаичные, исходящие из единой с разумом воли к жизни, что, вопреки всему, вселяет поистине космическую любовь, веру, надежду, а, иначе, вселенскую глухую тоску. Вычленение в системе знания и того, и другого (и путей к жизни, и путей к смерти всех генераций) – актуальная проблема.

Мысля нелинейность знания, прежде всего, установим тот факт, что Универсум есть знак корневого смысла знания в любой мировоззренческой форме. Ни обыденное, ни научное, ни философское, ни религиозное и т. д. воззрение на мир не может не быть эксплицитным (а чаще всего все же лишь имплицитным) осознанием конкретным лицом места, закономерностей и возможностей человеческого рода, общества, человека в мире в целом. Этот корневой смысл един и многосложен, осмысливаем множеством имен. В целях иллюстрации сказанного процитируем не чуждого философским исканиям физика-теоретика П. Девиса: «Слово «Вселенная» (Universe) в английском языке имеет то же происхождение, что и «единство» (unity) или «единица» (one). Буквально оно означает единство, общность всех вещей, рассматриваемых как целое. ...Слово «целый» (whole) имеет один корень со словом «святой» (holy), что отражает глубоко таинственные и метафизические связи» [7, с. 226]. Важнейшими из мыслимого множества имен полагаем следующие, взаимно уточняющие друг друга: 1) собственно Универсум, 2) Космос, 3) Мироздание, 4) Вселенная. 1) Универсум – знак мысли о таком объекте, вне которого ни-

чего нет, не может быть. Онтологически он разнороден. С динамической точки зрения это такое все, в котором есть пути и хаоса, и порядка, и деструкций, и созиданий, и энтропии, и негэнтропии. В метафилософском плане он – рефлексивный многочлен, объект любого мировоззрения [15, с. 70-71]. 2) Космос – знак мысли о самоподдерживающемся порядке, о локусе Универсума в виде актуально структурированного сущего. Он разнообразен. Может быть совместим и/или не совместим с нами. 3) Мироздание – знак мысли об Универсуме в аспекте рассмотрения возможности и/или действительности нашего существования. Мысли о том, что конкретный порядок-Космос может как содержать, так и исключать наблюдателей в их субъектном понимании и конкретном – антропном или ином – выражении. 4) Вселенная – о таком Космосе-Мироздании в Универсуме, что созидает и поддерживает наше действительное здесь и сейчас бытие. Мыслимая же вероятность не вмещения нас Универсумом есть знак мысли о зиянии (хаосе) антропного бытия в нем, обезчеловеченный образ Вселенной, отторгаемая, отторгнутая или исторгнутая неким Космосом наша же «космичность», равнозначная немощи нашей же космичности и/или человечности.

Любое мировоззренческое знание есть знание о том, как быть и/или как не быть в Мироздании. Это знание об антропной Вселенной – Мироздании с нашим действительным существованием и возможностями как существования, так и не существования в нем. В совокупности своей это общечеловеческое нелинейное знание – выражение нелинейного био- социо- антропо- космического опыта рода *Homo sapiens*. Вслед за акад. АН СССР и РАН Н.Н. Моисеевым полагаем верным: в науке остаются действительно фундаментальными 3-и взаимно сопряженные проблемы: 1) «антропного космологического принципа», 2) генезиса «живого вещества», 3) многообразия и нелинейности «внутреннего мира» людей, способного ниспадать до модуса «ошибки Природы» [12, с. 37-38]. Если вдуматься в их сопряженность, то можно увидеть идущую от начала рода *Homo sapiens* попытку ответа на сложный вопрос о том, как и зачем есть собственно человеческая жизнь и в каком статусе в Универсуме она есть и возможна. Эта попытка – разработка знания того, каковы гра-

нические условия, за пределами которых действительность человеческого в Мироздании прекращается за ее невозможностью. И человеческий род, каждый его представитель существуют реально в биосфере планеты Земля, иначе – в области фантазий, ряд представлений которых уводит от реального понимания жизни в область нулевых понятий и построенных из них рассуждений. Возможно, земная биосфера есть одна из областей предполагаемой некоторыми «космической биосферы». Это проблема множественности «миров» с живыми, одушевленными и одухотворенными существами. Но, вне зависимости от того, «оживлен» ли Универсум только представителями земной биосферы или же и иными «живыми существами», человек, как явно живое, должен исходить из «категориального, характера понятия жизни, т. е. коренного и, во всяком случае, не выводимого из наивных моделей механики факта жизни, но наоборот их порождающего» [17, с. 352]. Поэтому фундаментален подход акад. Российской Императорской АН и АН СССР В.И. Вернадского к решению проблемы генезиса «живого вещества», как процесса космического характера и масштаба. Причем, следует отдавать себе отчет в том, что даже обнаружение нами «реального абиогенеза» не отменит ни принципа Ф. Реди («все живое от живого»), ни принципа Х. Гюйгенса («жизнь – явление космических масштабов»), ни принципа П. Кюри («диссимметрическому следствию всегда отвечает диссимметрическая причина»). Не отменит потому, что это будет не безучастное, но соучастное обнаружение представителями рода *Homo sapiens* такового абиогенеза. Т. е. обнаружение актуально живыми разумными сущими с неизбежной диссимметрией вмещающего их пространства-времени и с разумом, который – «сила космических масштабов». В системе такого «обнаружения» род *Homo sapiens* «входит» в кондициональную причину абиогенеза. Это можно счесть парадоксом, но это естественное (на уровне людей – проявляемое в качестве разумного) устремление самого «живого вещества», относительно «разумной» формой которого мы и являемся.

Полагаем: глобальная динамика живого – быть средоточием космического «вихря», созидающе-воссозидającego Вселенную (или Ансамбль

Вселенных), вмещающую живые существа. На это обращал особое внимание Вернадский, писавший (в связи с автотрофностью, как «одной из загадок жизни»): «Стоит перед мыслью красивый образ Кювье о «жизненном вихре» (*tourbillon vital*) (Отражение картезианства)? – о его причине. Надо идти смело в новую область, не боясь того, что уже в мои годы кажется это поздним. Жизнь – миг, и я, живя мыслью, странным образом живу чем-то вечным» [1, с. 192]. Итак, красивый образ «жизненного вихря – *tourbillon vital*, который Кювье так правильно счел за самое характерное проявление жизни» [2, с. 62], идущий, с точки зрения Вернадского, через контрмеханицистов XVIII – XIX вв.: И. Гете и Ж. Кювье, думавших «о живом организме как о центре вихревых движений молекул из окружающей среды в организм и из организма в окружающую среду» [4, с. 17, 194]. Образ, четко связанный у Вернадского с проблемой «космической вечности жизни», с возможностью полагать, что жизнь «в какой-то степени и в какой-то форме отражает явления большого масштаба, явления космических пространств, столь же глубокие и вечные, какими для нас являются атомы, энергия и материя, геометрически выявившие пространство-время» [3, с. 150]. Вихря корпускулярно-волнового, вихря энергии и вещества, вихря организменно, например, соорганизуемого: «Жизненный вихрь, постоянно поглощающий атомы материи, частью их удерживающий, частью выделяющий, частью только проводящий их через себя, частью заменяющий одними атомами другие, – такой же вихрь он образует и для явлений энергии. Это представление, впервые, кажется, высказанное Пастером, прекрасно определяет влияние организмов на земные энергетические процессы» [2, с. 96]. Вихря, надо полагать, не замкнутого только «живым веществом», но имеющего место и в некоторой части «вещества косного», т. е. вихря универсальной извечной негэнтропии в силу глобальной извечной неоднородности Универсума? Это может быть рационально принято постольку, поскольку не только актуально живые, но и косные (они, беря во внимание идею дополнительности Н. Бора, дополняют друг друга) и именно «вихревые» образования – собственно те динамические организованные (упорядоченные) структуры, что свидетельствуют об ограниченности «томсоновской» картины мира. Ведь такие структуры

реально генерируемы в силу неоднородности среды («из хаотического (теплого) движения»): например, как мы знаем сейчас, атмосферные смерчи возникают «некомпенсируемым образом за счет тепловой энергии» [19, с. 28, 49]. Но, с другой стороны, не только иной «хаос порождает порядок», но и порой порядок есть «порядок» недиалектического снятия, гибели живого и разумного в угоду косному и безмысленному.

Отнюдь не безразлично для реальных последствий научного и мировоззренческого творчества то, какая теоретико-доктринальная установка имеется во внутреннем мире конкретного лица: универсалистско-антифиналистская или феноменалистско-финалистская [14]. Осведомленному в собственном и чужом мировоззрении человеку необходимо выбирать, что он считает истинным. 1) Тезис, выявленный Анаксимандром еще на заре мировой науки и философии? О том, что в частности люди, будучи по существу своему всего лишь одним из родов существ в составе не имеющего исключения множества рожденных апейроном, потому заведомо злых, хищных в отношении ко всему, вещей, которые в силу «правозаконного возмещения неправды [= ущерба] в назначенный срок времени» неотвратимо, роковым образом расплатятся всеобщей гибелью [18, с. 127], и о том, что в целом Универсум есть некая тотальная сверх-жизнь в виде апейрона = беспредельное, производящее наш мир или миры (с его (их) живым и неживым веществом), который (которые), в конце концов оно же поглощает. 2) Контртезис? Согласно которому «населенный мир», например, антропная Вселенная, имеет возможность к бесконечно продолжительному (хотя бы и трансформативному, но самоидентичному) длению. Возможность вечного избегания омницида. Тезис жизнеутверждающий. Явно идущий на Востоке от, например, даосов (предвосхитивших научную синергетику). На Западе – от Анаксагора, учившего о вечном, безначальном и бесконечном процессе организации Космоса, населенного живыми и в их числе разумными существами. Процессе, осуществляемом Нусом в отношении хаотичной («гомеомерии») материи Универсума. Процессе, в котором субстратно представленный гомеомериями Мир в своей «космической эволюции», «вечной как в плане своих «истоков»,

так и в плане своей длительности), «стремится к своей «ноофикации» ..., но это для него запредельный рубеж» [5, с. 106, 109].

Исходя из вышесказанного, считаем: нелинейность общечеловеческого знания и опыта проявляема древнейшей дилеммой, лежащей в основе мировоззренческих движений мысли и выражающей объективную космическую диалектику «духа» [16]. Либо мы признаем законность омницида, например, через уподобление действительности рода *Homo sapiens* некой «болезни» Универсума, от которой «избавление» неизбежно или желательно. Либо признаем только что означенное признание омницидальной мировоззренческой зачарованностью или патологией, способной провоцировать гибель рода или гибель биосфер. Значит, как в свое время отмечали А. Швейцер и Л.Н. Гумилев, в мировой истории борются два базовых типа воззрений на мир – жизнеутверждающий и жизнеотрицающий. Последний, как подметил Гумилев, в качестве базы имеет ложь, конъюнктивирование противоречащего, что ведет к ментальным, социальным и биогеоэкологическим деструкциям [6, с. 471-506]. Этот тип – контрверза аттрактивности, а последняя – необходимое условие собственно научно-нравственного отношения к действительности. Аттрактивность связана с реальной личной и общественной борьбой с энтропией, что и объясняет когерентность подлинных научных устремлений со стратегией живого в целом, что, по сути, и было зафиксировано в имени «ноосфера» Вернадским. И, помимо прочего, это значит и то, что есть как механизмы социокультурной самозащиты ноосферогенеза, так и механизмы паразитирования или разрушения его. На это указал акад. АН СССР и РАН В.В. Иванов, подметивший, что, зачастую, «высшие слои социальной иерархии» некоторых обществ, «а сейчас ... высшие слои общества в США», являясь носителями и распространителями «разного рода оккультных представлений», есть разнообразно оформленные контрагенты ноосферных процессов [9, с. 96-97]. Он же акцентировал архаический и опасный характер антиноосферных представлений и идей, которые, на наш взгляд, с необходимостью (в силу их жизнеотрицающей сути) укоренены в образе Универсума как якобы «изначально-конечного»

однообразия, энтропии. В видении, очевидном, явном, например, в «патетических» (антропоморфных) паралогизмах. Но чаще – в виде таковых же по когнитивному истоку софизмах, преследующих далеко идущие цели манипуляции, кабалы сознания, значит, намеренного наведения энтропии. Убедиться в этом можно, если отследить базовые структуры осмысления Универсума в связи с возможностями рода Homo sapiens, вписываемыми в это абсолютное смысловое поле людьми с несовместимыми внутренними мирами. При этом следует держать в уме, что работа человеческого мозга и сознания есть негэнтропийное явление (в том случае, если это работа с саморазвитием) [10, с. 173]. Однако, эта работа может быть как в энтропийном векторе использования превращений вещества, энергии, информации, так и в векторе противоположном. И, как доказал В.А. Лефевр, «формальные схемы ментальных феноменов совпадают с формальными схемами некоторых термодинамических процессов», энтропийному вектору отвечает «нисходящая рефлексия», негэнтропийному – «восходящая», причем, в 1-ом случае «если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение это борьба с тепловой смертью», во 2-ом – «предназначение человека ... приближать тепловую смерть», т. е. однообразии, энтропию мира [11, с. 228, 244-246, 290]. Заменяя «жизнь» / «смерть» (без разницы) термином «однообразие» можем видеть, как несовместимы в истинностном выявлении: 1) его тотальное приятие в отношении мира в целом (в связи с жизнеотрицанием), 2) его лишь локальное приятие (в связи с жизнеутверждением). В 1-ом случае (мысля Универсум «когда-либо»: «в начале» ли, «в конце» ли, и т. п. единообразно «живым» или же тотально «мертвым»), мы, volens nolens, используем тождественно-ложную форму: $((\alpha \equiv \emptyset \alpha) \equiv (\alpha \dot{\cup} \emptyset \alpha)) \equiv (\emptyset \alpha \dot{\cup} \emptyset \emptyset \alpha)$ (как при материальной эквиваленции, так и при ее замене релевантной импликацией). Во 2-ом – в принципе тождественно-истинную: $\alpha \dot{\cup} (((\alpha \dot{\cup} \emptyset \alpha) \dot{\cup} (\alpha \dot{\cup} \emptyset \alpha))) \dot{\cup} (\emptyset \alpha \dot{\cup} \emptyset \emptyset \alpha)$ (как при материальной, так и при релевантной импликации). 1-я энтропийна и, находясь в основе конкретного мышления, знания и опыта, дает соответствующие результаты, вторая – противоположна. А какова основа – таковы и последствия.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Дневники, 1917 – 1921: (Окт. 1917 – янв. 1920). К.: Наукова думка, 1994. 270 с.
2. Вернадский В.И. Живое вещество. – М.: Наука, 1978. 358 с.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М.: Наука. 1965. 374 с.
5. Визгин В.П. Идея множественности миров: Очерки истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 560 с.
7. Девис П. Случайная Вселенная. – М.: Мир, 1985. 159 с.
8. Дервянко А.П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования Homo sapiens: лекция памяти проф. Х. Мовиуса, прочитанная в Гарвардском ун-те. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 132 с.
9. Ива́нов В.В. Наука о человеке: Введение в современную антропологию: курс лекций. М.: Изд-во РГГУ, 2004. 194 с.
10. Кобозев Н.И. Исследования в области термодинамики мышления. М.: Изд-во МГУ, 1971. 196 с.
11. Лефевр В.А. Рефлексия. М.: «Когито-Центр», 2003. 496 с.
12. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 32-45.
13. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 408 с.
14. Скачков А.С. Антропология и Универсум // Антропологические конфигурации современной философии: Матер. науч. конф. (3-4 декабря 2004 г.). М.: Современные тетради, 2004. С. 229-231.
15. Скачков А.С. «Космическая ответственность духа»: субъекты и типы рефлексии Универсума // Полигнозис. № 1(41). 2011. С. 69-75.
16. Скачков А.С. О космической диалектике «духа» // Ильенковские чтения. Ильенков и диалектическая традиция в философии: Матер. 10-й Междунар. науч. конф. Москва, апрель, 2008 г. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 469-470.

17. Флоренский П.А. [Письмо В.И. Вернадскому] // В.И. Вернадский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 351-354.
18. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 127.
19. Хайтун С.Д. Мои идеи. М.: Аграф. 1998. 240 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Чолоян А.В., Щека Н.Ю.

Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия

Статья посвящена анализу теоретических аспектов корпоративной социальной работы в общем и характеристике ее отдельных элементов. Показано, какую роль играет корпоративная социальная работа в развитии организаций, и благодаря каким условиям можно достичь более высоких результатов. Выявлено место и роль корпоративной социальной работы в развитие современного общества.

Ключевые слова: корпоративная социальная работа; элементы корпоративной социальной работы; организация; предприятие; социальное государство; социальная политика; социальная ответственность.

THEORETICAL ASPECTS OF ANALYSIS OF CORPORATE SOCIAL CARE

Choloyan A.V., Shcheka N.U.

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

The article is devoted to the analysis of corporate work's theory of social care it's crucial elements. It demonstrates which role corporate social care

has in organization development and due to what conditions it's possible to achieve the best results. It is also founded out which place corporate social care in development of modern society takes.

Keywords: *corporate social care; element's corporate social care; organization; institution; social government; social politics; social responsibility.*

На данный момент развития общества одними из актуальных категорий методологического аппарата социальных наук являются такие понятия как корпорация, ответственность, социальное государство, социальная политика, социальная работа и т.д. Вследствие чего, институциональным явлением социальной сферы становится корпоративная социальная работа, рассматриваемая как важнейший механизм эффективной деятельности учреждений и организаций.

Изучив большое количество литературы, можно дать наиболее актуальное понятие корпоративной социальной работы. Это концепция социальной работы, в соответствии с которой организации учитывают интересы личности, вследствие чего берут на себя ответственность за влияние их деятельности на работников, заказчиков, поставщиков, акционеров, местные сообщества и прочие заинтересованные стороны общественной сферы. Корпоративная социальная работа предполагает, что учреждения самостоятельно и добровольно принимают дополнительные меры для повышения качества жизни своих работников и их семей, а также местного сообщества и общества в целом. Соответственно, эта деятельность выходит за рамки установленных законом норм соблюдения законодательства.

Из определения корпоративной социальной работы следует, что категориально и содержательно оно тесно связано с такими понятиями, как социальная политика предприятия и социальная ответственность предприятия. Понятие социальной политики предприятия является более широким, в связи с чем было бы целесообразно раскрыть сущность этого явления.

В деятельности предприятия общие установки корпоративной социальной политики применяются к специфическим условиям трудового коллектива отдельного предприятия.

Социальная политика предприятия, как и корпоративная социальная работа, оказывает большое внимание на формирование мотивации работников, повышение их самовыражения в трудовой деятельности. Для этих целей на предприятиях реализуются основные и дополнительные льготы и гарантии в рамках социальной защиты работников. Предоставление этих льгот и услуг социального характера проводится либо по инициативе администрации, которая реализует принципы социальной кадровой политики, либо в результате тарифных соглашений между администрацией и советом трудового коллектива (профкомом), как выразителем интересов работников.

Корпоративная социальная политика заключается в реализации мер социального характера (решение социальных проблем, удовлетворение социальных потребностей, социальной защите работников и т.д.), а также направлена на социальную защиту и социальное развитие своих сотрудников, улучшение их благосостояния и качества жизни.

Соответственно, корпоративная социальная работа – это особый вид деятельности, который направлен на удовлетворение социальных и личностных интересов и потребностей людей, а также создание условий, содействующих восстановлению, улучшению способностей людей к социальному функционированию, мотивации к высоким результатам трудовой деятельности.

Системно-структурная составляющая корпоративной социальной работы позволяет выделить следующие основные элементы.

Объектом корпоративной социальной работы является непосредственно штат компании, а именно та часть персонала, которая нуждается в помощи со стороны. Также объектами корпоративной социальной работы могут выступать клиенты, заказчики или общество в целом.

Субъектами корпоративной социальной работы могут выступать: группа лиц, занимающих вышестоящие должности, которые принимают решение по вопросам помощи, обращающихся к ним людей, а также профсоюзы, которые обычно присутствуют на каждом предприятии.

Одним из наиболее важных элементов корпоративной социальной работы будет являться **социальная инфраструктура** предприятия, которая

представляет собой комплекс объектов, предназначенных для жизнеобеспечения работников и членов их семей, удовлетворения социально-бытовых, интеллектуальных и культурных потребностей. К характеристике потенциала предприятия можно отнести такие категории как: размеры и территориальное расположение, численность штата и характер ведущих профессий, профиль производства и объемы выпускаемой продукции, финансовое положение и т.д. Забота о социальной инфраструктуре является важнейшим требованием к управлению социальным развитием.

К структуре корпоративной социальной работы необходимо отнести и такой элемент как *коллектив* предприятия. Нормальная атмосфера отношений в коллективе дает возможность сотруднику чувствовать себя ее частицей, поддерживает его интерес к работе и необходимый психологический настрой. Социально-психологический климат, как элемент корпоративной социальной работы, проявляется в трудовой мотивации, межличностных и групповых связях работников. Тяжело не согласится с тем фактом, что для многих граждан, находящихся в поисках работы, очень важным критерием при выборе нового рабочего места является коллектив, то есть атмосфера, в которой человек будет проводить большую часть своих будней, от которой зависит состояние сотрудника, а именно его настроение, деловой настрой, работоспособность.

Одним из главных элементов корпоративной социальной работы является *заработная плата*. Оплата труда должна основываться на социальном минимуме. Соответственно это, что необходимо для поддержания достойного уровня жизни, получения работником средств существования не только для себя, но и для своей семьи. Показатель объема благ, получаемых семьей в течение определенного времени в расчете на одного человека является баланс расходной и доходной частей бюджета. Доход и соответствующие расходы отражают степень семейного достатка, качество и уровень жизни в целом. Можно утверждать, чем достойнее будет материальное вознаграждение, тем больше сотрудник будет мотивирован на достижение лучших результатов в своей трудовой деятельности.

Следующим компонентом структуры корпоративной социальной работы является **социальная защита работников** организации, которая заключается в проведении мероприятий по социальному страхованию и соблюдении других социальных гарантий, установленных действующим законодательством, коллективным договором и иными правовыми актами. Система социальной защиты, как один из важнейших элементов корпоративной социальной работы, должна страховать работников от риска болезни, утраты трудоспособности или безработицы, так как штат компании должен быть уверен в надежной защите своих трудовых прав и привилегий.

Заключительным элементом корпоративной социальной работы, но не менее важным, чем все остальные, будет являться **условия работы и охрана труда**, которые дают возможность сформировать определенный статус о социальной политике организации. Внимание к людям, забота об улучшении условий и охраны их труда как механизм защиты личности приносят заметную отдачу, повышают деловой настрой, улучшают психологический климат. Условия и охрана труда сотрудников является одним из главных направлений в корпоративной социальной работе и на этом аспекте любое предприятие должно акцентировать как можно больше внимания, так как от этого зависит здоровье, благосостояние и настрой работников, соответственно и результат их трудовой деятельности.

В любой компании забота о своих сотрудниках является свидетельством развитой корпоративной культуры, что свидетельствует о положительной либо отрицательной репутации компании в глазах делового сообщества. Заботясь о социальной защите персонала, компании решают сразу несколько задач: с одной стороны, социальный пакет, в который входят различные виды страхования и различные дополнительные выплаты, которые являются средством мотивирования сотрудников на достижение необходимых компании результатов; с другой, он помогает оптимизировать затраты на социальную защиту персонала и повысить производительность труда.

Можно утверждать, что корпоративная социальная работа – это одно из главных направлений деятельности организации по улучшению качества жизни своих сотрудников, цель которой не столько быть лучше других организаций, сколько не потерять свои позиции перед своим штатом. То есть становится лучше из года в год, расширять сеть социальных программ для своих сотрудников, иметь возможность помогать им в трудных жизненных состояниях, а также быть в курсе всех инноваций в корпоративной социальной политике и корпоративной социальной работе предприятия. Основное назначение корпоративной социальной работы состоит в том, чтобы создать условия, при которых человек имел бы возможность самореализации своих сил, потенциала, энергии. Жизнь, быт, благополучие и функционирование современного человека в значительной степени зависят от материального положения, уровня решенности социальных проблем.

Обобщив вышесказанное можно сделать вывод, что корпоративная социальная работа на предприятии мотивирует персонал, а статус компании зависит от достигнутых результатов. Поэтому можно утверждать, для того чтобы намеченные результаты стали действительными, нужно мотивировать людей, которые участвуют в реализации целей компании, то есть штат предприятия. Правильно выбранная стратегия корпоративной социальной работы даст возможность предприятию повысить свой рейтинг и статус в обществе.

Таким образом, структура и содержание корпоративной социальной работы позволяет сделать вывод, что – это философия развития компании и достижения бизнесом успеха путями, которые основаны на этических нормах и уважении к людям, сообществам, окружающей среде. В целом, она является свободным выбором компании в пользу обязательства повышать благосостояние общества, реализуя соответствующие подходы к повышению уровня социальной защищенности граждан. Но для повышения статуса предприятия и достижения более высоких результатов, организация должна понимать степень важности корпоративной социальной работы на предприятии и отдавать ей одну из первых мест в своей деятельности.

Список литературы

1. Алексеенко Н.А., Гурова И.Н. Экономика промышленного предприятия. Минск «Издательство Гревцова», 2009.
2. Волгин Н. А. Социальная политика. М.: ЭКЗАМЕН, 2009.
3. Долгорукова И.В. Основные теоретические подходы к анализу корпоративной социальной политики предприятий // Сборник научных трудов по итогам IX Международного социально-педагогического конгресса. М.: Издательство РГСУ, 2010.
4. Клефт Б. Как мотивировать людей. СПб.: Издательский дом «Нева», 2008.
5. Московская А.А. Рынок как фактор возрождения предоставления социальных льгот и услуг работникам промышленных предприятий // Журнал исследований социальной политики. Спб.: Нева, 2009.
6. Панова Л.В. Социальный корпоративный пакет. М.: Логос, 2008.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

ИРОНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Заврумов З.А.

ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», Пятигорск, Россия

В статье рассматривается когнитивно-прагматический потенциал прецедентности в сфере изучения иронического дискурса и текста. Эффективное восприятие и интерпретация иронии становятся возможными благодаря прецедентным знаниям в широком смысле, которые способствуют реализации интертекстуальных связей. Определение статуса иронии в национальной картине мира, выявление её признаков в рамках лингвокультуры позволяют описать лингвистический механизм иронии и её функциональную специфику. Конкретная коммуникативно-прагматическая ситуация расширяет коннотации и актуализирует лингвокультурные признаки иронического дискурса и текста, что позволяет сделать значимые выводы об импликационале иронии. Ирония трактуется автором статьи как многоуровневый лингвокультурный и когнитивный феномен.

Ключевые слова: *дискурс; ирония; прецедентный феномен; имплицитивность; прагматика; текст.*

IRONY IN THE ART TEXT: COGNITIVE AND PRAGMATICAL POTENTIAL OF A PRETSEDENTNOST

Zavrumov Z.A.

Pyatigorsk state linguistic university, Pyatigorsk, Russia

In article the cognitive and pragmatical potential of a pretsedentnost in the sphere of studying of an ironical discourse and the text is considered. The effective perception and interpretation of irony become possible thanks to case knowledge in a broad sense which realization the intertekstualnykh of communications promotes. Definition of the status of irony in a national picture of the world, identification of its signs within a lingvokultura allow to describe the linguistic mechanism of irony and its functional specifics. The concrete communicative and pragmatical situation expands connotations and staticizes lingvokulturny signs of an ironical discourse and the text that allows to draw significant conclusions on the implikatsional of irony. The irony is treated by the author of article as multilevel lingvokulturny and a cognitive phenomenon.

Keywords: *discourse; irony; case phenomenon; implikativnost; pragmatics; text.*

Актуальность изучения феномена иронии, несмотря на его длительное историческое развитие, не вызывает сомнений. Так, насущна потребность установления некоего набора лексико-семантических и сверхфразовых средств реализации иронии в художественных текстах. Иронический эффект возникает только при наличии у продуцента и реципиента конкретного текста необходимых культурных и лингвистических компетенций.

Формирование и реализация иронии отчасти детерминированы закономерностями функционирования комического, которое воплощается

посредством гротеска, парадокса, пародии, однако наиболее значимыми оказывается наличие у продуцента иронического дискурса юмора, остроумия, склонности к насмешке. Иронический импликационал более обширен, чем у других форм комического: подтекстовая критика объекта манифестирована в микро- и макроконтексте. Иронический акт считается успешным, если реципиент способен распознать негативную оценку объекта иронии, его атрибутов и действий. Субъект иронии всегда дистанцирован от предмета изображения для демонстрации своего превосходства. Ирония – наиболее интеллектуальный вид комического, что подтверждается низким уровнем негативности вызываемых ею эмоций. Прагматика иронии реализуется в её интерпретации, в том числе, и с помощью прецедентных феноменов. Отметим также, что импликативность иронии не препятствует осуществлению иронического эффекта как прагматического результата, который непосредственно обусловлен культурными компетенциями реципиента дискурса / текста.

Основной проблемой в этой исследовательской сфере остается установление формальных маркеров иронии, которые условно дифференцируются на вербальные (стилистические средства) и невербальные (фоновые знания реципиента, коммуникативная ситуация и пр.).

Реализация и корректная интерпретация иронии зачастую детерминирована сравнением, которое проводит реципиент иронического дискурса, с прецедентным текстом, прецедентным высказыванием как эталонами. Также иронический контекст различного объема может получать дополнительные коннотации и акцентировать лингвокультурные признаки дискурса в процессе его функционирования в координатах конкретной коммуникативно-прагматической ситуации. Особую значимость в этой связи приобретает в многоуровневом изучении иронии теория вертикального контекста [2]. Основная сложность состоит в том, что ирония не имеет присущих только ей языковых средств актуализации. Правомерно утверждение А. В. Кузнецовой: «Функционирование иронии в художественном тексте обусловлено игровой природой самого текста и художественного творчества в целом. Сложность феномена иронии влечет за

собой множественность его трактовки, однако, в целом она представляет собой самостоятельный вид авторской субъективности, отражающий специфику мировоззрения продуцента художественного текста. Такой подход подтверждается метатекстовыми характеристиками иронии: автор, избравший в своём творчестве именно такой ракурс организации художественного мира, следует ему на протяжении всего творческого пути» [6, с. 69].

Лингвистический механизм и особенности функционирования иронии в художественном тексте могут быть эффективно исследованы с позиций определения её статуса в рамках национальной картины мира, специфики конкретной лингвокультуры, что с необходимостью влечет за собой осмысление роли прецедентности в формировании иронии как лингвокультурного и когнитивного феномена.

Термин *прецедент / прецедентный текст* в отношении текстов был использован Ю. Н. Карауловым, определявшим эти феномены как тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216].

«Хрестоматийность» прецедентных текстов, по Ю. Н. Караулову, определяется их знанием любого представителя данной лингвокультуры либо посредством их чтения, либо «понаслышке». Знание таких текстов маркирует включенность языковой личности в лингвокультуру, а незнание указывает на внеположенность индивида по отношению к конкретному историческому периоду и его культуре либо недостаточной «погруженности» в неё. «Реинтерпретируемость» прецедентных текстов обуславливается их известностью, что, в свою очередь, позволяет реализовать как вербальный, так и невербальный способы их существования различными видами искусства: «Прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки-стереотипы, образ-

цы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществление языковой личностью переключения из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а, возможно, и обратно» [3, с. 220]. Набор прецедентных текстов в рамках конкретной культуры включает произведения национальной литературы, мировой классики, фольклор [3, с. 216-217].

Прецедентность текстов изменчива во времени: они могут быть неизвестны предшествующим / последующим поколениям представителей лингвокультуры, однако прецедентными в полном смысле они становятся тогда, когда они дискурсивно частотны и транслируют определенные ценности. Это позволяет Г.Г. Слышкину выделить микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие прецедентные тексты [7].

Корпус прецедентных текстов весьма значителен по своему объему: в него включены цитаты из поэтических и прозаических произведений, афоризмы известных личностей, фразы из кинофильмов и песен, лозунги и слоганы рекламы, анекдоты и библейские выражения и т.д. Функциональный потенциал прецедентных текстов позволяет ввести термин *прецедентное высказывание*. Концентрируя прецедентность всего текста, такие высказывания находятся в сильной позиции (инициальное / конечное предложение исходного текста), осуществляя текстовую редукцию – «свертывание» прецедентности текста до прецедентного высказывания. Сама по себе «сильная позиция» в тексте не представляет собой необходимое и достаточное условие для формирования прецедентности, т.к. высказывание должно эксплицировать в афористической форме универсальную истину [4, с. 74]. Дальнейшие исследования прецедентности позволили ввести термины прецедентное имя [1], прецедентный феномен и прецедентная ситуация [5].

В соответствии с выделяемыми современной лингвистикой уровнями языкового сознания (индивидуальное, коллективное, языковое сознание всего лингвокультурного сообщества и всего человечества) определяются и уровни прецедентности. Д. Б. Гудков и В. В. Красных предлагают типо-

логию прецедентов, включающую 1) социумно-прецедентные; 2) национально-прецедентные; 3) универсально-прецедентные. Социумно-прецедентные феномены известны любому представителю конкретного социума, не подвергаясь влиянию национальной культуры: таковы прецеденты, свойственные профессиональным сферам (юридическая, IT и пр.), либо генерационному социуму (люди пенсионного возраста, тинейджеры). Национально-прецедентные феномены, представленные в этнокогнитивном пространстве, напротив, имеют культурную маркированность, известны любому члену национальной лингвокультурной общности. Универсально-прецедентные феномены известны любому современному человеку в связи с глобализацией культуры [1, с. 25; 5, с. 96]. Д. Б. Гудков расширяет данную классификацию, дополняя её уровнем автопрецедентов, который «представляет собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды» [1, с.25].

Прецедентные феномены с позиций лингвистического изучения иронии интерпретируются, вслед за В. В. Красных, как: 1) когнитивно актуальные, что предполагает наличие представления, этнокультурно маркированного и обязательного для всех членов языкового сообщества, которое закреплено за этим феноменом; 2) реактуализируемые в дискурсе языковой личности, в том числе и потенциально [5, с. 51].

Традиционно выделение в рамках прецедентных феноменов вербальных (прецедентное имя, прецедентное высказывание) и вербализуемых (прецедентный текст, прецедентная ситуация). Под прецедентным именем понимается индивидуальное имя как сложный знак, обладающий набором дифференциальных признаков, которые составляют его структурно-семантическое ядро, системное по своему характеру. Эти признаки – «некие элементы, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации» [5, с. 63-64], они позволяют прецедентному имени осуществлять номи-

нативную функцию, формируя периферию его структуры. Прецедентное имя связано с прецедентным текстом / прецедентной ситуацией.

Прецедентное высказывание – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого, как правило, не равна его смыслу» [5, с. 53].

Для изучения лингвокультурного феномена иронии важно выявление когнитивного потенциала прецедентного текста, смысл которого может быть имплицитен, выражаясь коннотативно, либо эксплицитен, формируя функционально-семантические признаки высказывания. Именно с таких позиций приоритетным оказывается установление субъекта высказывания, его мотивации и целеполагания, а также маркирования в его иронических высказываниях аспектов аксиологической системы и мировосприятия в целом. Дифференцирование в рамках прецедентных высказываний групп в зависимости от наличия / отсутствия имплицитности / эксплицитности практически не влияет на наличие в них иронического смысла, если таковой является коммуникативно-прагматической целью автора либо, помимо его воли, возникает в рефлексивно-интерпретативной деятельности читателя.

Прецедентная ситуация обладает набором коннотаций, определяющих её эталонность, «идеальность». Дискурсивная апелляция к такой ситуации происходит посредством дифференциальных признаков, представленных в национальном когнитивном пространстве и структурированных особым образом для формирования инварианта её восприятия [5, с. 54]. Такой инвариант включает как знания об определенной ситуации, так и обобщение всего предшествующего вербального и невербального опыта лингвокультурного сообщества, в том числе его аксиологическую и мотивационную систему. Существенные / несущественные элементы дифференциальных признаков конкретной ситуации выделяются в ходе «национально детерминированного алгоритма» до маркирования эталонности этой и подобных ей ситуаций [5, с. 54-55].

В. В. Красных и Д. Б. Гудков трактуют прецедентный текст как полипредикативную единицу, «законченный и самодостаточный продукт

речемыслительной деятельности», в когнитивном пространстве лингвокультурного сообщества представленный инвариантом его восприятия. Известность любому члену такого сообщества и регулярная воспроизводимость в дискурсе составляют основные признаки прецедентного текста, актуализированного посредством ассоциированных с ним высказываний или символов. В свою очередь, символы репрезентированы в таком ракурсе заглавием, цитатами, именами автора и персонажей, что позволяет сделать апелляцию к такому тексту реинтерпретируемой, а «развертывание» прецедентного текста – осуществимым [3, с. 55].

Этнокультурная специфика маркируется в художественном тексте, в том числе, посредством прецедентных текстов, которые способны осуществлять текстообразующую функцию, эксплицировать характеристики конкретной эпохи и персонажей, важные для их корректной интерпретации. Прецедентный текст осуществляет символическую функцию, состоящую в замещении объекта, акцентирует авторские интенции, а также кульминацию в развитии действия. Для рецепции и интерпретации иронии обычно недостаточно анализа уровня текста: облигаторными становятся прецедентные знания, в том числе и социокультурного и литературного контекстов, обуславливающие реализацию интертекстуальных связей.

Список литературы

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
2. Гюббенет И.В. К вопросу о глобальном вертикальном контексте // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 97–102.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 340 с.
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. №1. С. 73–76.
5. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
6. Кузнецова Анна В. Языковая игра и ирония в лингвориторическом сценарии художественного текста // Лингвориторическая парадигма: теоретиче-

- ские и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 17 / Под ред. проф. А. А. Ворожбитовой. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. С. 62–70.
7. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРПРЕТИРОВАНИЯ И ДЕФИНИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИРОНИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Казиева А.М., Шевель Е.А.

ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорск, Россия

В статье рассматривается феномен понятия «ирония» в художественном тексте. Автор дает характеристику наиболее значимым аспекты изучения иронии. Именно ирония, по мнению автора, репрезентирует основные черты сознания современного человека, многообразно раскрывая их в художественных и философских произведениях XX-XXI вв.

Ключевые слова: языковая игра; ирония; интертекстуальность; когнитивная модель; художественный текст.

TENDENCIES OF INTERPRETATION AND DEFINIROVANIYE CONCEPTS «IRONY» OF THE ART TEXT

Kaziyeva A.M., Shevel E.A.

Pyatigorsk state linguistic university, Pyatigorsk, Russia

In article the phenomenon of the concept «irony» of the art text is considered. The author gives the characteristic to the most significant aspects of

studying of irony. The irony, according to the author, represents the main lines of consciousness of the modern person, is diverse opening them in art and philosophical works of the XX-XXI centuries.

Keywords: *language game; irony; intertekstualnost; cognitive model; art text.*

Психологический подход к осмыслению природы языковой игры представляется определяющим, поскольку помогает осмыслить авторскую интенцию. Игра, являясь одним из составляющих человеческой культуры, основывается в своем существовании на амбивалентной природе человеческого духа, психики: «Архетип духа может служить и добру, и злу, и это зависит от свободного выбора, т.е. сознания человека; добро может обратиться и во зло» [6, с. 336]. Игровая природа человеческого сознания реализуется в свободе выбора; его амбивалентность отражена, в частности, в высказывании «*Добро всегда побеждает зло*», в которой субъект и объект оказываются, на первый взгляд, немаркированными. Только логическое ударение (а, значит, интенция автора высказывания) помогает определить, что же здесь выступает субъектом. Полусы психической жизни приходят в состояние конфликта, который и становится глобальным для мировой литературы: именно тема «добро – зло» представляет собой одну из немногих вечных тем, наряду с темами «любовь – ненависть», «хаос – космос», «жизнь – смерть». Душа, существуя во взаимодействии противоположностей, обретает себя в создании произведений искусства, её амбивалентность – *первейшее* условие создания художественных текстов: «*Душа сама говорит о себе*» [6, с. 353].

Представляется, что одной из форм языковой игры в художественном тексте является ирония. Именно ирония репрезентирует основные черты сознания современного человека, многообразно раскрываясь в художественных и философских произведениях XX-XXI вв. Подчеркнем также, что ирония как особый способ мировосприятия определяет не только диалектику существования человека в мире, но и специфику рецепции художественного текста. Целесообразно в этой связи кратко охарактеризовать наиболее значимые аспекты изучения иронии.

Так, С. Кьеркегор, поставив в центр своей философской системы апологию субъективности, но не фиктеанской или романтической, а явившейся как исторически неизбежная форма развития человеческой личности, отстаивает право субъективности против чрезмерного, по Кьеркегору, гегелевского объективизма, и в этой связи подчеркивает: «Ирония возникает с появлением субъективности в мировой истории. *Ирония – это первое и наиболее абстрактное определение субъективности*» [4, с. 179]. Вполне объяснимым становится вменение еще Сократу растления юношества, и это обвинение напрямую связано с дистанцированием «я» от «не-я», которое для субъекта незабываемо и эмансипирует его от социума, и «по мере проявления субъективности заявляет о себе ирония» [4, с. 179]. Кьеркегор находит «золотую середину», заявляя: «Если и нужно предостеречь от иронии как от искусителя, то нужно и воздать ей хвалу как наставнику» [4, с. 196]. Обе репрезентации иронии, обозначенные Кьеркегором – искуситель и наставник – воплощаются в искусстве XX в.: ирония как искуситель – в модерне, как наставник – в постмодерне. Бесспорно одно: относительная целостность личности поддерживается способностью к иронии.

Термин *иронология* для обозначения совокупности концепций, в центр которых поставлено понятие иронии, появляется в 60-е – 80-е гг. XX века, на которые приходится время расцвета теории и художественной практики иронии. В период, когда западноевропейская и американская культурная элита теоретически осмысливала эпоху *пост* (постиндустриальное общество, постистория, постмодернизм и т.п.), в советской научной парадигме появляется классическая концепция иронии, не утратившая своей значимости, но на сегодняшний день весьма нуждающаяся в дополнениях и уточнениях. Большинство отечественных исследователей комического и смеха (В. Пропп, Л. Тимофеев, Ю. Боров, В. Шестаков, М. Бахтин, Д. Лихачев и др.) уделяют несравнимо большее внимание сатире и юмору, что, скорее всего, связано со спецификой русской культуры, как бы находящейся между абсолютной серьезностью христианской нравственно-этической парадигмы и языческой смеховой карнавальностью, которая тяготеет к более грубым, нежели ирония, формам комизма.

Очевидно, что русский менталитет, отраженный в художественной практике, в своем пафосе серьезен, что исключает иронию как таковую. Отечественная традиция сатиры скорее инвективна, нежели представляет собой одну из форм комического. Мы совершенно согласны с И. Н. Ивановой, утверждающей, что «даже цинизм, казалось бы, неизбежно предполагающий соответствующего типа иронию, в своей русской модификации почти всегда «серьезен», лишен того интеллектуального обаяния и изящества, которые может придавать ему ирония» [2, с. 45]. Исследователь, в частности, отсылает к персонажам «заветных сказок», с одной стороны, и к рефлектирующим циникам Достоевского, с другой. Отсутствие в русской советской иронологии апологетических концепций иронии во многом связано с тем, что в России практически нет развитой национальной культуры иронии (подобной, например, английской, французской, немецкой и даже американской традициям). Отсюда и негативное либо равнодушное отношение ученых к предмету исследования.

В эстетике постмодерна культурная рефлексия (а значит, и ирония) обращена ко всей предшествующей культуре, которая становится материалом для иронического цитирования (пастиш). Интертекстуальность постмодернизма во многом основывается на принципе иронии («нет ничего нового под солнцем»), техника коллажа является излюбленным композиционным приемом, в которой «поэтические строки, идеи, мотивы, символы и мифы всех времен и народов образуют причудливое псевдоединство» [2, с. 47].

Весь современный художественный дискурс настраивает и продуцента, и реципиента на «раскавычивание» чужих мыслей, что закономерно сказывается на общем характере мирового художественного процесса. Такое тяготение к интертекстуальности, к разного рода аллюзиям и реминисценциям наиболее отчетливо воплощено в текстах постмодернизма, и иронии здесь принадлежит не последнее место. Различные оттенки иронии, их «мерцание» во многом характеризует природу постмодернистского текста. Именно поэтому довольно сложно бывает определить, какой именно вид иронии становится основным для конкретного фрагмента, эпизода, фразы или произведения в целом. Релевантным признаком иронии является зави-

симость её от конкретного типа дискурса или кода, т.н. «двойное кодирование», «переключение регистров» (зачастую в пределах микроконтекста).

Ирония реализуется на двух основных уровнях – текстовом и интертекстуальном. Эксплицированная в языке, она «носит преимущественно текстовый характер, размер текста при этом не ограничен: от короткого восклицания до объемного романа» [1, с. 30]. Несомненно, изучение иронии не может носить узкоспециальный характер. Справедливо понимание лингвистического подхода к изучению иронии как к наследующему методологические принципы литературоведческого и философско-эстетического. Однако, именно лингвистические работы по проблематике иронии фактически обеспечивают терминологию литературоведения. «Лишь текстовый уровень (особенно если речь идет о художественном тексте) позволяет в полной мере выявить возможности иронии, включить ее в поле интертекстуальности и вернуть ей тот особый культурный статус, который делает невозможным чисто лингвистический подход к иронии. Более того, во многих случаях даже текстового уровня для восприятия иронии оказывается недостаточно: необходимы так называемые фоновые знания, интертекстуальные «столкновения» и соотнесения, знание литературного и культурного контекста» [2, с. 58].

В.И. Тюпа рассматривает иронию как один из *модусов художественности* – способов эстетического завершения художественного целого (в том числе литературного произведения). Модус художественности (термин введен Н. Фраем, 1957) – это «всеобъемлющая характеристика художественного целого. Это тот или иной строй эстетической завершенности, предполагающий не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но внутренне единую систему ценностей и соответствующую ей поэтику» [5, с. 55].

Именно в пределах изучения произведений, имеющих синкретичный характер (каковой является и философская сказка Ф. Искандера), данное разграничение приобретает экзистенциальный характер: «Ирония близка драматическому (а не комическому!) модусу художественности. Ироническая личность в той же степени, что и драматическая, нуждается в Другом

(других) и почти так же страдает от невозможности самореализации во «внешней данности». Но принципиальное отличие такой личности «состоит во внутренней непричастности ... внешнему бытию, превращаемому ироником в инертный материал собственного самоутверждения» [5, с. 75].

Таким образом, как феномен, охватывающий широкое понятийное поле, ирония предполагает несколько тенденций её интерпретирования и дефинирования. Ирония предстает как собственно изобразительно-выразительное средство (троп или фигура иронии); как способ полемики или ведения диалога (майевтика Сократа); рассматривается в качестве структурного принципа художественного произведения, эмоционально-ценностной ориентации человека, его жизненной установки; как средство самозащиты, компенсаторный механизм личности (психоаналитическая трактовка иронии); как онтологическая категория, раскрывающая аспекты онтологических сущностей.

«Ирония есть ощущение возможности иного контекста, других точек зрения, и пресловутая противоположность как формальный показатель иронии именно потому выступает в этом качестве, что ярче всего демонстрирует такую возможность, т.е. наличие иной системы координат, где некая сущность, утверждаемая первой системой в качестве ценности, перестает быть таковой. Ирония – знание (или как минимум подозрение) об относительности высказываемой истины» [2, с. 89-90].

Между литературной личностью (в терминологии Ю. Тынянова), особенностями воплощения содержания художественного произведения в его форме, и национальным характером невозможно установить прямые параллели, однако, глубинная аналогия между ними, бесспорно, существует: национальное начало представляет собой некий инвариантный компонент в структуре творческой личности, являясь продуктом длительного исторического развития: «Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [3, с. 42].

Даже в случае, когда писатель создает свои произведения не на родном языке либо он является билингом, этноспецифическое становится одним из важных факторов, формирующих его идиостиль.

Эстетическая игра в художественном тексте – это не только конкретные изобразительно-выразительные средства. Комбинируя фрагменты реального и воображаемого миров, автор ведет такую игру с читателем. Если между автором и читателем возникает контакт, то читатель оказывается вовлеченным в эту игру. Нравственная и эстетическая значимость художественного текста зачастую начинают предопределять сознание и формы существования человека, что используется литературой прямо и косвенно. Художественное произведение становится в той или иной степени «предупреждением», позволяя читателю «пережить в тексте» духовный опыт, не сталкиваясь напрямую с какими-то конкретными ситуациями. Обыденный язык, будучи постоянно употребляемым «инструментом», нивелирует образную природу слова, тогда как художественный дискурс намеренно культивирует способность языка создавать образы.

Список литературы

1. Ермакова О.П. Ирония и проблема лексической семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. № 61. № 4. С. 30-36.
2. Иванова И.Н. Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма (1890-1910 годы). Дисс. ... докт.филол.наук: 10.01.01. Ставрополь, 2006. 528 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 340 с.
4. Кьеркегор С. О понятии иронии // Логос. 1993. № 4. С. 176-198.
5. Тюпа В.И. Типы эстетического завершения // Теория литературы: учеб. Пособие для студентов филол. фак. Вузов: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т.1: Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Изд. Центр «Академия», 2004. С. 54-77.
6. Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев; М.: Порт-Рояль Совершенство, 1997. 400 с.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «Я» ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ И «Я» ПОЭТА

Кулышева О.М.

Нижевартовский государственный университет,
г. Нижевартовск, Российская Федерация

Проводится теоретический анализ литературоведческой проблемы соотношения реального «я» автора с «я» лирического героя поэзии. Делается вывод о том, что попытки исследователей творчества поэта судить о его личностных качествах по его творениям представляются не вполне оправданными. Лирика может считаться ярким примером отражения концепции К. Бальмонта и И. Анненского, согласно которой поэт в силу своего призвания и долга перед людьми выражает в своем творении окружающее – мир и людей, которые этот мир населяют, но не могут в силу разных причин самостоятельно выразить свое «я». В этом смысле «я» поэта, стремящееся к слиянию с общим «мы», к «растворению» в других, обретает обобщающую функцию, вследствие чего любое стихотворение поэта может быть отнесено к миру вообще как к своему создателю. Однако при этом «я» поэта не становится бесцветнее, а, напротив, восстанавливается рельефно в восприятии читателей во всей своей сущности и неразложимости.

Ключевые слова: *восприятие личности поэта; субъект и объект лирики; биографический метод; автобиографизм; концепция говорения за «немотствующих»; позиция «внеаходимости».*

THE PROBLEM OF CORRELATION “I” LYRICAL AND THE “I” OF THE POET

Kulysheva O.M.

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

A theoretical analysis of the problem of correlation of real literary “and” author with “I” lyrical poetry. The conclusion is that the research efforts of the

poet to judge his personal qualities of his creations are presented is not entirely justified. Lyrics can be regarded as a shining example of the reflection concept K. Balmont and Ann I., according to which the poet by virtue of their vocation and duty to the people expressed in their surrounding creation - the world and the people who inhabit this world, but can not for various reasons express their own "I". In this sense, the "I" of the poet, seeking to merge with a common "we" to the "dissolution" in the other, finds generalizing function, resulting in any poem, the poet can be attributed to all the world as its creator. However, the "I" of the poet becomes a colorless, but on the contrary, boldly restored in the perception of readers in all its essence and irresolvable.

Keywords: *the perception of the personality of the poet; the subject and object of the lyrics; biographical method; the auto-biographism concept of speaking for "dumb" position "outsidedness".*

Размышления о возможности восприятия личности поэта через его лирическое «я» неизменно приводят нас к проблеме соотношения реального «я» автора с «я» лирического героя поэзии. Традиция восприятия субъекта и объекта лирики как совпадающих была заявлена в трудах Г. Гегеля по эстетике: «В лирике ... удовлетворяется ... потребность – высказать себя и воспринять душу в этом ее самовыражении. <...> В лирическом выражает себя именно субъект... Подлинным содержанием становится здесь сама душа» [7, с. 494 – 495]. Налицо тенденция к естественному отождествлению вышеназванных «я» и стремлению перенести на автора черты образа героя. В создавшейся ситуации уместно поставить вопрос, имеет ли право критик, отыскивая в лирическом герое черты, характерные для фигуры автора, отождествлять лирического героя и его создателя, или между ними существуют столь глубокие и серьезные различия, что даже найденные родственные черты стоит воспринимать всего лишь как случайность, а не как закономерность?

На этот счет есть несколько точек зрения. Согласно одной точке зрения на образ лирического героя в поэзии, представленной, в частности, мнением Л.Я. Гинзбург, за лирическим героем, несомненно, закрепляется

право совмещать в себе двуединое начало: личного и общественного (так, у «позднего» Маяковского это личность и революция, бунт против правил в ранней поэзии автора), но ему (лирическому герою) более присущи личностная узнаваемость и *биографическая конкретность* [8, с. 405]. Он резко индивидуален, что отражается в стиховой системе, в которой он воплощен. Именно поэтому человек, хорошо знакомый с лирикой, легко различает неповторимое своеобразие лирики А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Ф. Тютчева, А. Блока и, конечно, такого оригинала, как В. Маяковский. Согласно этой точке зрения, лирика есть художественное отражение внутренней жизни поэта, его душевного состояния в тот или иной момент. На это в свое время указывал В.Г. Белинский, подчеркивавший, что в лирическом образе «личность поэта является на первом плане, и мы не иначе, как через нее, все воспринимаем и понимаем» [4, с. 7]. Согласно концепции основного эмоционального тона лирической поэзии, в совокупности лирических стихотворений поэта есть «сквозное» единство эмоционального тона, за которым всегда стоит мирозерцание самого – реального – художника как личности.

Согласно другой точке зрения, невозможно подобное отождествление потому, что большой охват действительности в личности лирического героя делает его обобщением переживаний людей целого социального пласта, поколения, а не зеркальным отражением личности автора. Образ лирического героя не идентичен образу автора, хотя и способен отражать в какой-то мере его личные переживания, связанные с его отношением к обществу, людям, но только относительно с общей идеей произведения. В рамках такого подхода всякое личное переживание становится фактом искусства лишь тогда, когда оно является художественно совершенным выражением чувств и мыслей, типичных для многих. Необходимость существования понятия «лирический герой» обуславливается целью «выявить тот круг обобщенных, типичных явлений общественного сознания, ... который стоит за личностью поэта» [9, с. 11]. Такого мнения придерживается и «Словарь литературоведческих терминов» Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева, в котором есть указание и на то, что лирический герой, в частности, поэт

зии Маяковского «необычайно разносторонне раскрывает внутренний мир передового человека социалистического общества, его общественно-политические, нравственные, эстетические идеалы» [12, с. 66–67].

Проблема соотношения авторского «я» с «я» лирического героя ставится Н.Л. Степановым [13]. Осуждая биографический метод в истолковании лирической поэзии и настаивая на необходимости дифференциации личности автора и его лирического «я» [13, с. 106], Н. Степанов, тем не менее, считает образ последнего «объективацией авторского сознания, осмыслением действительности под определенным углом зрения» [там же, с. 108]. Поэтому, хотя полное отождествление невозможно, лирический герой все же является носителем мировоззрения автора, выражением его отношения к действительности.

Признает «частичную представленность» автора в лирическом герое, хотя и выступает против автобиографизма, Б.О. Корман. В книге о лирике Некрасова (Лирика Некрасова. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1964) он рассматривает лирическое «я» как способ отражения и выражения действительности: «Лирическая поэзия как таковая изображает внешний мир постольку, поскольку он запечатлелся в душе человека, поскольку он сказался в самом строе душевной жизни, типе эмоций, форме чувств» [11, с. 107].

Мнения современных ученых, согласно которым лирическое «я» поэта может считаться отражением реально существовавшей личности постольку, поскольку в нем отражается под углом определенного мировоззрения окружающая поэта действительность, выражаются настроения людей, с которыми сталкивается поэт в мире, в своей основе восходят к литературоведческим работам начала XX века, в частности, к предисловию К.Д. Бальмонта ко 2-му изданию сборника «Горящие здания» и к статье И.Ф. Анненского «Бальмонт-лирик» (написана до ноября 1904 года).

Поясняя подзаголовок сборника «Горящие здания» – «Лирика современной души», – Бальмонт определял одним из основных предназначений поэта «говорить не только за себя, но и за многих, которые немوتствуют, не имея голоса, а иногда, имея его, но не желая говорить, немотствуют, но

чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я» [2, с. 570]. Бальмонт считал, что такое «говорение за других» не является тяжелой обязанностью, навязываемой себе поэтом, поскольку в душе его всегда есть место любви «к тому, что является теперь современностью» [там же]. Поэт раскрывает душу всему, что его окружает («Я никогда не закрывал своего слуха для голосов, звучащих из прошлого и неизбежного грядущего... спокойно отдаюсь тому потоку, который влечет к новым берегам» [там же]), поэтому в том, что исходит из-под его пера, всегда есть определяющая доля не принадлежащего ему *лично*.

Несмотря на то, что выводы, делаемые И. Анненским в статье «Бальмонт-лирик» касаются поэзии указанного автора, они могут быть применимы в отношении поэзии вообще. Продолжая мысль Бальмонта о том, что, выражая мир, «я» поэта как бы «растворяется» в нем, Анненский определял функцию автора в создании стиха всего лишь «тем, что сделало стих изысканно-красивым» [1, с. 301], то есть созданием *формы* для выражения мира. «Медленность же изысканной речи» уже «не вполне принадлежит» «я» поэта, так как это «ритм наших рек и майских закатов в степи» [там же, с. 302]. Более того, Анненский находит, что настоящий поэт настолько растворяет свое «я» в мире, что уже не может считаться полноправным создателем стиха: «*Стих не есть создание поэта*, он даже, если хотите, не принадлежит поэту... Это его связь с миром, его место в природе, может быть, его оправдание» [там же, с. 301]. Таким образом, с точки зрения Бальмонта и Анненского, выражая мир, поэт выполняет свое *естественное предназначение*, и говорить об автобиографизме «я» его лирического героя было бы прегрешением против природы поэтического творчества.

В защиту автономности личности автора и «я» его лирического героя высказывался также В. Брюсов в своих «Замечаниях, мыслях об искусстве, о литературе, о критиках, о самом себе» – «Miscellanea» («смесь», лат.). Он выступал с отповедью тем литературным критикам, которые любят характеризовать личность лирика по его стихам: «Непримиримые противоречия, в какие, с этой точки зрения, впадают поэты, мало смущают критиков. Они

стараются объяснить их «случайностями настроений» [6, с. 399]. Но «в каждом лирическом стихотворении, – возражал таким критикам Брюсов, – у истинного поэта новое «я». Лирик в своих созданиях говорит разными голосами, ... от имени *разных* лиц. Лирика почти то же, что драма, и как несправедливо Шекспиру приписывать чувства Макбета, так ошибочно заключать о ... воззрениях Бальмонта на основании такого-то его стихотворения» [там же]. В. Брюсов делал вывод о том, что нельзя судить об индивидуальности поэта на основе тех чувств и мыслей, которые он выражает в своих стихах. О ней можно делать выводы косвенно – по приемам его творчества, любимым образам, метафорам и рифмам. В заключение своих рассуждений Брюсов допускал мысль о том, что автор и герой могут совпадать, но только в том случае, если поэт плох: «Только поэт-педант сумеет избежать противоречий, только тот, кто не «творит», но *делает* свои стихи, будет в них постоянно верен одним и тем же взглядам» [там же].

М.М. Бахтин в статье «Автор и герой в эстетической деятельности» недоумевал по поводу того, что «самым обычным делом даже в серьезном ... историко-литературном труде является черпать биографический материал из произведений и, обратно, объяснять биографией данное произведение» [3, с. 11]. Бахтин считал недостаточными оправдания подобного соотнесения биографии и произведения совпадением фактов жизни героя и автора, а также выборками из произведения, «претендующими иметь какой-то смысл» [там же], и на основе этого заключал, что не может быть и речи о «собственно теоретическом» согласии автора и героя, ибо здесь отношения совершенно иного порядка. Отождествлять автора и героя для Бахтина значит игнорировать «принципиальную разнопланность целого героя и автора».

Основной позицией автора по отношению к лирическому герою Бахтин считал позицию так называемой «*внезаходимости*» [там же, с. 15]. Позиция эта позволяет автору не слиться со своим героем даже при большой степени представленности в нем, но, находясь отдельно от него и обладая *избытком видения*, *собрать* своего героя и восполнить его жизнь до целого теми моментами, которые самому герою недоступны: «полной

внешнего видения», отношением автора к описываемому [там же]. Однако ученый делает оговорку: «Позиция внеаходимости *завоевывается* / автором/, и часто борьба происходит не на жизнь, а на смерть, особенно там, где герой *автобиографичен*» [там же, с. 16]. В своей статье «Автор и герой в эстетической деятельности» учёный называет 3 типичных случая, когда происходит отклонение автора от позиции внеаходимости [там же, с. 16 – 21]. Первый связан с ситуацией, когда герой завладевает автором, третий включает в себя вариант, когда герой сам становится автором. Вторым же является случай, когда *автор завладевает героем*, вносит в его внутренний мир завершающие моменты, а отношение автора к герою становится отношением героя к себе. Таким образом, М. Бахтин все же допускает возможность судить об авторе по образу созданного им лирического героя. Речь идет о случае, когда автор вкладывает свои мысли в уста героя, считая их этически значимыми и достойными пропаганды. И хотя при этом авторская мысль все же перерабатывается для соответствия с относительно самостоятельным целым героя, в итоге вырабатывается образ героя, чувства и сознание которого «как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора» [там же, с. 14].

Вывод о том, что лирическое «я» находится как бы в «кольце» авторского, подтверждает мнение Н. Гумилева. Поэт и литературовед размышляет о том, какими чертами должно обладать настоящее стихотворение. «Что же надо, чтобы стихотворение жило, и не в банке со спиртом, как любопытный уродец, не полужизнью больного в креслах, но жизнью полной и могучей, – чтобы оно возбуждало любовь и ненависть?», – задает он вопрос в статье «Жизнь стиха» (1910) [10, с. 48]. Среди требований, применимых к настоящему стихотворению, помимо мысли и чувства, мягкости очертаний, четкости, простоты и утонченности называются такие черты стихотворения, которые, по мнению Гумилева, даже превыше всего указанного – *стиль и жест*. В *стиле*, по словам автора, «Бог показывается из своего творения» [там же], то есть поэт дает самого себя, позволяет «догадываться о цвете своих глаз, о форме своих рук», а под *жестом* Гумилев подразумевает «такую расстановку слов, подбор гласных и согласных звуков, ускорений и

замедлений ритма, что читающий невольно становится в позу его героя... и... испытывает то же, что сам поэт» [там же]. Таким образом, по мнению Н. Гумилева, поэт если и не выражает открыто своего «я» в лирическом герое, то все равно дает себя в творении; хоть неявно, через целую систему «подсказок» в текстовой ткани, но обнаруживает себя.

Мнения Н. Гумилева о том, что автор невольно, но реально *дает себя* в создаваемом произведении, придерживалась Н. Берберова. Она считала, что каждое слово в стихотворении, движение, решение, каприз вкуса или маскировка говорят обо *всем* человеку в его «тотальности»: «Выбор слова в стихотворении поэтом не только связан со всей поэмой, но и связан с тотальной личностью самого поэта» [5, с. 210]. С точки зрения Берберовой, даже такая мелочь, как выбор в пользу уменьшительного, ласкательного, уничижительного имени существительного, может сказать не только об экспрессивной окрашенности понятия (например, домик, ручонка, людишки), но и о том, *кто* это определение нам дает, и об отношении этого субъекта к данному предмету: «Человек – хочет он этого или не хочет – раскрывает себя во всем и в каждое мгновение своей жизни, но особенно это относится к поэтам. Каждая метафора, каждый символ нам дает не только знание того, что было «объективным коррелятом» (первосмыслом) поэта, но и знание *о самом* поэте» [там же].

Приведенные мнения В. Брюсова и (во многом) М. Бахтина служат примером отрицательного отношения критиков к попыткам отождествления «я» автора и «я» лирического героя. Подобное «сугубо-объективное» начало лирического «я» поэта К. Бальмонт и И. Анненский считали совершенно естественным состоянием творческой личности. Вследствие того, что сквозь призму своего «я» поэт выражает окружающих и окружающее, это «я» как бы «растворяется» в других и в мире. «Я отдаюсь мировому, и мир входит в меня», – писал Бальмонт [2, с. 571]. По мнению И. Анненского (и это мнение может быть вынесено за пределы только поэзии Бальмонта), «я» поэта в таком случае перестает принадлежать ему самому, становясь вместилищем «общего «я»», долг выразить которое для поэта превалирует над желанием «излить себя» в стихе. «Для людей, которые видят в поэ-

зии не пассивное самоуслаждение качанья на качелях, а ... форму красоты, ... я господина Бальмонта *не личное и не собирательное*, а прежде всего *наше я*, только созданное и выраженное Бальмонтом», – писал Анненский [1, с. 301]. Но это вовсе не значит, что поэт обедняет свое «я» подобным жертвованием личным в угоду общему. Напротив, «я» поэта становится несоизмеримо богаче: «Мне близки и звезды, и волны, и горы... Мне близки красивые и некрасивые... мне понятно и дорого все... Я знаю полную свободу» [2, с. 571]. Подобная тенденция стиха к слиянию с *другими* («стих влюблен ... в других, то есть он хочет слиться со всем, что с ним одноприродно» [1, с. 303]) не предполагает и потери авторским «я» своей оригинальности и автобиографизма. «Новая поэзия ... учит нас ... *синтезировать* поэтические впечатления», – писал Анненский [1, с. 306]. А это значит – учит думать над поэзией (чего так не любит обыватель), «отыскивать» в ставшем «нашим» «я» поэта собственно «я» поэта», «основной настрой души поэта» [там же]. Более того, восстановленное из «общего» личное «я» поэта явится в самой своей сути: «Интуитивно восстанавливаемое нами я будет не столько внешним, ... биографическим я писателя, сколько его истинным, неразложимым я» [там же].

На основе предпринятого анализа можно сделать следующий вывод. Попытки исследователей творчества того или иного поэта судить о его личностных качествах по его творениям представляются не вполне оправданными. Лирика может считаться ярким примером отражения концепции К. Бальмонта и И. Анненского, согласно которой поэт в силу своего призвания и долга перед людьми выражает в своем творении окружающее – мир и людей, которые этот мир населяют, но не могут в силу разных причин самостоятельно выразить свое «я». В этом смысле «я» поэта, стремящееся к слиянию с общим «мы», к «растворению» в других, обретает обобщающую функцию, вследствие чего любое стихотворение поэта может быть отнесено к миру вообще как к своему создателю. Однако при этом «я» поэта не становится проще и бесцветнее, а, напротив, восстанавливается рельефно в восприятии читателей во всей своей сущности и неразложимости. Так или иначе «Бог показывается из своего тво-

рения», то есть поэт – в стиле, жесте стихотворения, через целую систему «подсказок» в текстовой ткани – обнаруживает себя.

Список литературы

1. Анненский И.Ф. Бальмонт-лирик // Избранное / Сост., вступ. ст. и комм. И. Подольской; Ил.С. Михайлова. М.: Правда, 1987. С. 294–329.
2. Бальмонт К.Д. Предисловие ко 2-му изд-ю сб. «Горящие здания» // Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост., вступ. ст. и комм. Д.Г. Макогоненко. М.: Правда, 1991. С. 569–572.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // Собр. соч.: В 3-х т. / под общ. ред. Ф.М. Головенченко. М.: Гослитиздат, Образцовая тип., 1948. Т. 2. Статьи и рецензии. 1841–1845. С. 5–66.
5. Берберова Н.Н. / Неизвестная Берберова. Роман, стихи, статьи. СПб.: «Лимбус-пресс», 1998. 285 с.
6. Брюсов В. / В. Брюсов. Собр. соч.: В 7 т. / Под ред. П.Г. Антокольского. – М.: Художественная литература, 1975. Т. 6. Статьи и рецензии 1893 – 1924. Из кн. «Далекое и близкое». Miscellanea (Замечания, мысли об искусстве, о литературе, о критиках, о самом себе). 651 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Лирическая поэзия // Г.В.Ф. Гегель. Эстетика: В 4-х т. М.: Искусство, 1971. Т. 3. Лекции по эстетике. С. 492–537.
8. Гинзбург Л.Я. Поэзия действительности // О лирике. Изд-е 2-е, доп. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1974. С. 172–242.
9. Гончаров Б. Поэтика Маяковского. Лирический герой послеоктябрьской поэзии и пути его художественного утверждения. М.: Наука, 1983. 352 с.
10. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. 384 с.
11. Корман Б.О. Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1964. 390 с.
12. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-составители Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 510 с.
13. Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды. М.: Советский писатель, 1959. 414 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Бондаренко Т.Н.

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Технологический университет»,
г. Королёв, Московская область, Россия

Статья представляет собой исследование языкового феномена метафоры, в частности, исследование проявления метафоры в научно-технической литературе, установление её функции в данном стиле. Поскольку метафора используется в качестве источника для создания терминов, которые являются характерным признаком научно-технических текстов, в статье рассматриваются примеры метафоризации терминов.

Ключевые слова: *метафора; научно-технический текст; метафорический термин; функции метафор; терминологичность; коннотативная функция; номинативность.*

METAPHOR'S FUNCTIONS IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS

Bondarenko T.N.

State Educational Institution of Higher Education Moscow Region
«University of Technology», Korolev, Russian Federation

The article investigates metaphor in scientific and technical text as a linguistic phenomenon and its stylistic functions. Since metaphor serves as a

source to build terms describing features of such texts the article sees patterns of metaphorical terminology.

Keywords: *metaphor; scientific and technical text; metaphorical terminology; functions of metaphor; connotative functions; nominativity.*

В течение многих столетий метафора изучалась исключительно как троп, но с зарождением в XX веке когнитивной теории было установлено, что метафора пронизывает все сферы языковой деятельности человека, тесно связана с мышлением и познанием мира. В этой связи можно говорить о частотном и оправданном наличии метафор в текстах научно-технической направленности. В научной деятельности необходима способность человека сопоставлять различные объекты и явления между собой. На первый план в научном дискурсе выходит метафора в её познавательной, коннотативной и смыслообразующей функциях. Не менее важна и номинативная функция метафоры, которая делает возможным создание новых терминов путём метафоризации уже существующих слов.

Если понимать метафору как «один из способов выражения значения» [1, с. 376], то наличие метафоры в текстах научно-технической направленности обуславливается тем, что:

- Существует широкий пласт стёртых метафор, которые используются во всех сферах языковой деятельности человека, в том числе и в научно-технических текстах;
- В некоторых жанрах научно-технического стиля (лекции, учебник, статья в научно-популярном журнале) метафоры используются для привлечения внимания аудитории, для иллюстрации примеров, для обеспечения наилучшего понимания читателем предлагаемого материала;
- С помощью метафор можно перефразировать информацию в более сжатом виде, в том числе при создании терминов для обозначения понятий, которые обозначаются развёрнутым определением.

Терминологичность является общей чертой всех научных текстов [2, с. 424] Термины, образованные при помощи метафоризации, отличаются краткостью и проводят аналогию с уже знакомыми объектами, явлениями

и процессами. Они заключают в себе широкое поле уже известных смыслов. Это означает, что при знакомстве с метафорическим термином человек, даже не владеющий специальными знаниями, познаёт обозначаемый данным термином объект во всём многообразии его характеристик. В этом случае речь идёт о познавательной и смыслообразующей функции метафоры или, по определению Питера Ньюмарка, о коннотативной функции [3, с. 156]. Для подтверждения данного постулата был выполнен функциональный анализ метафор на материале научной статьи «Global Fire Monitoring», взятого с информационного портала НАСА «NASA Earth Observatory». Целью анализа является выявление случаев употребления метафоры в научно-техническом тексте. В ходе анализа статьи обнаруживается наличие в тексте целого ряда терминов, образованных метафоризацией.

Globally, fires may play an important role in climate change, emitting both greenhouse gases and smoke particles into the atmosphere.

Пожары оказывают влияние на климат всей планеты. Продуктами горения органического вещества являются парниковые газы и сажистые частицы.

Для перевода данного метафорического термина был использован приём калькирования, поскольку имеет место совпадение метафор в русском и английском языке.

Другим примером употребления метафорического термина может служить следующее предложение:

Different satellites provide observation and measurement capabilities for monitoring different fire characteristics: areas that are dry and susceptible to wildfire outbreak, actively flaming and smoldering fires, burned area, and smoke and trace gas emissions.

Различные спутники представляют возможности для наблюдения, измерения и контроля над пожарами. Объектами исследования могут быть сухие участки, восприимчивые к стихийным пожарам, активно плающие и тлеющие пожары, выжженные территории, дым и выбросы газобразных веществ.

Примером смыслообразующей и коннотативной функций метафоры служат следующие предложения:

Unlike “good” ozone in the stratosphere (upper atmosphere) that acts as a shield to screen out the sun’s harmful ultraviolet rays, ozone in the troposphere is a pollutant that, when breathed, damages lung tissue and is also harmful to plants.

В отличие от «хорошего» озона стратосферы (верхних слоёв атмосферы), который является щитом, отражающим вредные ультрафиолетовые излучения Солнца, озон в тропосфере – это загрязнитель. При вдохе повреждается ткань лёгких. Кроме того, такой озон вреден для растений.

Greenhouse gases – such as carbon dioxide, methane, and nitrous oxide – are mostly “transparent” to incoming solar radiation; that is, they rarely interact with sunlight.

Парниковые газы – такие, как углекислый газ, метан и закись азота – главным образом «прозрачны» для поступающей солнечной радиации. Это означает, что они редко взаимодействуют с солнечным светом.

Смыслообразующая функция обнаруживается и в примере:

Over the long term, does fire render the boreal ecosystem a “source” or “sink” of carbon?

Какую же роль играют северные леса? Являются ли они источником или «хранилищем» углеводорода?

Анализ текста подтвердил тот факт, метафоры в научно-техническом тексте выполняют самые различные функции. Помимо номинативной функции – основной функции терминов, встречаются также познавательная, смыслообразующая, коннотативная. В целом очевидным является то, что существование метафор в научно-технической литературе является положительным явлением, служащим различным целям вопреки распространённому мнению об абсолютной безобразности научного текста.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. «Язык и мир человека», М. : «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Гальперин И.Р. «Очерки по стилистике английского языка», М., 1958. 459 с.
3. Шикалов С.В. «Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка», М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 156-162 (Вестник МГЛУ; вып. 9 (589). Сер. Языкознание).

КОСВЕННЫЙ ЭКСПРЕССИВНЫЙ АКТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Головинова П.А., Кудряшов И.А.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Косвенные экспрессивные речевые акты фиксируют аксиологические стереотипы, которые, определяют материальные и идеальные сферы действия оценочной деятельности субъекта речи. Прибегая к подобным актам, адресант принимает во внимание как общекультурные сценарии оценочной деятельности, так и действенные аксиологические стереотипы, задаваемые системой языка, а также порождает лично ориентированную проекцию этих сценариев и стереотипов в языковом сознании слушающего в целях облегчения процесса декодирования эмоций и скрывающихся за ними импликаций.

Ключевые слова: *эмоции; эмоциональный опыт; косвенный экспрессивный акт; диалогическое взаимодействие; социокультурные скрипты4 интенсификатор оценки.*

INDIRECT SPEECH ACT AS SPEAKER'S EMOTIONAL EXPERIENCE REFLECTION IN DIALOGIC INTERACTION

Golovinova P.A., Kudryashov I.A.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Indirect speech acts fixate the axiological stereotypes which determine material and ideal spheres of the speaker's evaluative activity. Resorting to such acts the addressee takes into consideration both the basic cultural evaluative

activity scenarios and actual axiological stereotypes posed by the language system. At the same time the speaker creates personally-oriented projection of the scenarios and stereotypes in the recipient's language consciousness with the aim to facilitate decoding of the emotions and implications concealed behind them.

Keywords: *emotions; emotional experience; indirect speech act; dialogic interaction; social and cultural scripts; evaluation intensifier.*

Эмоции предстают логическим следствием не столько эволюционных процессов и индивидуальных характеристик собеседников, сколько предопределяются прагматической спецификой взаимодействия (т.е. социальное начало превалирует над биологическим началом). Эмоциональное состояние субъекта речи неразрывно связано с социальным контекстом и непосредственной ситуацией диалогического взаимодействия. Инициация эмоций детерминируется нормативным контекстом взаимодействия, предписанным в конкретном социокультурном сообществе и неизбежно отражаемом в лингвистическом измерении взаимодействия. Данная установка, в свою очередь, становится основанием для последующих детализированных междисциплинарных изысканий в обозначенной области в плане выявления источника инициации эмоций и разнообразия форм их манифестации.

Как представляется, отправной точкой данных изысканий выступает антропологический аспект, проливающий свет на лингвистические способы кодирования аффекта в разных языках, универсальность эмоциональных проявлений участников диалогического общения в разнообразных социокультурных общностях («лексикология эмоций» [10]). Эмоции интерпретируются прежде всего как социальный и культурный продукт, ожидаемое следствие диалогических взаимоотношений, а само диалогическое взаимодействие как «антецедент проявления эмоциональных состояний собеседников» [8, р. 44]. Эмоционально окрашенная диалогическая активность фиксирует положение собеседников в объективном мире, который существует на основе социальной договоренности. Язык в

этом мире играет конструктивную роль в овеществлении повседневного опыта и знаний, их интерпретации в речевых практиках. В данной связи эмоции определяются в терминах социально предписанных реакций, которые с необходимостью реализуются в конкретной ситуации диалогического взаимодействия, общего процесса социализации в культурной общности [2, с. 23-24].

«Эмоции выступают как транзиторные социальные роли, социально конструируемые синдромы, – пишет в поддержку указанного определения Дж. Аверилл. – Нормы, которые способствуют формированию этих синдромов, на психологическом уровне репрезентируются как когнитивные структуры или схемы. Данные структуры – аналогично как и грамматика языка – обеспечивают основу для оценки стимулов, организации реакций и контроля над речевым поведением собеседника» [5, р. 305-306]. Другими словами, представители социокультурного сообщества осваивают определенный набор правил для надлежащего / приемлемого выражения оценки в форме эмоционально окрашенных языковых выражений. Эти правила, в свою очередь, являются действенным руководством для реактивной инициации эмоций в текущей ситуации диалогического взаимодействия. Причем подобные реакции обладают своей спецификой в разных культурах, т.е. представители тех или иных культур по-разному реагируют на одни и те же эмоциональные стимулы.

Дж. Аверилл также полагает, что в повседневной жизни собеседники размышляют об эмоциях в значительной степени как о «страстях», аффективной силе, временно охватившей их в тот или иной момент взаимодействия и фиксируемой в стимулирующих и реактивных диалогических действиях. Участник взаимодействия может испытывать состояния страха, гнева, изумления, восторга, которые неявно подразумевают неподотчетность в сфере соотношения диалогических действий собеседников и испытываемых ими эмоций, которые, в свою очередь, не всегда лично контролируются. Вместе с тем, исследователь признает, что эмоции в большей степени предстают действиями, нежели страстями, оптимальным способом достижения разнообразных социальных и индивидуальных целей.

Собеседники не обладают эмоциями, а производят их как социокультурный продукт, predetermined действующей картиной мира, системой верований и потенциально возможными языковыми средствами реализации. В этой связи часто утверждается, что, несмотря на то, что физиологическая реакция является доминирующим началом выражения эмоций, социальные и культурные компоненты текущей диалогической ситуации predetermined, в конвенциональном отношении маркируют допустимый диапазон манифестации того или иного эмоционального состояния собеседников.

Другими словами, гнев в условиях диалогического общения может ассоциироваться с определенным физиологически вызванным возбуждением субъекта речи, однако социально-культурные факторы могут оказывать влияние на интерпретацию данного эмоционального состояния со стороны реципиента, predetermined, определять его речевую и поведенческую обратную реакцию на подобное состояние инициатора негативной эмоции. Обосновывая данную методологическую позицию, К. Оутли пишет следующее: «... та или иная базовая эмоция инициируется, когда мозг входит в определенный формат функционирования, связанный с распознаванием события, релевантного для избранной индивидом цели, например, достижения желаемого, осознания поражения и вызванного этим осознанием разочарования, конфликта преследуемых целей.

Вместе с тем, сознательное знание индивида о желаемом, поражении, разочаровании, конфликте, о том, какие эмоции порождают подобные события, на кого эти эмоции направляются, актуализуется одновременно с испытываемой базовой эмоцией. В самом широком смысле это знание оказывается культурно predetermined, интерпретируется в терминах тех эмоций, которые являются базовыми в диалогическом взаимодействии для данной социокультурной общности» [9, p. 345].

Таким образом, ощущение определенной эмоции участником диалогического взаимодействия проявляет устойчивую зависимость от социокультурных скриптов, актуальных для данной общности. Например, социальные концепты, связанные с интерпретацией гнева, предполагают

понятие личной ответственности за источник инициации данного эмоционального состояния; представления об эмоции «стыд» базируются на этических понятиях нормативного / ненормативного поведения. Социокультурные скрипты – это конструктивный механизм понимания как эмоционального опыта представителей данной общности, так и лингвистических (языковых / речевых) средств его проявления в условиях диалогического взаимодействия.

Социокультурная общность способна разрабатывать модели бесконечного множества эмоциональных состояний, которые оказываются функционально значимыми в системе диалогических взаимоотношений. С целью соблюдения нравственных и моральных ценностей, утвердившихся в данном сообществе, социокультурные скрипты предписывают нормы эмоциональной активности в таких аспектах, как:

- организация и поддержание диалогического взаимодействия;
- функционирование базовых эмоций;
- направления прагматической интерпретации функционирования базовых эмоций и языковых средств их отражения в диалогическом взаимодействии [1, с. 22].

Следовательно, нормативные предписания являются действенным руководством к манифестации эмоционального опыта и речевого поведения собеседников. Эмоции – центральная характеристика межличностных взаимоотношений. Указанные взаимоотношения получают развитие в совместном дискурсе собеседников, отражаются, в том числе, в языковых способах ведения беседы об эмоциональных проявлениях, имеющих место в диалогическом сотворчестве. Создавшийся в рамках текущего взаимодействия эмоциональный фон предопределяет последующие диалогические действия собеседников. При этом негативные эмоции выступают своеобразными сигналами, свидетельствующими о необходимости корректирования межличностной сферы взаимодействия с целью сохранения социального лица собеседников.

Осознаваемые собеседниками базовые эмоции служат действенным средством оценки и рефлексии как текущего взаимодействия, так и воз-

можных образов себя и других, индивидуального Я, отличного от других Я. Диалогическое проявление этих эмоции предстает социальным актом в том смысле, что они контролируются как результат социализации с опорой на морально-нравственные стандарты речевого поведения и знание культурного характера. Другими словами, в процессе нормированного проявления базовых эмоций в диалогическом взаимодействии поддерживается социальная структура общения, морально-нравственный порядок его протекания.

С точки зрения прагматической перспективы современных изысканий эмоции предстают результатом того, как собеседники воспринимают, оценивают текущую ситуацию общения, как и процесс наделения значениями и смыслами тех фактов, событий и явлений, которые являются темой диалогического взаимодействия. Установлено, что эмоции предполагают предварительную ментальную деятельность: участник взаимодействия, воспринимая тот или иной факт действительности, неизбежно оценивают его, что ведет к изменению его эмоционального состояния, вербальному проявлению очередной эмоции в его речевом поведении. Поскольку эмоции испытываются собеседниками в конкретный момент развития взаимодействия, предстают реакцией на постоянно меняющийся контекст этого взаимодействия, естественным предстает то, что оценка – это не менее изменчивый процесс выражения прагматического отношения к:

- самой диалогической ситуации (прежде всего образу адресата, его эмоционально-волевому состоянию);
- коммуникативной перспективе последующего развития данной ситуации;
- тем фактам, событиям и явлениям, которые обнаружатся в этой ситуации.

Косвенные экспрессивные акты вводят оценку того или иного предмета или положения дел в соответствии с субъективной шкалой оценивания, присущую субъекту речи и неявно отражающие отклонение оцениваемого предмета или положения дел от естественного стандарта своих сущностных характеристик. Например: (1) *«Мужчина: Это не обяза-*

тельно! Писатель, русский писатель, Толстой, он говорил, что церковь у тебя в душе, никуда ходить не надо, чтобы пообщаться с Богом! Все свои молитвы я придумываю сам! Женщина: **Ты больной!** Ты одеваешь каску на голову, когда ходишь по стройке?» [3, с. 21]; (2) «*Flavia. Yes – it's my husband! Sheikh. What a fool I was not to think of it before!*» [6, p. 15]; (3) «*Kyra: It's funny, I remember my father. Dad used to say? I don't watch the news. I don't approve of it. I used to say, 'Dad, it's the news. It's the news, for God's sake. How can you not approve of it?' But I must say, now ... perhaps I'm my father's daughter ... I tend to think that he had a point. I don't have a television either. Toby: But that is just crazy! You're ?*» [7, p. 26].

Эмоции, испытываемые субъектом речи в момент инициации данных диалогических действий иплицитно выражаются посредством эмфатического акцента на значимых в смысловом отношении компонентах пропозициональной структуры высказываний. Их интонационный рисунок конструируется модуляциями высоты голоса, интонированием движения высказывания снизу вверх. При инициации подобных речевых актов субъект речи, как правило, теряет контроль над своим голосом в силу интенсивности испытываемых положительных / отрицательных эмоций.

Косвенные экспрессивы могут содержать в своей структуре интенсификаторы выражаемой оценки, которые придают диалогическому высказыванию декларативный характер: адресат призван безоговорочно признать выдвигаемую оценку предмету или положению дел, которая – с позиции субъективного восприятия адресантом реальной действительности – отражает максимальное отклонение предмета оценки от естественной нормы своих существенных характеристик. Например: (4) «... *Ой, скотина, все пальто изгваздал, душу бы тебе так изгваздали! Все ботинки! А брюки! Я тебе говорила, чтоб ноги твоей там не было? Говорила? Опять с этим коблом пошел? Все изгваздал...*» [4, с. 37] – в качестве интенсификатора выступает местоимение *всё / все*, выражающее негативный предел существенного признака оцениваемого предмета; (5) «*I mean, yes, this was the craziness! This was the whole trouble with business and you!*» [7, p. 33] – в роли интенсификатора задействуется местоимение *the*

whole, указывающее на предельную границу отрицательного состояния положения дел, которое обсуждают собеседники в ходе диалога.

Интенсификация оценочного значения косвенных экспрессивов может реализовываться за счет введения явного / неявного образного сравнения, манифестирующего предельность, как правило, отрицательного проявления существенных характеристик предмета оценки. Например: (6) « – *Боже мой, что у тебя на голове? – спросила бабушка. – Шапка, мама. – Это не шапка, это кастрюля просто!*» [4, с. 73]; (7) «*Она долго примеривается, нажимает... И попадает в самый центр тарелочки! – Да у тебя не «блошка», а снайпер какой-то! — обиженно кричу я*» [4, с. 75]; (8) «*Кyra: How is that? Toby: You're the only person who has fought so hard to get into it, when everyone else is desperate to get out!*» [7, р. 33].

Косвенные экспрессивные акты могут приобретать форму восклицательно-вопросительных высказываний. Ср.: (9) «*Женщина: Не знаю, но самое сложное – перетерпеть вот эти первые секунды, минуты. Дальше, когда опять захочется, легче будет... (вдруг кричит) и всё опять по новой! По новой! Мужчина: Ты психопатка?!..*» [3, с. 79]; (10) «*Kyra: Oh yes, I see, pure coincidence, this picture painted by a man of whom you happened not to approve? Toby: Colin! The original art-school wanker?! the greasy beard and the clogs?!*» [7, р. 31]. Вопросительный по форме косвенный экспрессив, апеллирует к слушающему с целью получить его подтверждение выдвигаемой негативной оценки самого адресата или другого лица, о котором сообщается в пропозиции высказывания.

Таким образом, выражение эмоций в межличностной диалогической коммуникации в форме косвенных экспрессивных актов является критической характеристикой эмоционального опыта собеседников. При этом непосредственное выражение эмоций и общий диалогический опыт проявления разнообразных эмоциональных состояний не всегда с необходимостью совпадают. Другими словами, эмоции при инициации косвенных экспрессивных актов могут коммуницироваться как намеренно, так и ненамеренно.

В последнем случае в рамках диалогического взаимодействия потенциально возникают проблемы, особенно если адресат вынужден воспри-

нимать и интерпретировать негативные эмоции, выражаемые собеседником. Проблема возможных расхождений между накопленным эмоциональным опытом общения и текущим выражением эмоций предстает, на наш взгляд, перспективной сферой лингвистических и – шире – междисциплинарных изысканий, в частности, в плане выявления взаимосвязи между коммуникативным поведением говорящих субъектов и определенными типами эмоциональных опытов, в том числе, предопределенных гендерными и возрастными характеристиками.

Список литературы

1. Кудряшов И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе: автореф. дис. ... докт филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 43 с.
2. Кудряшов И.А., Макова Т.А. Косвенный комиссивный акт как реакция на побудительный стимул в диалоге // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы III-й Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: ООО «Донское книжное издательство», 2013. С. 22-29.
3. Пресняков В., Пресняков О. Лучшие пьесы. М.: Эксмо, 2005. 352 с.
4. Санаев П. Похороните меня за плинтусом. М.: Астрель, 2009. 283 с.
5. Averill J.R. A Constructivist View of Emotions // Emotion: Theory, Research and Experience. NY.: Academic Press, 1980. Vol. 1. P. 305-339.
6. Frayn M. Noises Off. A Play in Three Acts. L.: Barnes and Noble, 2001. 231 p.
7. Hare D. Selected Place. L.: Faber and Faber, 2008. 234 p.
8. Kemper T. D. Sociological Models in the Explanation of Emotions // Handbook of Emotions. NY.: The Guilford Press, 1993. P. 41-51.
9. Oatley K. Social Construction in Emotions // Handbook of Emotions. NY.: The Guilford Press, 1993. P. 341-352.
10. Russell J.A., Fernandez-Dols J-M., Manstead, A.S.R. Wellencamp J.C. Everyday Conceptions of Emotion. An Introduction to the Psychology, Anthropology and Linguistics of Emotion. L.: Kluwer Academic Publishers, 1994. 438 p.

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОД: ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ BETTY BOTTER И МОЛЛИ МИЛЛЕР ОДНИМ ЛИЦОМ?

Журавская К.А., Кузнецова А.Е.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается вопрос о выявлении конгруэнтности различных национальных картин языкового сознания посредством идентифицированных базовых качеств естественного языка, а именно его автологического свойства и металогического свойства. Данное исследование проводится на аутентичном материале английских детских стихов, представляющих английское народное творчество XVIII-XIX вв, и их переводов на русский язык. Несмотря на возможные несовпадения в формальных аспектах оригинального и переводного текста, обусловленные спецификой исторического, культурного, языкового наследия каждой нации, задачу адекватного перевода стихотворного текста можно считать реализованной, если переводчик знаком с и руководствуется имманентными характеристиками естественного языка, которые являются общими вне зависимости от «национальности» языка.

Ключевые слова: языковая культура; перевод; национальные картины языкового сознания; конгруэнтность; автологическое свойство языка; металогическое свойство языка; адекватность перевода стихотворного текста.

FROM THE RESEARCH EXPERIENCE ON LINGUISTIC CULTURE VIEWED THROUGH TRANSLATION: ARE BETTY BOTTER AND MOLLY MILLER THE SAME PERSON?

Zhuravskaya K.A., Kuznetsova A.E.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

The research focuses on the issues of congruence between different national pictures of linguistic consciousness being manifested by the stated ba-

sic qualities of a human language, an autological quality and a metalogical quality in particular. The research is held on the authentic material of English folk rhymes for children, created in the XVIII-XIX centuries and on their translations into Russian. Despite possible formal disparities between an authentic text and its translation, that result from specific historical, cultural, linguistic heritage of a nation, the adequacy of poetic text translation as a goal is thought to be achieved if a translator is aware of and guided by the immanent qualities of a human language which are common whatever "nationality" of a language may be.

Keywords: *linguistic culture, translation; national pictures of linguistic consciousness; congruence; autological quality of a language; metalogical quality of a language; adequacy of poetic text translation.*

Данное исследование лежит в русле когнитивного лингвистического анализа естественных языков и представляет собой комплексный обзор аутентичного стихотворного текста и его перевода в семиотическом, лингвистическом и культурологическом измерении. Целью описываемого наблюдения является выявление конгруэнтности национальных картин языкового сознания через основополагающие свойства языка – автологичность и металогичность. Объектом исследования послужил стихотворный текст английских детских стихов и его перевод на русский язык.

Как известно, естественные языки для отображения бесконечного внешнего мирового пространства имеют в своем распоряжении весьма конечные, фиксированные в собственных языковых парадигмах наборы языковых средств для передачи через язык социально-культурного опыта его носителей. Для закрепления тех или иных смысловых матриц языковая и речевая деятельность человека неизбежно вызывает к метафоризации человеческого сознания, то есть к его способности формировать когнитивное представление не только о мировосприятии, но и о миропорождении. Основы когнитивной теории метафоры заложил А. Ричардс, высказав идею о том, что метафорична сама мысль, она развивается через сравнение и отсюда возникает метафора в языке [2, с.44-68]. Метафорич-

ность мышления, несомненно, является тем уникальным инструментом, который позволяет не только ярко описывать реальность, но и создавать новые смысловые образы непознанных миров. В способности языка представлять собой как предмет описания, так и способ его описания обнаруживаются его базовые функции: автологическая и металогическая. Данное утверждение считаем обоснованным и доказанным на любом языковом уровне, начиная с фонематического, заканчивая уровнем семантики дискурса.

Языковая культура сопровождает человечество не одно тысячелетие, а языковой опыт нации складывается, по меньшей мере, веками. Совершенно справедливым считаем стремление даже самой немногочисленной народности стоять на страже своей языковой и культурной самобытности, хотя делать это все труднее, учитывая захлестнувшие мир процессы масштабной глобализации, а значит унификации категорий и парадигм, как в языковом, так и в экстралингвистическом опыте народов. Вместе с тем, нельзя отрицать того факта, что при всем разнообразии языковых средств национальных языков, внутренние законы, заставляющие отлажено функционировать языковую систему разных народов, не могут не совпадать друг с другом в их конститутивной основе.

В нашем исследовании мы обратимся к известным едва ли не всему миру «маленьким шедеврам», или «песням матушки Гусыни» (Mother Goose songs), которые вошли в золотой фонд национальной британской культуры. Многие из нас с детства помнят удивительные истории о котятках, потерявших перчатки, о трех мудрецах в одном тазу, пустившихся по морю в грозу, о том, что старый дедушка Коль был веселый король, а Шалтай-Болтай сидел на стене и свалился во сне. Конечно, эти истории стали известны русскому читателю благодаря блестящим переводам С. Маршака, К. Чуковского, Г. Кружкова, О. Седаковой и др. В Англии первые сборники этих детских песенок, в которых сочетались наставление и развлечение, вышли в свет в XVIII-м веке. Известно, что в одном из сборников детские песенки были напечатаны вместе с сонетами Шекспира [1, с. 19]. Это может показаться странным, но в ту эпоху песни матушки Гу-

сыни носили весьма условное название «детские стишки», так как многие из них создавались задолго до того, как получили статус “детских”. Некоторые из стихов являлись переложением средневековых шотландских баллад, некоторые – представляли собой уличные песни или описания старинных детских игр. Сохранившиеся варианты стишков, многие из которых вели свое летоисчисление с языческих времен, содержали такое обилие сцен насилия (убийство, обезглавливание, членовредительство и т.д.), что вызывали бурное неприятие английских просветителей. Неудивительно, что эта колоритная часть народного фольклора подвергалась строгой цензуре. Так называемую благополучную часть сюжета оставляли, удаляя при этом то, что могло скомпрометировать британское общество и одновременно не отвечало чаяниям методики воспитания той эпохи. Часто в тексты таких стихов инкорпорировали дополнительные сюжеты, призванные формировать положительный образ в лучших традициях христианской добродетели.

Серьезное научное изучение английских народных детских песен началось в середине XX – го века. Огромный вклад в изучение английского фольклора внесли супруги Иона и Питер Оупи / Iona Archibald Opie (1923 -) and Peter Mason Opie (1918-1982). По признанию самих британцев, супруги Оупи помогли восстановить культуру детства, – которая, по сей день, востребована своей культурологической значимостью – при этом расположив ее в поле научных исследований. Примечательно, что, выступая в 1998 году на открытии одной из конференций в университете Шеффилда, И.Оупи вспоминала: шел 1944 год, молодые супруги, эвакуированные из Лондона вглубь страны, повстречали во время долгой прогулки по деревенским окрестностям божью коровку (<http://www.opieproject.group.shef.ac.uk/opies-biography.html>). И оба, не сговариваясь, произнесли то, что обычно говорят английские дети в таких случаях:

Ladybird, ladybird,
Fly away home,
Your house is on fire
And your children all gone.

All except one
And her name is Anne,
And she crept under
The frying pan

(как ни вспомнить здесь наше «Божья коровка, улети на небо, там твои детки, кушают конфетки, всем ребятам раздают, а Ванюше не дают»). Это эпизод, по признанию И.Оупи, и послужил толчком к началу - супруги стали собирать материал для своего сборника *The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes* (1951), снабжая тексты песенок и стихов историческими ссылками и лингвистическим комментарием, посвятив в дальнейшем изучению детского фольклора всю свою жизнь.

Итак, обратимся к заинтересовавшему нас тексту одного из стихов в сборнике «*Mother Goose songs*»[4, с. 39], а также к его переводу на русский язык, предлагаемому в том же издании»[4, с. 459] (**английский оригинал**):

Betty Botter bought some butter,
But, she said, the butter's bitter;
If I put it in my batter
It will make my batter bitter,
But a bit of better butter
Will make my batter better.
So she bought a bit of butter
Better than her bitter butter,
And she put it in her batter
And the batter was not bitter.
So t'was better Betty Botter
bought a bit of better butter.

(перевод на русский язык Г. Кружкова)

Молли Миллер купила мыло,
Молли Миллер мылась умело,
Но оказалось: мыла мало,

Чтобы отмыть так много мела.
Молвила Молли: «Вот так мило!
Если бы было меньше мела,
Мне бы хватило этого мыла, –
Можете мне поверить смело!»
Молли Миллер достала шило,
Молли сменяла шило на мыло,
Самое мыльное в мире мыло –
И мыльной мочалкой мел отмыла.

На первый взгляд, русский перевод имеет мало общего, если вообще как-то соотносится с английским вариантом. Является ли английский вариант прототипом приводимого выше перевода? Можно ли считать, что английская героиня Betty Botter и героиня русского варианта перевода Молли Миллер одно и то же лицо? Разумеется, нет, – возможно, скажут многие, – ведь, мало того, что у них совершенно разные истории, у них даже имена разные. Действительно, в английской истории рассказывается о том, что некая Бетти Боттер купила масло, и хотела положить его в тесто, но масло оказалось прогорклым, и оно испортило бы тесто, поэтому Бетти поступила разумнее, купив другое, лучшее, масло и положив его в тесто. При всей очевидности разницы в сюжете, на наш взгляд, сюжетная фабула, как в английском, так и в русском тексте строится по одним и тем же канонам дидактического наставления. Героиня, как оригинального стиха, так и его русского варианта, энергично, как нам представляется, вероятно, в силу особой ритмичности стихотворных строк, на которой мы остановимся ниже, берется за задуманное дело. По мере его реализации, пусть и в разных обстоятельствах, она встречает неожиданное препятствие на своем пути, что, однако, заставляет ее не растеряться, а напротив, проявив рассудительность, а в русском варианте, еще и житейскую смекалку, принять решение, устранить препятствие и довести начатое до конца. Другими словами, такой простой и понятный жизненный опыт, переложенный естественным

языком из одной национальной культуры в другую, совсем не является чужеродным для второй стороны.

Чуть подробнее остановимся на внешней форме передачи внутреннего содержания языкового знака, коим мы считаем в данном случае текст, английский и русский. Напомним, что, рассуждая о природе языкового знака, Фердинард де Соссюр подчеркивал, что он “связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ”[3,с.77]. Акустический образ в поэзии по праву считается одним из ключевых средств экспрессивности. Акустический образ, как известно, создается звуковой инструментровкой стиха, которая складывается посредством аллитерации (повторение согласного) и ассонансом(повторение гласного). Сочетание аллитерации и ассонанса создают особый поэтико-экспрессивный фонетический рисунок стиха. Сразу отметим, что для создания звуковой инструментровки английского и русского стиха, что очевидно читателю, использовались разные фонемы. Но, хотя Г.М. Кружков не стал использовать в своем русском переводе имеющуюся в русском языке фонему /б/ и /т/, фактически полный аналог английской фонемы /b/ и частичный аналог английской /t/, выбрав в качестве опорных русские фонемы /м/, /л/, ему прекрасно удалось повторить принцип звуковой инструментровки оригинала. Осмелимся предположить, что выбор фонем переводчиком был продиктован уже сложившимися в русской языковой картине языковыми стереотипами, уходящими в фольклорное творчество. Известность и узнаваемость культурологических стереотипов(шило-мыло) должны были, по нашему мнению, передавать русскому читателю глубину и мощь английского народного творчества. Отметим также, что и оригинал и перевод имеют простую синтаксическую структуру на уровне предложений. Известным фактом является то, что английский детский фольклор создавался матерями, которые, образно говоря, не отрываясь от своего корыта, стремились успокоить или развлечь своих детей тем, что естественным образом первым приходило им в голову. Такая коммуникативная особенность рассматриваемого дискурса облегчает понимание его маленькими детьми через четкий ритм, изящество,

легкость и простоту его формы, которая демонстрирует прекрасный материал для выработки правильной фонетической организации речи и ее ритма. Вероятно, благодаря этому, английский оригинал в сборнике стихов «Mother Goose songs» имеет пометку *скороговорка*, что, по нашему мнению, полностью применимо к переводу Г.М. Кружкова.

Кроме того, в обоих стихах присутствует языковой аксиологический компонент, оценивающий действия героини. В английском это проявляется весьма явно, посредством использования лексической единицы *better*/русс. *лучшее, лучшая* относительно не только результата труда Бетти, но и ее самой. Помимо лексического уровня, в формировании положительной оценки задействованы и звуко-символы, сочетающиеся в своей природе фонетический и семантический уровни. Так, звучащий с самого начала стиха рефреном звонкий смычный звук /b/ в купе с апикально-альвеолярным взрывным /t/, несмотря на меняющиеся между ними гласные, придает звуковой инструментовке текста ожидаемую на выходе неоспоримую объективность предложенной оценки. В русском переводе, на наш взгляд, положительная оценка действий героини также присутствует, но она носит опосредованный характер и представлена в предпоследней строке «Самое мылкое в мире мыло». Использование превосходной степени прилагательного «мылкое» с теми же лексико-фонетическими приемами создает аналогичный эффект. Оценка героини, Молли Миллер, также как и оценка ее действий, в языковом сознании русского читателя достраивается за счет переноса оценки с предмета на субъект действия. Описанный нами сюжет повествования весьма типичен для назидательной детской литературы в обеих культурах – английской и русской. Следовательно, если за критерий общности взять именно совпадение фрагментов национальных языковых картин, можно констатировать, что по своей содержательной сути, оба стиха идентичны.

Для полноты картины языкового анализа приведем еще два современных перевода на русский язык анализируемого английского оригинала, но без развернутого лингвистического комментария.

«Замесить решила Бетти тесто на оладьи...»*(из сб. «Стихи мамышки Гусыни»)*

Замесить решила Бетти тесто на оладьи,
Вот и маслица купила,
Но – увьи! – оно горчило,
А стряпухе нашей трудно с продавцом поладить.
Но не класть же масло это в тесто на оладьи!
Тут же девочка решила –
Она к завтраку спешила –
Что стряпню свою успеет заново наладить.
Побежала наша Бетти в магазин поближе,
Масло свежее купила –
Уж оно-то не горчило! –
И оладьи получились – пальчики оближешь!

Перевод Ларисы Изергиной (<http://www.chitalnya.ru/work/740121/>)

Молли-стряпуха**Молли задумала местным мальчишкам**

К маю напечь марципановых пышек,
Мятных пампушек и плюшек миндальных,
И мармеладных наделать медалей:
Мяты, муки, миндаля у ней – масса.
Мало у Молли лишь мягкого масла.
Мыслимо ль делать пампушки без масла –
Может, хлопочет она понапрасну?
Только о масле у Молли все мысли:
Молли к молочнику кинулась быстро.
Молли взмолилась: «Ах, мистер молочник!
Миленький, я умоляю помочь мне:
Мне одолжить попросила бы Вас я
Самого лучшего мягкого масла!»

Мигом молочник взялся за дело:
Снял с молока сливки умело,
И не успело минуть и часа –
Сбил в маслобойке стремительно масло.
Сделала Молли пампушки и плюшки.
Много людей собралось на пирушке.
Всем мальчуганам понравились сласти –
Слава молочнику, Молли и маслу!

Перевод Алексея Болева (http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=481256)

Отметим, что каждый из них весьма интересен и явно хорош, но оба переводчика, по нашему мнению, отделились от оригинала, увлекшись добавлением собственного художественного вымысла. Сохранив фабулу сюжета первоисточника (масло-тесто), они либо не передали звуковой инструментовки оригинала, либо простоты и ритмичности оригинального детского стишка, перегрузив его перевод лексической пышностью и затейливостью синтаксиса. Трудно представить, что данные переводы можно использовать, вслед за оригиналом и переводом Г.Кружкова, в качестве скороговорки для маленьких детей.

Несмотря на различный инвентарь языковых средств национальных языков, в формировании языковой культуры действуют одни и те же, абсолютно идентичные по механизму воздействия языковые законы, справедливые для любого естественного языка, а именно язык как сложенная динамичная система является самодостаточной в своих основных базовых характеристиках, коими являются автологичность и металогичность.

Список литературы

1. Демурова Н.М. Эти маленькие шедевры// Mother Goose Rhymes. М., 1988. С. 15-30.
2. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры / Отв. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С.44-68.
3. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 77.
4. Mother Goose Rhymes. М., 1988. 685 p.

**АРХЕТИПЫ В НАИМЕНОВАНИЯХ
ГОРОДСКИХ ТОРГОВЫХ ОБЪЕКТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭМПОРОНИМОВ
ГОРОДА АБАКАНА)**

Кадоло Т.А.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Россия

Обращаясь к описанию наименований городских торговых объектов (эмпоронимов), автор выявляет транслируемые ими культурные смыслы. Рассматривается содержание понятия архетип, выявляются архетипы, типичные для эмпоронимов города Абакана. Комплексное исследование эмпоронимов позволило описать такие архетипы, как «Хранитель», «Мать», «Дитя», «Прекрасная дама», «Герой», «Даритель» и др. Трансляция в наименованиях торговых объектов определенных архетипов создает перлокутивный эффект.

***Ключевые слова:** эмпоронимы; культурные смыслы; архетип; символ; антропоцентризм.*

**ARCHETYPES IN THE CITY TRADING OBJECT'S
NAMES (BASED ON ABAKAN'S EMPORONYMS)**

Kadolo T.A.

Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

The object of study in this article are Abakan city trading object's names (emporonyms), their the plan of expression and the plan of content. The subject of research are cultural meanings, exactly the archetypes. The author analyzes the term "archetype" and describes typical for Abakan's emporonyms archetypes. Complex research of emporonyms possible to denote such archetypes as

the “Guardian”, “Mother”, “Child”, “Bloofer Lady”, “Hero”, “Presenter”, etc. Translation of archetypes in emporonyms creates perlocutionary effect.

Keywords: *emporonyms; cultural meanings; archetype; symbol; anthropocentrism.*

Введение

В связи с изменениями в функционировании языка, обусловленными процессами демократизации языка, формированием новых речевых жанров, проявлением игрового начала в речи, во многих научных работах последнего десятилетия отражен интерес к изучению так называемого повседневного речевого материала: текстов естественной письменной речи, рекламных текстов, названий городских объектов и др. В своем исследовании мы рассматриваем наименования торговых объектов (эмпоронимы) города Абакана, поскольку они пронизывают сферу быта, являясь обозначением мест, используемых для удовлетворения каждодневных потребностей: места работы, продуктовых и других магазинов, учреждений общественного питания, заведений сферы услуг и т.п., то есть всего городского пространства. Эмпоронимы, с одной стороны, демонстрируют реализацию креативной функции языка, творческого начала, с другой стороны, отражают массовое сознание, так как они ориентированы на некоего среднего реципиента, который должен не столько получить «лингвистическое удовольствие», сколько воспользоваться услугами номинированного заведения. Кроме того, наименования торговых объектов тесно связаны с культурой общества носителей языка и могут рассматриваться как средство трансляции культурных смыслов.

Неоднородность и многоуровневость языковой системы как объекта лингвистического исследования требует изучения ее единиц и уровней с точки зрения разных аспектов, что обусловлено такой характерной особенностью филологических работ конца XX – начала XXI века, как экспансионизм. Стремление расширить область исследования находит отражение в формировании так называемых смежных дисциплин, а также в ставшем распространённым соединении нескольких подходов в рамках

одного исследования. В представленной работе материал анализируется с точки зрения лингвокультурологического, лингвосемиотического, функционально-семантического и психолингвистического подходов, что обусловлено необходимостью многогранного описания изучаемого объекта – наименований торговых объектов города Абакана.

Предмет исследования

Поворот лингвистики от описания языка как имманентной сущности к исследованию «человека в языке», произошедший во второй половине XX века, позволил поместить в фокус исследования речевые факты, воспринимаемые не как самодостаточное явление, а как одну из составляющих триады «язык – мир – человек». Антропоцентризм современных исследований языка, ставший важной чертой современной лингвистики, делает возможным описание ментальной деятельности человека, имеющей место при использовании им языковой системы. Подобный выход за пределы собственно лингвистического изучения связан также с такой тенденцией современной лингвистики, как экспансионизм, что выражается в расширении области рассматриваемого предмета (см. описание принципов современной лингвистики в [4]). Рассмотрение эмпоронимов в соответствии с указанными принципами позволяет выйти за рамки описания собственно языкового материала, что выражается, во-первых, в привлечении для анализа не только вербальных, но и невербальных элементов эмпоронима, к которым относятся шрифт, графика, цвет, пиктограммы, во-вторых, в попытке рассмотрения языковых единиц через призму ментальности и культурных особенностей.

Таким образом, объектом исследования в проводимом нами исследовании выступает план содержания и план выражения наименований городских торговых объектов, то есть вывеска в целом – в совокупности языковых, паралингвистических и экстралингвистических компонентов, ее составляющих.

Предметом изучения являются закрепленные в эмпоронимах культурные смыслы, то есть «идеациональные конструкторы, связанные с культурными объектами (денотатами) как со знаками, т.е. являющиеся их информационным, эмоциональным, экспрессивным содержанием (значением)»

[8, с. 504]. В статье описывается одна из разновидностей культурных смыслов – архетипы как некий «прообраз, первоначало, образец» [7, с. 36], транслируемый эмпоронимом и считываемый реципиентом. В центре внимания находится анализ культурная коннотация, под которой понимается «отпечаток исторической, этнической памяти в системе языка, то есть в её самой динамичной и уникальной системе – лексике. Она может отражаться вербально в виде своеобразных концептов, стереотипов, эталонов, символов, фреймов, мифологем и т. п. знаков национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [1, с. 177].

Цель и методы исследования

В центре внимания в данной статье оказывается такая разновидность культурных смыслов, как архетипы – «базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни» [2, с. 38]. Цель работы заключается в описании архетипов, транслируемых семантическим и формальным уровнями эмпоронима.

Сложность эмпоронима как объекта исследования делает необходимым использование комплекса методов для описания культурных смыслов, закрепленных в наименованиях: метода лингвистической интроспекции; интерпретационного анализа; компонентного анализа денотативных и коннотативных компонентов в семантике эмпоронима; социолингвистических методов опросов, интервьюирования, анкетирования; описательного метода, включающего процедуры наблюдения, интерпретации и обобщения; структурно-семиотического метода; ассоциативного эксперимента; семантико-мотивационного описания лексических единиц; анализа словарных дефиниций. Использование комплексной методики, а также обращение к данным, полученным в результате анализа особенностей языкового сознания трех сторон (автора номинации, потребителей-реципиентов, исследователя), обеспечивают достоверность исследования.

Понятие архетипа

Поскольку культурные смыслы имеют надындивидуальную природу, являются воплощением родового опыта, они могут представлять собой ар-

хетипический образ. Карл Густав Юнг относил к архетипам врожденные глубинные формы коллективного бессознательного, моделирующие познание и поведение [9]. Понятие архетипа восходит к платоновским «эйдосам», а сам термин встречается уже у Филона Иудея, Иринаея и Дионисия Ареопагита. Архетипы имеют бессознательную природу и обеспечивают понимание, декодирование сообщения: «Понятие архетипа, которое является неотъемлемым коррелятом идеи коллективного бессознательного, указывает на существование определенных форм психики, которые, как видится, присутствуют всегда и везде. В мифологических исследованиях их называют «мотивами»; в психологии первобытных людей они соответствуют концепции Леви-Брюля о «коллективных представлениях», а в области сравнительной религии они были определены Губертом и Мауссом как «категории воображения». Адольф Бастиан давно уже называл их «элементарными» или «первичными мыслями»» [9, с. 77-78]. К.Г. Юнг считал архетипы доминантами образа и относил к ним «господствующие силы, боги, образы доминирующих законов, регулярно повторяющихся событий и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой» [11, с. 112].

По мнению К.Г. Юнга, архетипы передаются «в основном в виде тайных учений, являющихся вообще типичным способом передачи коллективных содержаний, берущих начало в бессознательном», а также в мифах и сказках [9, с. 127]. По нашему мнению, мифы и сказки, с одной стороны, являются пространством реализации, закрепления архетипа, с другой стороны, будучи транслятором архетипа, становятся источником его для более поздних этапов развития культуры. В настоящее время архетипы толкуются в более широком смысле: к ним относят древнейшие образы, роли, действия, мотивы, многократно повторяемые в мифах, сказках, других формах культуры, поступках людей. На многие проявления современной жизни транслируются универсальные сюжеты и универсальные роли: мы можем наблюдать их в моделях социального взаимодействия, национальных идеалах, религиозных учениях, художественных произведениях, рекламных роликах и т.д.

В своих трудах К.Г. Юнг описал такие архетипы, как «Младенец», «Дева», «Мать», «Возрождение», «Дух», «Трикстер» [10], но при этом он отметил невозможность составления законченного списка архетипов: «бесполезно заучивать наизусть список названий архетипов. Они являются комплексами переживаний, вступающих в нашу личностную жизнь и воздействующих на нее как судьба» [9, с. 119]. Таким образом, список архетипов является открытым и постоянно пополняется описанием новых образов, например, М. Марк и К. Пирсон выделяют 12 архетипов, используемых в области маркетинга при создании брендов: Творец, Заботливый, Правитель, Шут, Славный малый, Любовник, Герой, Бунтарь, Маг, Простодушный, Искатель, Мудрец [5].

К.Г. Юнг указывал на то, что архетипы являются одновременно образами и эмоциями: «заряженный эмоцией образ приобретает сакральность (нуминозность) или психическую энергию, он становится динамичным, вызывающим существенное последствие» [9, с. 59]. Понятие нуминозного наполнения архетипа, вызывающего последствие, соотносится с содержанием термина «перлокутивность», под ней понимается присутствие в речевом акте намеренного воздействия на адресата, направленности на достижение результата [6]. Трансляция архетипа превращает эмпороним в перлокутивный речевой акт, вызывающий целенаправленный эффект воздействия на мысли и чувства людей, воспринимающих речевой факт (подробнее о перлокутивности в эмпоронимах см. [3]).

Основные архетипы в эмпоронимах Абакана

Средствами трансляции архетипов в наименованиях торговых объектов являются:

- денотативные и коннотативные компоненты семантики эмпоронима: архетип «Хранитель» заложен в денотативном компоненте наименования «Автостраж», а архетип «Дитя» закреплен в коннотации названий «Машутка», «Капризульки»;
- в особую группу мы выделяем прецедентные имена: часто имена богов и героев становятся наименованиями различных заведений на

- основе ассоциативной связи между характеристиками персонажа и обозначенного объекта: имя греческой богини любви и красоты стало вывеской салона красоты «Афродита»; имя римской богини домашнего очага, домовитости и чистоты семейной жизни – базы «Веста»; имя греческой богини победы – агентства развития продаж «Nisa»; имя римского бога торговли, покровителя путешественников – мясного дома «Меркурий»; именем титана – защитника людей – названа компания по ремонту бытовой техники «Прометей»; именем римской богини любви и красоты – отдел бижутерии «Венера»; именем римской богини судьбы, удачи, счастья – агентство недвижимости «Фортуна»;
- мотивационные признаки, положенные в основу наименования, опосредованно указывают на архетип, так, положительная культура рема, заложенная в названии «Гарантия» как некое обещание качественной услуги и продукции, восходит к архетипу «Хранитель»;
 - невербальные компоненты (шрифт, графика, цвет, пиктограммы), например, изображение сказочной принцессы с красивыми и длинными волосами на вывеске парикмахерской «Златовласка» становится не только символом красоты, но и реализацией архетипа «Прекрасная дама».

Анализ наименований торговых объектов города Абакана позволил выявить следующие архетипы:

«Хранитель»: данный архетип наблюдается преимущественно в названиях заведений сферы услуг (автосервисы «Авто Доктор», «Автостраж», «Автотехцентр «Гарант», аптека «Гарантия»). Близок к нему архетип «Даритель» (или «Помощник»), транслируемый наименованиями разных тематических групп, например, названием автокомплекса «Гермес» и транспортной организации «Меркурий» – данный античный персонаж в мифах помогал главному герою совершить подвиг.

Наименование парикмахерской «Фея» воплощает образ волшебницы, которая помогает героине справиться с трудностями и получить вознаграждение, то есть делает из обычной девушки настоящую принцессу, этим подчеркивается, что посещение данного салона поможет посети-

тельнице стать красивой и добиться желаемого. А образ помощника, закрепленный в наименовании автосервиса «Авто Джинн», позволяет отождествлять фирму с персонажем-помощником, потребителя – с Аладдином, то есть воплощением архетипа «Герой».

Архетип «Герой», как правило, реализован в наименованиях автосалонов («Титан моторс Абакан»), ремонтных служб («Прометей»), магазинов мужской одежды («Super Man»).

Архетип «Воин» транслируется названиями охранных агентств, автосервисов и магазинов мужской одежды: «Центурион», «Манас», «Три самурая», «Сёгун», «Самурай», «Богатырь».

Архетип «Маг» не закреплен за определенными группами эмпорников и может быть реализован в наименованиях различных заведений: «Целитель» (семейная клиника), «Свадебная лавка волшебника» (агентство праздников), «Чародей» (магазин детских товаров и канцелярии), «Чародейка» (парикмахерская)

Архетип «Творец» реализован в наименованиях автосервисов и строительных компаний: «Мастер», «Зодчие», «Профессионал», «Сделай сам», «Автомеханик», «Винтик Шпунтик».

Архетип «Мать» транслируется в наименованиях магазинов товаров для беременных и детей («Sweet Mama», «РАДАМАМА», «Мамина радость», «СкороМама», «От мамы к маме»).

Архетип «Дитя», чаще всего, отражен на вывесках магазинов товаров для детей: «Бэби Бум», «Бэби мир», «Джуниор», «Машутка», «Moda Kids», «Happy Kids», «Beautiful Kids», «Одежда детям», «Модные детки». Этот же архетип транслируют диминутивные наименования, например, «Машутка», «Мишутка», «8 заек», «Капризульки», «Модняшки», «Ладошки», в которых имитируется форма речи, применяемая взрослыми для общения с маленькими детьми.

Образы, реализующие архетип «Прекрасная дама», закреплены, как правило, в названиях магазинов женской одежды, парикмахерских и салонов красоты: «Златовласка», «Леди», «Сударушка», «Монро», «Имидж Леди», «Миледи», «Для милых женщин», «Нефертити», «Варвара Краса».

К архетипичным мы относим и сюжетные ходы, такие как «Преображение»: данный элемент характерен для мифов и сказок о превращении чудовища в принца, Золушки в принцессу, он реализован в следующих наименованиях парикмахерских и салонов красоты: «Виразж» (от фр. ‘полный поворот; полное изменение’), «До и после», «Ренессанс», «Преображение», «Галатей».

Архетипичным может стать пространственный образ, например, в наименованиях «Эльдорадо», «Сады мечты», «Авторай», «Эдем», «Сладкий рай», «Фруктовый рай», «Продуктовый рай», «Танцевальный рай» закреплён мотивационный признак ‘идеальное место’, восходящий к архетипу «Рай».

Как видим, имеет место своего рода закреплённость архетипа за группой эмпонимов: вряд ли архетип «Герой» или «Воин» будет реализован в наименованиях парикмахерских или магазинов женской одежды, а архетип «Прекрасная дама» – в названиях автосалонов или магазинов мужской одежды.

Заключение

Описание архетипов, транслируемых наименованиями торговых объектов, дополняет проводимый нами анализ культурных смыслов в эмпоронимах города Абакана. В работе выявлены такие архетипы, как «Помощник», «Воин», «Герой», «Маг», «Мать», «Дитя», «Прекрасная дама», «Преображение» и др., при этом те или иные архетипы соотносятся с эмпонимами определенной тематической группы, например, архетипы «Воин» или «Герой» реализуются, как правило, в названиях автосервисов, магазинов мужской одежды, но не применяются в названиях салонов красоты или магазинов детских товаров. Такая особенность обусловлена перлокутивной нагрузкой эмпоронима, то есть его воздействующей функцией: применение в процессе нейминга архетипов, знакомых потребителю, позволяет привлечь его внимание и сформировать положительную оценку заведения.

Дальнейшее изучение архетипов и других разновидностей культурных смыслов, закреплённых в наименованиях торговых объектов, позволит углубить исследование эмпонимов с точки зрения не только лингвокультурологического, но и нормативного аспекта, оно даст возможность для описания ассоциативной и эпидигматической нормативности.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-14-19002.

Список литературы

1. Бавдинев, Р.Р. Культурная коннотация и паремические единицы / Р.Р. Бавдинев // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2005. № 8. С. 177-180.
2. Забияко А.П. Архетипы культурные // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга; 000 «Алетейя», 1998. Том 1. С. 38-39.
3. Кадола Т.А. Изобразительно-выразительные средства в наименованиях торговых объектов города Абакана как способ воплощения перлокуции // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. № 7 (19). С. 75-83.
4. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН. Серия литературы и языка. М., 1994. Т.53, № 2. С. 3-15.
5. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / Пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
6. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-130.
7. Руткевич А.М. Архетип (греч.) // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга; 000 «Алетейя», 1998. Том 1. С. 37-38.
8. Шейкин А.Г. Смыслы культурные // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. Том 2. С. 504-505.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг; Сост., и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Renaissance, 1991. 304 с.
10. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг; Пер. с англ. В.В. Науманова. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
11. Юнг К.Г. Психология бессознательного / Пер. с англ. под общ. ред. В.В. Зеленского. М.: «Когито-Центр», 2010. 352 с.

ИЗУЧЕНИЕ ПУТЕЙ НОРМАЛИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ ЭМПОРОНИМИКИ: РАЗНОВИДНОСТИ НОРМАТИВНОСТИ

Кадоло Т.А.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Россия

Изучение речевых явлений в аспекте нормативности обычно предполагает рассмотрение языковой нормы: процессов нормализации и кодификации, вариантов нормы и особенностей их функционирования. В предлагаемой работе объектом изучения становятся наименования городских торговых заведений (эмпоронимы) в совокупности составляющих их языковых и неязыковых элементов. Анализ всех уровней наименования позволяет рассмотреть его как знак. Такой взгляд на объект позволяет расширить понятие нормативности и рассмотреть проявление не только языковой и орфографической нормы, но и нормы культурной, ассоциативной, фоносемантической, эпидигматической. Содержание указанных разновидностей нормы обусловлено особенностями языкового сознания общества и социальными факторами.

Ключевые слова: *эмпоронимы; языковая норма; нормативность; фоносемантика; ассоциативный эксперимент; окказиональность.*

RESEARCH INTO WAYS OF NORMALIZATION IN EMPORONYMS: VARIETIES OF NORMATIVITY

Kadolo T.A.

Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

Generally, the study of speech phenomena from the normative aspect supposes consideration for the linguistic norm: the process of normalization and

codification rules options and features of operation. The object of study in this paper is the city trading object's names. Emponyms are described as a semiotic entity, having a plane of content and a plane of expression. A plane of content is represented as denotative and connotative components of the semantics. A plane of expression is represented as extralinguistic and paralinguistic elements. This approach allows of expanding the concept of normativity and considering various kinds of normativity: linguistic, orthographic, associative, phonosemantic, motivological norms.

Keywords: *emponyms; linguistic norm; normativity; phonosemantics; associative experiment; occasionality.*

Введение

В современной лингвистике отмечается повышенный интерес к изучению фрагментов языкового пространства города, что представляется вполне оправданным, так как их анализ позволяет описать город как некое лингвосемиотическое пространство, то есть обозначенное языковыми знаками семантическое пространство, определяемое как «многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степенью переводимости и пространствами непереводимости» [11, с. 30].

Другим фактором, определяющим актуальность обращения к языковому пространству города, является характерная для современной лингвистики тенденция изучения языка в аспекте регионального существования. Работы, посвященные региональному существованию языка, в последние десятилетия сосредоточены на описании особенностей городской речи – как устной, так и письменной. Материалом исследования становятся так называемые *городские тексты* и *городские номинации*. Под первыми мы понимаем искусственные и естественные произведения различных жанров публицистического и разговорного стилей (газетные статьи, объявления, деловая и дружеская переписка, граффити, коммерческая информация, записки, SMS и т.п.), под вторыми – наименования городских объектов.

В лингвистических работах начала XXI века наблюдается всплеск интереса к городской номинации: изучаются эмпоронимы (наименования торговых объектов), эргонимы (названия организаций, учреждений), годонимы (наименования улиц) и другие разновидности урбанонимов. Такой интерес не случаен, поскольку наименования городских объектов отражают особенности современной языковой ситуации, транслируют культурные смыслы, демонстрируют результаты когнитивных процессов в сознании человека. Объектом исследования в представленной работе являются наименования торговых объектов города Абакана, рассматриваемые в совокупности их лингвистических и экстралингвистических компонентов.

Цель и методы исследования

Множество работ в области городской номинации посвящено выявлению структурно-семантических особенностей и мотивационных признаков наименований (см, например, [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 12]). Как правило, в работах, посвященных анализу номинаций одного города, ставится задача выявить специфику данных наименований, описываются структурно-семантические особенности, нормативный же аспект затронут незначительно [10]. Проводимое нами исследование перемещает фокус на изучение процесса нормализации, что позволит описать переход от множества к системе в области эмпороники.

Основной задачей представленного исследования является рассмотрение процесса формирования нормы (нормализации) в области эмпороники и описание выделяемых нами видов нормативности. Для достижения этой цели нами используется комплексная исследовательская методика: опросы, анкетирование и интервьюирование, ассоциативный эксперимент, наблюдение, описательный метод, компонентный анализ, метод оппозиций и т.д. Сочетание разных методик и привлечение к участию в опросах и экспериментах значительного числа респондентов обеспечило достоверность результатов и выводов. Всего было опрошено 516 человек 17-76 лет, обоих полов, с разным уровнем образования (среднее

/ среднее профессиональное / высшее / дополнительное послевузовское) и сферой деятельности.

Результаты исследования

Как правило, рассматривая урбанонимы в нормативном аспекте, исследователи уделяют внимание собственно языковому уровню: описывают случаи отклонения от орфографической, лексической, фонетической нормы. Мы полагаем, что такой многогранный объект исследования, как эмпороним, дает возможность для описания и других уровней нормативности. Комплексное изучение наименований городских торговых объектов Абакана позволило выявить следующие разновидности нормативности:

1. **Орфографическая нормативность** является наиболее исследованной разновидностью нормы в области эмпоронимики, она базируется на правилах написания слов в русском литературном языке: правилах слитного, дефисного и раздельного написания, правописании прописных и строчных букв и т.п. Отклонения от нее наблюдаются в случае написания строчной буквы вместо прописной в имени собственном, например, в названиях магазинов одежды «danza», «desam», «froggy», или в написании прописной буквы на конце наименования магазина детской одежды «ЭльF».

На наш взгляд, в качестве особой разновидности нормативности может восприниматься **графическая нормативность**, отклонением от нее является графическая контаминация (соединение латиницы и кириллицы в одной номинации): «Cherchez Ля Фам», «MEGA спорт», «Справтосауна», «EXTAZI», «ЕуроДом», «Londa де Люкс», «БИЖУ LAND», «LR ле рой», «ALBA обувь», «Модно и Точка!», «СтилиSSимо», «ФаСон», «ЕВРО MIX», «Галерея JEANS», «Мир Disney», «АКВА VITA», «Біном», «РЕСТОРАНОFF», «MTV-Абакан».

2. К **собственно языковой нормативности** относятся орфоэпические, лексические, грамматические нормы литературного языка.

Нарушение **орфоэпической нормы** проявляется в неблагозвучии наименования. Во время проведения эксперимента испытуемые неоднократно

но отмечали, что неудачными названиями они считают неблагозвучные слова, а благозвучие, по их мнению, порождает позитивное отношение к знаку. С точки зрения стилистики русского языка неблагозвучным считается труднопроизносимое, непривычное по звучанию слово, что может быть обусловлено стечением, повторением звуков (т.н. какофония) [14, с. 168]. Благозвучное слово, действительно, способно вызывать негативные эмоции, так, 396 из 516 (76,7 %) испытуемых отнесли к неудачным название мебельного магазина «Ангстрем», в своем решении реципиенты ориентировались на его звучание: «Не удобно произносить», «Очень сложно в произношении, плохо запоминается», «Наверное, в этом названии сочетание нескольких слов, но смысл «мебели» потерялся», «Тяжелое название», «Ассоциируется с грубой мебелью», «Плохо звучит» и т.п.

К случаям нарушения *лексической нормы* в наименовании торгового заведения мы относим несоответствие лексического значения слова названному объекту. Например, 78 % участников опроса (402 из 516 человек) сочло неудачным название магазина одежды «Amnesia», поскольку средний носитель языка знает, что слово *амнезия* обозначает потерю памяти, частотными реакциями на этот эмпороним были «Болезнь», «Потеря памяти», «Страшное слово»; демонстрируя явление «народной этимологии», опрашиваемые пытались объяснить возникновение наименования: «Зашел в магазин и забыл зачем», «Забыл одеться», «При покупке одежды теряешь память?», «Одежда, от которой сходят с ума».

3. Фоносемантическая нормативность. На необходимость рассмотрения данного вида нормативности нас натолкнули результаты фоносемантического анализа, объектом которого стали наименования, предъявляемые респондентам для выявления удачных и неудачных эмпоронимов. Фоносемантический анализ названий проводился с помощью программы ВААЛ-мини, целью применения которой является оценка неосознаваемого эмоционального воздействия фонетической структуры текстов и отдельных слов на подсознание человека [13]. Исследование показало, что наименования, отнесенные участниками опроса к неудачным, как правило, имеют негативную фоносемантическую характеристику. Например,

375 (72,7 %) респондентов посчитали неудачным название агентства кадровой безопасности «Полиграф», что соотносится с его отрицательной фоносемантической характеристикой: по оценке программы ВААЛ, слово *полиграф* производит впечатление чего-то *страшного, шероховатого, темного, тихого, пассивного, тусклого, печального*.

Под **фоносемантической нормативностью** мы понимаем совпадение коннотативного компонента наименования, включающего в себя эмоциональную оценку, с оценкой фоносемантической. Несовпадение их может рассматриваться как отклонение от фоносемантической нормы. Результаты проведенного опроса и фоносемантический анализ предъявляемых наименований позволили выявить группу эмпоронимов с положительной фоносемантической характеристикой, отнесенных респондентами к неудачным, и удачные, по мнению информантов, эмпоронимы с отрицательной фоносемантической характеристикой. Так, воспринятое как удачное название охранного агентства «Форт», по оценке программой ВААЛ, производит впечатление чего-то *плохого, отталкивающего, страшного, шероховатого, угловатого, злого, темного, тяжелого, грубого, слабого, тихого, хилого, грустного, медлительного, пассивного, тусклого, печального*. У данного наименования негативная фоносемантическая оценка корректируется денотативной семантикой слова, ассоциирующегося с укреплением, надежностью, мощью, что и способствует его положительному восприятию респондентами.

Слово *амнезия*, напротив, несет положительные коннотативные смыслы: производит впечатление чего-то *светлого, нежного, яркого*, что предполагает соответственный эффект воздействия, но реципиенты соотнесли наименование магазина одежды «Amnesia» (то есть его денотативную семантику) с обозначаемым объектом и отметили, что оно не соответствует специфике заведения.

4. Рассмотренные выше примеры подтвердили идею о существовании комплекса устойчивых ассоциаций и оценок, возникающих у носителей языка по отношению к определенному слову, и позволили выявить **ассоциативную нормативность**.

Эмпоронимика является областью, стихийно возникшей, но в ней со временем начинают формироваться некие закономерности. Чаще всего авторы названий руководствуются собственной интуицией, языковым вкусом, ассоциативным рядом, что не всегда совпадает с устойчивыми представлениями, сложившимися в коллективном языковом сознании. Проведенный нами опрос показал, что 66,9 % респондентов (345 человек из 516 опрошенных) восприняли название магазинов строительных товаров «Барсуки» как неудачное и отметили несовпадение данного наименования с их ассоциативным рядом репликами: «возможно, перепутали с бобрами», «логичнее назвать “Бобры”», «ещё бы Бобры назвали». Тем самым информанты указали на то, что барсуки не ассоциируются в сознании представителей русской культуры со строительством [8].

Под *ассоциативной нормативностью* мы подразумеваем наличие комплекса сходных устойчивых ассоциаций к каким-либо явлениям, предметам, словам, характерного для значительного количества людей – носителей определенного языка.

Обширная работа по созданию ассоциативного словаря в российском языкознании велась с шестидесятых годов, результатом ее стали ассоциативные словари разных лет выпуска [17; 15; 16; 18 и др.]. Конечно, набор ассоциаций не должен восприниматься как нечто постоянное и неизменное: ассоциации к чему-либо могут со временем изменяться как у отдельной языковой личности, так и у коллективной, поэтому деятельность по созданию ассоциативных словарей продолжается по сей день. Полагаем, что проводимое нами исследование станет дополнением к подобным работам.

5. Примеры, подобные приведенным выше, дают возможность говорить о *мотивационной*, или эпидигматической, *нормативности*. Эмпоронимы вступают в отношения мотивации со словами русского и других языков, а также с другими наименованиями. Результаты опросов показали, что отсутствие мотивации затрудняет восприятие названия и способно вызвать негативные ассоциации, например, более 80% респондентов отнесли к неудачным наименования «Megagon», «Ангстрем»,

«Гута» по причине их немотивированности. Мотивированные наименования («Зодчие», «Торнадо») большинством респондентов были охарактеризованы как удачные. Все это свидетельствует о формировании в сознании носителей языка устойчивых представлений о том, какие мотивационные признаки должны быть положены в основу наименования того или иного городского объекта, что было отражено в высказываниях: «Неправильное название», «Название не соответствует заведению», «Лучше бы они назвали фирму ...».

Заключение

Рассмотрение эмпоронима как сложной семиотической сущности, представленной неоднородным планом содержания и планом выражения, позволяет говорить о разных уровнях нормативности. Результаты проведенного нами исследования показали, что применительно к наименованиям городских торговых объектов, кроме собственно языковой и орфографической нормативности, следует рассматривать также фоносемантическую, ассоциативную и мотивационную нормативность.

По данным изучения речевого материала предполагается выработка критериев целесообразности выбора наименования, что позволит сделать вклад в теорию и практику нейминга. Также планируется разработка методических рекомендаций по использованию результатов исследования в учебном процессе и деятельности по созданию наименований.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-14-19002.

Список литературы

1. Алистанова, Ф.Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 179 с.
2. Беспалова, А.В. Структурно-семантические модели эргонимов и их употребление в современном английском языке (на материале названий фирм, кооперативов и т.д.) [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Одесса, 1984. 181 с.

3. Бубнова, Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Смоленск, 2011. 285 с.
4. Вайрах, Ю.В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 218 с.
5. Грибанова, Л.В. Структурно-семантический и ономаσιологический аспекты номинации экономических объектов отдельного региона [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Брянск, 2002. 251 с.
6. Забелин, Н.Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 202 с.
7. Земскова, С.В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области РФ [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Самара, 1996. 192 с.
8. Кадола Т.А. Образы животных в наименованиях городских торговых объектов [Текст] // *Slavica Szegediensia VII: cikk- es tanulmánygyűjtemény / Felelős szerkesztő Györke Zoltan, Maruzsne Sebo Katalin. Szeged, 2011-2012. O. 97-104.*
9. Крюкова, И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке [Текст]: дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1993. 153 с.
10. Крючкова, М.Я. Многокомпонентные эргонимы в аспекте орфографии: проблема совершенствования нормы правописания [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 199 с.
11. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст]. СПб., 2000. 704 с.
12. Носенко, Н.В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты [Текст]: дис ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 218 с.
13. Проект ВААЛ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vaal.ru/prog/free.php> (дата обращения 25.10.2015).
14. Речеведение: Русский язык и культура речи [Текст]: курс лекций. В 2 ч. Ч. 1. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. 165 с.
15. Русский ассоциативный словарь [Текст]. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка

- ка. Часть I / Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. М.: «Помовский и партнеры», 1994. 224 с.
16. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский [Текст] / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М.: МГЛУ: ИРЯ РАН: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. 792 с.
17. Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / ред. А.А. Леонтьев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 191 с.
18. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь [Текст]. М.: ИЯ РАН, 2008. 194 с.

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СКРЫТЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИДИОМ

*Кайгородова И.Н.¹, Крутова И.Н.²,
Новикова Н.О.¹, Новикова И.И.³*

¹ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет»,
Астрахань, Россия

²ФГБОУ ВО Астраханский филиал «Саратовская государственная
юридическая академия», Астрахань, Россия

³ГАУ ДО «Астраханский областной центр развития творчества»,
Астрахань, Россия

Выделены две области синтаксической идиоматики – «явная» и «скрытая» и определён экспрессивный потенциал скрытых синтаксических идиом. Скрытые синтаксические идиомы регулярно воспроизводятся в устной диалогической форме речи. Эти образования связаны с понятием субъективная модальность. Они входят в систему коммуникативных средств языка, позволяющих типизировано обозначать общее.

Ключевые слова: коммуникация; синтаксическая фразеологизация; скрытые синтаксические идиомы; диалог.

THE EXPRESSIVE POTENTIAL OF THE LATENT SYNTACTIC IDIOMS

Kaygorodova I.N.¹, Krutova I.N.², Novikova N.O.¹, Novikova I.I.³

¹Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

²Astrakhan branch of the Saratov State Academy of Law, Astrakhan, Russia

³Astrakhan Regional Centre for Development of Creativity,
Astrakhan, Russia

Allocated the two areas of syntactic idioms – “clear” and “hidden” and defined the expressive potential of the latent syntactic idioms. Hidden syntactic idioms regularly reproduced in the form of oral dialogical speech. These structures are associated with the notion of subjective modality. They are part of a system of means of communication language that allows typed refers to the total.

Keywords: *subjective modality; communication; syntactic frazeologizatsiya; hidden syntactic idioms; dialog.*

Синтаксическая фразеологизация является сложным длительным процессом, в результате которого предикативные синтаксические конструкции приобретают в речевой деятельности семантическую целостность, синтаксическую неразложимость и пополняют арсенал готовых языковых средств. В своём развитии фразеологизация проходит следующие этапы: 1) речевую актуализацию, обуславливающую частоту употребления подходящих в типовой коммуникативной ситуации предикативных структур; 2) лексико-семантические изменения фразеобразующего предикативного сочетания слов (полная и частичная десемантизация компонентов; лексикализация грамматических компонентов); 3) семантико-грамматические изменения фразеобразующих единиц в составе предложения, следствием которых является нарушение соотношения плана выражения и плана содержания предложения (грамматическое значение аналитической предикативной конструкции не вытекает из суммы значений её компонентов).

Процесс трёхэтапного преобразования свободносинтаксических структур, сопровождающийся развитием в семантико-синтаксической структуре идиоматичности, называется нами синтаксической идиоматизацией. Предикативные структуры, прошедшие в своей эволюции выделенные этапы, мы называем синтаксическими идиомами [1, с. 10]. На наш взгляд, область синтаксической идиоматики может быть представлена двумя сферами: явной и скрытой. К явным синтаксическим идиомам могут быть отнесены предикативные образования, прошедшие путь синтаксической идиоматизации, в синтаксической структуре которых при наличии эксплицитных выразителей предикативности предикативные отношения являются свёрнутыми. Например: 1) свободносинтаксический генотип Прости, Господи – обращение к Богу с просьбой о прощении; 2) фразеологическая единица прости господи – ‘выражение, сопровождающее высказывание, резкость которого осознаётся самим говорящим’ (Есть же, прости господи, такие женщины! А? Где же в ней стыд? А. Чехов. Письмо). В качестве примера скрытой синтаксической идиомы можно привести предложения с отрицанием, которое не находит выхода в их информативном содержании: Чего он только не знает! = Он знает всё; Ты не можешь мне помочь? = Ты можешь мне помочь?

Скрытые синтаксические идиомы не связаны строгой закреплённостью своего лексического и грамматического составов. Содержание их семантической структуры перекрывает отношения между компонентами предложения, что приводит к неоднозначности высказывания. Процесс скрытой синтаксической идиоматизации обусловлен развитием асимметрии синтаксической семантики и семантической структуры предложения.

Скрытые грамматические категории прослеживаются при возникновении семантически релевантных синтаксических отношений, например, у речевых клише. Ср. речевые клише вежливости: 1) ХОЗЯЙКА: Что ты натворил нынче утром в курятнике? ХОЗЯИН: Так ведь я это любя! ХОЗЯЙКА: Спасибо тебе за такую любовь. Открываю курятник, и вдруг – здравствуйте! У всех моих цыплят по четыре лапки (Е. Шварц. Обыкновенное чудо); 2) Хлеб всегда жалко. А ты думаешь им (колхозникам) не жалко, когда этот хлеб прямо из-под молотилки в город перекачивают. Они его

сеяли, взрастили, они его убрали, и тут у них из рук хлеб берут – до свиданьице. *Это, думаешь, им легко?* (В. Солоухин. Мать-мачеха). В процессе синтаксической идиоматизации речевые клише с прагматическими значениями приветствия, прощания, благодарности становятся базой для создания синтаксических идиом нового витка фразеологизации, развивающих в своей семантической структуре новые семы: здравствуйте! ‘выражение удивления’, до свиданьице, *спасибо* ‘выражение неодобрения’.

«Явные» синтаксические идиомы составляют фразеологический фонд русского языка, «скрытые» синтаксические идиомы реализуют своё значение в той группе диалогов, в которой основу коммуникативной заданности составляет стремление второго собеседника выразить субъективно-модальное отношение по поводу полученной информации.

Интонация и порядок слов как средства субъективной модальности выступают в качестве модификаторов объективной модальности, переводя её в эмоционально-экспрессивную модальность, которая выражается в образно-чувственной, а не логической форме [4, с. 57]. Например, необходимую интонацию подсказывает порядок слов. Разнообразное использование интонационных средств «смещает» прямую семантику слов и словосочетаний: *Захотел ты в мае добра* (В. Даль. Пословицы русского народа); *«Жених, жених!»* – написано у всех на лбу, а он ещё не попросил согласия у тётки, у него ни гроша денег нет, и он не знает, когда будут, не знает даже, сколько он получит дохода с деревни в нынешнем году; *дома в деревне нет – хорош жених!* (И. Гончаров).

В синтаксической структуре «явных» синтаксических идиом при наличии эксплицитных выразителей предикативности предикативные отношения являются «свёрнутыми». Результаты процесса «явной» синтаксической идиоматизации кодифицируются во фразеологических и толковых словарях, нормативной грамматике русского языка.

«Скрытые» синтаксические идиомы не связаны строгой закреплённостью своего лексического и грамматического составов. Содержание их семантической структуры перекрывает отношения между компонентами предложения, что приводит к неоднозначности высказывания. Процесс

«скрытой» синтаксической идиоматизации обусловлен развитием асимметрии синтаксической семантики и семантической структуры предложения.

Для всего реестра синтаксических идиом общим является прагматический компонент. Прагматический компонент, возникающий в результате мыслительного акта, интерпретируется как отношение, несущее дополнительные измерения, отсутствующие в обычной грамматической организации языковой единицы [2, с. 116, 3].

Системный характер средств выражения «скрытой» идиоматичности на синтаксическом уровне проявляется в том, что в языке наряду с интонационными средствами существуют специальные модели высказываний, предназначенные для выражения отношения говорящего к чему-либо.

Метод комбинаторно-деривационного анализа позволяет увидеть, как формирование идиоматичности в семантической структуре предложения приводит к постепенному преобразованию свободносинтаксического генотипа в синтаксическую идиому [1, с. 103–109]. Например, вопросительное предложение с местоименным наречием куда является исходным для развития в его синтаксической структуре идиоматичности: Куда, куда вы удалились Весны моей златые дни? (А.С. Пушкин); *Пойди туда, не знаю куда...* Изменение категориального значения местоименного наречия куда сопровождается изменениями в пропозитивной семантике, что приводит к появлению в предикативном компоненте семантико-синтаксической структуры скрытых потенциальных сем, например, 1) сема возмущения: Закипает спор: о новой постановке в Художественном, ... о надоевшем хулиганстве футуристов (куда только полиция смотрит!)... (В. Лавров); 2) сема презрительности: – Колебайся не колебайся, всё равно им, этим царям, теперь шабаш. Куда ж им против нашего народа, против нашей державы? (И. Бунин. В саду); 3) сема превосходства: В то время в селе водили ещё хороводы по триста человек... Девушки в длинных платьях, как всё одно царицы или ещё лучше, в вышитых сарафанах. Песни запоют – куда тебе хор Пятницкого. Паша его с соседкой Марьей, если бывало, начнут выводить на два голоса протяжное, – не наслушаешься (В. Солоухин. Мать-мачеха).

Наречие куда утрачивает значение вопроса о месте действия, что приводит к переосмыслению пропозитивной семантики, к свёртыванию

предикативных отношений, и это находит отражение в формально-синтаксической структуре предложения, которая в большинстве случаев становится неполной (опускаются главные члены предложения). Пересмысленное предложение формально сохраняет свою предложенческую структуру, по сравнению с исходным предложением оно становится даже более распространённым за счёт введения локатива или адресата, но эти второстепенные члены не являются признаками сказуемого, они объединяются с наречием куда и выполняют функцию усилительной частицы. Ср.: Куда только смотрит полиция!; Куда тебе хор Пятницкого!; Куда ж им против нашего народа? На первом этапе деривации синтаксических идиом наблюдаем изменения в предикативном компоненте семантической структуры: вместо номинации события, факта, ситуации имеем экспрессивное выражение отношения к описываемому действию.

Выражение негативного или позитивного значения всегда опирается на знание ситуации, переданной контекстом. При этом контекст, в окружении которого функционирует данное предложение, гасит все другие смысловые и функциональные значения (побуждения, вопросительности и др.), заложенные в определённом типе синтаксической структуры, выявляя лишь значения отрицания/утверждения факта в реальной действительности, а также его положительной или негативной оценки.

Список литературы

1. Кайгородова И.Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка): Монография. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 1999.
2. Кайгородова И.Н. Речевые формы выражения чувственного сознания // Гуманитарные исследования. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2011. № 4 (40). С. 115–119.
3. Кайгородова И.Н., Крутова И.Н., Новикова Н.О., Новикова И.И. Эмотивные синтаксические идиомы в речевой коммуникации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/122-21229> (дата обращения: 15.11.2015).
4. Крутова И.Н. Прагматика эмотивных синтаксических идиом (на материале современной русской прозы): дис. ...канд. филол. наук. Астрахань, 2010.

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТАХ БЛОГОВ

Ковтуненко И.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье устанавливается, что в текстах блогов при формировании разноуровневых конструкций превалирует употребление парцеллированных предложений, что предопределяется нацеленностью субъекта речи на динамичное описание волнующих его событий, фактов и явлений. В результате экономии речевых средств создаются новые синтаксические конструкции с оригинальной структурой и семантикой. В качестве средств связи подобных конструкций преимущественно выступают сочинительные союзы а, но, что связано с их прагматическим потенциалом формировать разноуровневые конструкции.

Ключевые слова: сочинительные союзы; разноуровневые конструкции; парцеллированные конструкции; текст блогов.

COORDINATING CONJUNCTIONS AS MEANS OF FORMING MULTILEVEL CONSTRUCTIONS IN THE BLOG TEXTS

Kovtunenکو I.V.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The article specifies that divided up sentences while forming multilevel constructions prevail in the blog texts. It is connected with the fact the speaker aims at dynamic narrative of the events, facts and phenomena he / she is preoccupied with. As a result of speech means economy new syntactic constructions with original meaning and functions are created. As cohesive means of such kind of

constructions coordinating conjunctions a, но (and, but) are predominantly used. It is determined with their pragmatic potential to form multilevel constructions.

Keywords: *coordinating conjunctions; multilevel constructions; divided up constructions; blog texts.*

Технологическая эпоха создает уникальные возможности для языкового фиксирования и широкого распространения личностной информации в сети интернет. Исследователи указывают на тот факт, что интенсивное развитие таких технологий, как электронная почта, чаты и различного рода социальные сети с неизбежностью приводит к широкому распространению развоплощенного, лишенного плоти образа повседневной жизни [15, p. 21; 16, p. 223]. В представленной работе, анализируемый языковой материал является ничем иным, как репрезентацией блогсфер определенной тематики. Блоги представляют собой одну из динамично развивающихся виртуальных сфер профессиональной и межличностной компьютерно-опосредованной коммуникации. Это связано с тем, что эпоха постмодернизма характеризуется фрагментарностью и плюрализмом [3, с. 87-89; 127], что находит прямое отражение в языковом и речевом оформлении мыслей и идей, фиксируемых в блогах. В постмодернистском мировоззрении быстротечность, поток мыслей и фрагментарность порождают обостренное чувство того, как обстоят дела на самом деле [4, с. 73], что, в свою очередь, обыгрывается в блогах, обладатели которых стремятся создать определенные оригинальные самовыражения, в том числе, и на языковом уровне своих сообщений.

В представленном исследовании за основу берется самое общее понимание понятия «блог», которое может быть определено как сфера частотных, хронологически предопределяемых публикаций личностных смысловых позиций, комбинируемых с веб-ссылками. Блогосферу мы рассматриваем как своеобразный дискурсивный монтаж того, что происходит в личной жизни пользователя интернет сети, в виртуальном и объективном измерениях его жизнедеятельности. В рамках блога реализуется возможность порождения нового печатного или аудиовизуального

текста, который автоматически стыкуется с уже существующими, формирующими архив текстами, что позволяет фильтровать текстовые произведения в соответствии с датой их создания, автором и другими, в том числе, лингвистическими параметрами.

Блоги поддерживаются за счет диалога между различными пользователями интернет сети, стимулирующие и реагирующие реплики в рамках которого спонтанно связываются общей темой обсуждения. Эти диалоги происходят из исходной записи (реплики), реализующей некоторое значение, мнение одного голоса, и в результате формируют крупномасштабную гетероглоссию, выявляющую сложное семантическое содержание. Текст исходной записи может представлять собой спонтанно возникшую мысль или идею блогера, его оценочное суждение по поводу некоторого события, факта или явления, а также новостное сообщение. Другие пользователи интернет сети, воспринимая исходный текст, фиксируют свои реакции на прочитанное, как правило, делают попытку активного вовлечения в дальнейшее обсуждение.

Принимая во внимание все структурное и жанровое разнообразие блогов, можно сказать, что они налаживают сетевую коммуникацию одного голоса с бесконечным множеством других, сторонних («незнакомых» и «до конца не познанных») голосов. Указанный коммуникативный процесс реализуется в виртуальной среде, которая априорно предполагает крупномасштабную гетероглоссию адресанта текущей записи и адресатов, порождающих сиюминутные и отсроченные во времени реагирующие комментарии к данной записи в рамках как данного блога, так и своих личных блогов. Добавляя очередную запись в свой блог, автор потенциально ориентируется на обобщенный образ адресата, его психологический типаж [9, с. 41-42]. В сферу воздействия попадает преимущественно эмоционально-волевое состояние собеседника, вызванное текущей ситуацией взаимодействия, некоторым сложившимся положением дел, ставшим поводом для виртуального коммуникативного процесса. Блогер апеллирует к этому состоянию собеседника с целью вызвать обратную эмоционально-оценочную реакцию, создать условия для поле-

мического – гетероглосного и с учетом разных смысловых позиций – обсуждения насущной проблемы профессионального или социального характера. Другими словами, блоги можно рассматривать как такую коммуникативно-дискурсивную среду, в которой пользователи социальной сети интернет одновременно порождают и потребляют актуальное содержание, реализуя стимулирующие и реагирующие высказывания.

В современных лингвистических исследованиях наблюдается повышенный интерес к проблеме выявления языковых и речевых механизмов, которые задействуются участниками самых разнообразных коммуникативных процессов в целях манифестации эмоциональных состояний и предопределенных этими состояниями оценочных позиций [1; 10; 11]. С учетом данных изысканий можно отметить, что суждения и комментарии к этим суждениям на уровне блогов являются индивидуальной перспективой видения и оценочной интерпретации той или иной проблемы или состояния дел. Оценка в этой связи предстает общественным актом социального деятеля, реализуемым в диалогической форме посредством явных и скрытых коммуникативных средств.

Интересным представляются наблюдения, в результате которых удалось выявить некоторые особенности использования сочинительных союзов *а, но* в популярных блогах. Выбор указанных союзов связан с их статистическим превосходством по отношению к другим сочинительным союзам, таким как *и, или* и др. Традиционно сочинительные союзы признаются основным средством связи сочиненной конструкции. Сочинительный союз – это специфическое грамматическое средство с уникальными морфолого-синтаксическими свойствами. В грамматике признается существенная роль союзов в формировании структуры и семантики сочинительных конструкций. Сочинительные конструкции именно с учетом семантики союзов делятся либо на соединительные, заместительные и разделительные, либо на соединительные, противительные, разделительные, присоединительные и т.д. [6, с. 118-119].

Кручинина И.Н. в своей книге «Структура и функции сочинительной связи в русском языке», ссылаясь на С.О. Карцевского писала, что свой-

ства сочинительной связи объясняют ее способность создавать особый вид синтаксического движения. В отличие от подчинительной связи сочинительная связь служит для создания синтаксической и композиционной перспективы [8, с. 78-80]. Вслед за Кручининой И.Н., Холодовым Н.Н., Гавриловой Г.Ф., Малычевой Н.В. мы придерживаемся той точки зрения, что характер синтаксической функции союза зависит от того, какие синтаксические единицы и в каких условиях он соединяет. В данной научной работе предпринята попытка рассмотреть и проанализировать функциональные способности сочинительных союзов *a, no* в рамках популярных блогов.

В русском языке грамматическим средством выражения сочинительных распределительных (дистрибутивных) отношений является союз *a*. Связанные с этим союзом высказывания воспроизводят ситуацию, разделенную на равновеликие – одновременные, аналогичные по структуре и содержанию – части. Например: 1) *«Есть спортсмены-профессионалы, они играют за спортивный результат. А есть спортсмены-пассажиры, они играют, получают денежку и не парятся»* [14]; 2) *«Землянухин индивидуально сильный, нестандартно играющий футболист. А Иордания отнюдь не слабая команда, до этого тура шла первой в группе, опережая Австралию. А гол вышел просто отличный»* [14] – и в первом и во втором примерах, очевидно, что авторы данных реплик, используя сочинительный союз *a*, стремятся построить предложения аналогичные как по смыслу, так и по структуре.

Также нельзя не отметить и тот факт, что переключение сообщения на динамическое описание предопределяет употребление парцелированных предложений. Чаще всего парцелляты встречаются в тех случаях, когда предметом описания становятся мысли и ощущения, глубоко волнующие блогера. В таком случае все компоненты парцелированной конструкции, представляющие и ментальный, и предметный субъектно-речевые аспекты, принадлежат одному блогеру (ср. с художественным текстом, в котором предметный аспект ситуации принадлежит плану рассказчика, а второй, представляющий ментальный аспект ситуации и принадлежит субъектно-речевому плану персонажа). Ср.: 3) *«Это был*

человек долга, и он всегда исполнял свой долг. Мне с ним становилось несколько скучно. А ему было, видимо, скучно со мной» [13, с. 147] – представленный пример иллюстрирует функции сочинительных союзов, которые проявляются на уровне текста – несовпадение модально-временных планов, физическое состояние персонажа в соотношении с его внутренним миром. Более того, вводное слово «видимо» является основным показателем того, что в этом предложении представлены мысли именно автора, а не персонажа.

В блогах просматривается несколько иное соотношение, с точки зрения компиляции предметного и ментального аспектов содержания. Например: 4) «Я в большую романтическую любовь никогда не верила и не верю. А понимание любви, настоящей, правильной, пришло только после свадьбы» [5]; 5) «Расстояние между “взял” и “сделал” должно быть минимальным. А я всегда долго запрягаю» [5] – в представленных примерах оба аспекта принадлежат одному человеку, в нашем случае блоггеру. Можно с высокой вероятностью утверждать, что в блогах просматривается и тенденция к экономии речи. Например: 6) «Когда он [футболист Акинфеев – прим. ИК] был на пике, он мог переходить в европейские клубы, но нет же, Игорёк заявил, что он будет до конца в ЦСКА. Теперь он стоит там в раме, устанавливает новые антирекорды и гниёт» [14]; 7) «А ведь когда со шведами матч вытащил, все довольны были...» [14]; 8) «А ведь кто-то поставил на автогол в матче...» [14] – представленные реплики принадлежат трем блогерам, которые, используют союз *а* как сцепку в анализируемом диалогическом единстве.

В ответных диалогических единствах необходим перевод вопросной реплики в реплику повествовательную, то есть изменение функционального типа. Ср. следующие трансформации: 9) «Когда он [футболист Акинфеев – прим. ИК] был на пике, он мог переходить в европейские клубы, но нет же, Игорёк заявил, что он будет до конца в ЦСКА. Теперь он стоит там в раме, устанавливает новые антирекорды и гниёт, а ведь когда со шведами матч вытащил, все довольны...»; 10) «Когда он [футболист Акинфеев – прим. ИК] был на пике, он мог переходить в

европейские клубы, но нет же, Игорёк заявил, что он будет до конца в ЦСКА. Теперь он стоит там в раме, устанавливает новые антирекорды и гниёт, а ведь кто-то поставил на автогол в матче...»

Совершенно логично, что подобные операции допускают диалогические единства других типов. Таким образом, в результате экономии речи наблюдается активное вмешательство субъекта речи в ткань языка, образование им новых конструкций, новой структуры и семантики на базе уже существующей в языке соответствующей полной структуры, расширяя возможности системы языка. Другими словами, элиминация компонентов имеет своим результатом экономию речи не только за счет разового сокращения усилий субъекта речи, но и вводит в систему языка новые конструкции с новой семантикой и функциями (более подробно см. [7]).

Противительный союз *но* в русской грамматической системе служит для обозначения отношений противопоставления или разграничения членов предложения или целых предложений, а также для противопоставления отдельных однородных членов предложения. В «Словаре служебных слов русского языка» под редакцией Е.Н. Стародумовой данный союз рассматривается как многозначный, при этом семантически сложный. Как ведущий элемент значения отмечается «уступительность». Обязательный элемент значения *но* во всех употреблениях – «отрицание». В качестве частных значений зафиксированы: «ограничительность, уступительность (=несоответствие), противительность, возместительность» [12, с. 107-108].

На уровне блогов подобная семантика представлена в разноуровневых изоморфных синтаксических конструкциях с этим союзом. Например: 11) *«Хорошо, что обыграл. Ведь много схожих моментов было, когда он такими штучками обрезал всю команду». «Но в данном случае он имел полное право так сыграть, т.к. и Тимоцук, и Витцель были за линией мяча. А что касается потерь, то их предостаточно и у Динни, и у Кержакова, и у Быстрова, и это нормально – сложно взломать численно превосходящую оборону соперника, действуя “по учебнику”»* [14]; 12) *«Известный пример – Гоген. Был скучным сток-брокером и примерным*

семьянином с 5 (!) детьми. Рисовал в свободное время, иногда выставлялся. Экономический спад совпал у него с кризисом середины жизни: в 37 лет все бросил, подался в богему, уехал на Таити – и стал одним из наиболее влиятельных художников столетия». «Но ведь на Таити у него гормон играл!» [14].

Примеры (12), (13) легко подвергаются трансформации, также как и в аналогичных конструкциях с союзом *a* (ср. примеры (9), (10)). Например: 13) «Хорошо, что обыграл. Ведь много схожих моментов было, когда он такими штучками обрезал всю команду, но в данном случае он имел полное право так сыграть, т.к. и Тимощук, и Витцель были за линией мяча. А что касается потерь, то их предостаточно и у Данни, и у Кержакова, и у Быстрова, и это нормально - сложно взломать численно превосходящую оборону соперника, действуя “по учебнику”; 14) Известный пример – Гоген. Был скучным сток-брокером и примерным семьянином с 5 (!) детьми. Рисовал в свободное время, иногда выставлялся. Экономический спад совпал у него с кризисом середины жизни: в 37 лет все бросил, подался в богему, уехал на Таити – и стал одним из наиболее влиятельных художников столетия, но ведь на Таити у него гормон играл!».

Таким образом, в результате экономии речи наблюдается активное вмешательство субъекта речи в ткань языка, образование им новых конструкций, новой структуры и семантики на базе существующей в языке соответствующей полной структуры. Тем самым расширяются возможности системы языка. Следовательно, элиминация компонентов синтаксических структур имеет своим результатом экономию речи не только в форме разового сокращения усилий субъекта речи, но и введения в язык новых конструкций с новой семантикой и функциями. В подобного рода диалогических единствах второй собеседник тратит меньше усилий на выражение собственной позиции, так мысль, которую он хотел бы выразить уже оформлена другим участником блога. В этой связи профессор Г.Ф. Гаврилова отмечает: «экономичные построения – единицы более высокого порядка, чем полные: в них в меньшем объеме, но заложена та же информация» [2, с. 285].

Если рассматривать сочинительные союзы *a, no* в качестве средства связи в предложении, то они в системе языка выполняют достаточно универсальные функции. В блогах, однако, в разного уровня изоморфных синтаксических конструкциях с этими союзами возможно создание динамичного повествования, по своему содержанию представляющего описание внутреннего мира, психологии субъекта речи. Наличие подобного повествования создает эффект причастности адресата к жизни незнакомого, совершенно чужого человека. Думается, что такое численное превосходство в использовании союзов *a, no* в блогах также неслучайно. Можно предположить, что именно эти сочинительные союзы обладают наибольшим прагматическим потенциалом в формировании разноуровневых конструкций.

Список литературы

1. Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст. М.: «Менеджер», 2003. 391 с.
2. Гаврилова Г.Ф. Предложение и текст: системность и функциональность: монография. Ростов-на-Дону: Юнибук, 2015. 412 с.
3. Голубь Ю.Г. Симулятивная природа культуры эпохи постмодерна: философские и ценностные основания: дис. ... канд. философ. наук. Воронеж, 2009. 179 с.
4. Гревцева А.А. Постмодернистская парадигма культуры глобализирующегося мира: дис. ... канд. философ. наук. Орел, 2009. 147 с.
5. Живой Журнал // <http://britantseva.livejournal.com/15657.html#comments>].
6. Ковтуненко И.В. Описание синтаксической семантики союза «а» в словарях и специальных научных исследованиях русского и французского языков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 3 (105). С. 117-123.
7. Ковтуненко И.В. Синонимика сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в русском и французском языках, их межъязыковая транспозиция // European Social Science Journal. 2013. № 3 (31). С. 231-236.
8. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: Наука, 1988. 212 с.

9. Кудряшов И.А., Калашникова А.А. Блог как сфера реализации социокультурных стереотипов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2015. Вып. XVIII. С. 40-48.
10. Кузьменко Н.А. Косвенные экспрессивные акты в диалогической коммуникации: «грамматика экспрессий»: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 159 с.
11. Погребнова А.Н. Специфика представлений о базовых эмоциях в обыденном сознании русских и англичан: дис. ... канд. филол. наук. М, 2005. 256 с.
12. Стародумова Е.А. Словарь служебных слов. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
13. Токарева В. Повести и рассказы. М.: АСТ, 2013. 317 с.
14. Трибуна блог <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/televizor3/517305.html?comments=1>.
15. Lyon D. Would God Use Email // *Zadok Perspectives*. 2001. № 71. P. 19-31.
16. Nardi B., Schiano D., Gumbrecht M. Blogging as Social Activity, or Would you Let 900 Million People Read Your Diary? // *Proceedings of the Conference on Computer-Supported Cooperative Work*. NY.: AMC Press, 2004. P. 222-228.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОЙ НАИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Коростова С.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Статья посвящена исследованию эмоциональной составляющей русской наивной языковой картины мира на материале народных лирических песен. Тексты песен раскрывают особенности концептуализации эмоций в русском языковом сознании. Особое внимание уделено анализу любовных лирических песен, в которых представлены различные субъекты эмоционального состояния.

Ключевые слова: *концепты чувства и эмоциональной оценки; наивная языковая картина мира.*

EMOTIONAL CONSTITUENT OF THE RUSSIAN NAIVE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

Korostova S.V.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The article researches the naive linguistic view of the world on the material of Russian folk lyrical songs. The lyrics of the songs reveal the peculiarities of emotions conceptualization in the Russian linguistic consciousness. Special attention is given to analyzing love lyrical songs, where various subjects of emotional conditions are represented.

Keywords: *concepts of a feeling and emotional evaluation; naive linguistic image of the world.*

Культура, язык и эмоции представляют собой взаимозависимые понятия. Осуществляемые между ними взаимосвязи опосредуются ком-

плексом социально наследуемых знаний и отношений, сохраненных в семантике слов, паремиологических единиц и высказываний. В русской лингвокультуре эмоции отражают в языковом сознании говорящих многовековой опыт народа посредством универсальных и культурно специфических представлений об эмоциональных переживаниях. Исследование эмоциональной составляющей в русской лингвокультуре представляется актуальным, поскольку позволяет объяснить многие особенности коллективного языкового сознания, специфику речевого поведения говорящего в эмоциональной ситуации.

Нельзя не согласиться с известным исследователем русской языковой картины мира Ф.Г. Самигулиной в том, что «особенности национального языка создают для носителей этого языка не иную картину мира, а лишь специфическую окраску, обусловленную национальной значимостью определенных явлений, объясняемой спецификой образа жизни данного народа» [4, с. 479]. Значимость эмоций, внутренних переживаний в русском языковом сознании определяется существованием различных речевых жанров, предназначенных для их выражения. В работе впервые анализируются тексты русских лирических песен с точки зрения особенностей выражения эмоций, исследуется эмоциональная составляющая русской наивной языковой картины мира.

Рассматривая наивную языковую картину мира, было бы логичным прежде всего обратиться к национальному паремиологическому фонду. Действительно, в пословицах и поговорках конденсируется мысль, мудрость и опыт народа, результат познания им как окружающего мира, так и внутреннего состояния человека, его эмоций и чувств. Например, представление о цикличности эмоций и положительно или отрицательно оцениваемых периодов жизни человека передано в следующих пословицах: *Радость не вечна, и печаль не бесконечна; Счастье с несчастьем в одних санях ездят.*

В коллективном сознании русского человека эмоции и чувства всегда связаны с этическими оценками, например: *Добрый плачет от радости, а злой – от зависти; Лучшие пьют воду в радости, чем мед в кручине; Для*

кого труд – радость, для того жизнь – счастье; Гордым быть – глупым слыть; Где любовь да совет, там и горя нет.

В народной лирической песне воплощается эмоциональное состояние человека, его отношение к другим людям. Основным предметом изображения здесь – внутренний мир героя, его душевное переживание. Народная песня также становится предметом оценки в русских пословицах и поговорках, причем преимущественно мелиоративной, например: *С песней жить интересней; Кто песни поет, того кручина не берет; Без песен мир тесен.*

Анализируя тексты русских народных лирических песен, сохраненные во множестве вариантов в многотомном издании «Великорусских народных песен» А.И. Соболевского [5], мы обнаружили в разных по времени и по месту записи вариантах песен отражение одинаковых эмоциональных состояний субъекта переживания, одинаковое восприятие тех жизненных ситуаций, реалий, которые явились стимулом для выражения эмоции. Одна и та же эмоциональная ситуация может быть представлена в песне разными типами речи: диалогом (1), монологом, повествованием от 3 лица, однако чаще все же синкретичным повествованием (2,3) (цитирую в соответствии с современными орфографическими и графическими нормами – С.К.). Например:

*(1) Груша, ты, груша, ты, **моя**,
Груша ты зеленая **моя**,
Что ты невесело стоишь,
Знать, не весною сажена,
Или не поливана была,
Или не покрыта стояла?
«Девушка прекрасная, душа,
Любишь ли **ты**, радость, **меня?**» -
- Как **мне тебя**, друг, не любить?
По **тебе** сердце болит,
По **тебе**, радость **моя**,
По **тебе**, веселие **мое!**..*

... Пить было пиво и вино,
Лихо с похмелья тяжело;
Кто **меня** с милым разлучил,
Кто **мое** сердце сокрушил!

(2) Грушица, грушица **моя**,
Грушица зеленая **моя**.
Под грушею светлица стоит,
В светлице девица сидит,
Слезну речь говорит:
Катись, месяц, за лес, не свети!
Всходи, красно солнце, не пеки!
Стань, **мой сердечный**, в памяти!
Полно глаза **ты мои** жечь,
Полно из глаз слезы точить,
Полно бело лице мочить!
Я и так много терплю,
Грусть превеликую держу...
Грусть ко злодею отошлю;
Пусть злодей ведает и сам,
Сколь жить на свете тяжело
Без милого друга своего!

(3) Грушица, грушица **моя**,
Грушица зеленая **моя**,
Под грушею светлица стоит,
В светлице девица сидит.
Девица, девица, душа,
Что ты уродилась хороша?
Нам, холостым, сухота?
Нынеча стала как не та,
Где **твоя** девалась красота

*С твоего со белого лица?
Черныя брови как не те,
Ясные глаза не светлы,
Белое лицо да не бело! –
- Молодец, молодец душа!
Есть в моем сердце печаль:
Милого надежу мне жаль:
Верь, я тебе, друг, не солгу –
С грусти той в постелюшку лягу!»*

По нашим наблюдениям, отраженный в данных фрагментах песен сюжет повторяется еще в 8 любовных песнях, трансформируясь, обрастая деталями, в частности, упоминается предполагаемая причина тоски и душевного страдания героини – появление соперницы (*Знать-то иная у него, Знать, он иную полюбил, Знать-то полудше меня, Знать-то повежливее, Знать-то поприветливее...*), вводится фрагмент с утешением и сочувствием подруг («*Перестань, Маши, тужить, Можно лучшего нажать, Можно полюбить другого, Парня молодого, С черными бровями, С ясными очами!*»), уточняется место пребывания любимого – Москва (*Тужит, тужит обо мне на чужой стороне, На чужой стороне, Да во матушке во Москве!*).

Потребность публично выразить эмоциональное состояние, поделиться чувством заложена в концептуальном для русской культуры понятии соборности. Характеризуя соборность как «органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа», известный исследователь русской ментальности В.И. Колесов утверждает, что представление о соборности в противопоставлении к личной отчужденности отражено в номинантах ментальных и эмоциональных состояний: *думать, веселиться, дивиться, срам, беда* отражающих соборное действие, «тогда как соответствующие им слова *мыслить, радоваться, чудиться, стыд, горе* и проч. выражают индивидуальное» [1, с. 135-136]. Действительно, концептуализируя эмо-

ции, русский человек прежде всего понимал их как отношение к другому, как отношение с другим. Именно поэтому в фольклорных источниках обнаруживается устойчивая пара *радость-веселье*, поскольку сочетания «поделиться радостью» или «излить горе» в русском языковом сознании всегда предполагают, что «Я» соединяется с «ты» посредством «мы» [1, с. 136], например: *Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь, Ноньку с радости теперь да со весельица*. Народные формулы типа *радость и веселье, стыд и срам, правда-истина, любовь да ласка*, по мнению В.В. Колесова, в русском языковом сознании выражают «идеальность сущности и материальность явления», причем одно замещает другое, «иначе не мыслит себе русский человек любовь как через ласку, истину «мимо правды», а личную, идеальную в сущности радость вне материально выраженного веселья всех вокруг» [1, с. 256]. Русская ментальность предполагает нежесткую модель, именно поэтому в ее парадигме существует «возможность выбора: между **радостью** и коллективным **весельем**, между собственной **правдой** и абсолютной **истиной**, между личным **горем** и народной **бедой**» [1, с. 161].

Наивная языковая картина мира, сконцентрированная в лирической песне, вобрала в себя типичные для быта города и деревни реакции на изменения во внешней среде, представив в большинстве текстов женский взгляд на происходящее. Например, в любовных лирических песнях, монологичных по форме, отражена самооценка героини, которая «смолоду младшенька гульлива» была, но в какой-то момент оказалась перед выбором «сердечного друга» из множества претендентов. Характеристика известных героине мужчин позволяет говорить о тех качествах, которые в наивной картине мира русского человека отнесены к отрицательным: глупость, насмешливость, плутовство, простота, манерность, лукавство, грубость. Внешние достоинства также существенны для будущего суженого: он не должен быть толстым, чересчур красивым («он по нраву всем»), слишком большого роста. Табу на отношения с тем человеком, который нравится сестре, открывает в самой героине песни ее внутреннюю духовную красоту и свидетельствует о высокой значимости родственных чувств.

Позитивные качества любимого человека, представленные в лирических песнях, дают обобщенный портрет «добра молодца», дополняемый в соответствии с изменениями в коллективном сознании: *удалого молодца с государева дворца; лицом белым; У молодца кругло личко, Кругло личко, бело личко; Милый нравен всей душою, Милый нравен красотой: Ручки, ножки его маленькие, В лице щечки аленькие; Очи ясны – как у ясна сокола; Брови черны – как у черна соболя, Он чист, душа, речист, говорить, сердце, горазд, По немецкому убран, по-французски шит кафтан; Его личко – как беленький снежок, Щечки алы – словно розовый цветок, Брови черны, с подволокою глаза, На головушке кудрявы волоса.* Однако, как свидетельствуют тексты любовных песен, самое главное в любимом – это его холостое положение. Любовь к женатому мужчине представлена в лирических песнях как трагедия, при этом и по отношению к нему самому, и к сопернице с помощью отрицательно оценочных эмотивов и бранных слов выражается негативное эмоциональное состояние героини: *женатый – черт проклятый; женатый – проклятый, вор-насмешник; жена – шельма; А жена ж его – дура, Она дура, дуравица, Суровая рубаиница, Не подиштый хвостице, Накрывалка, отымалка; У женатого есть жена зубатая.*

Основной эмоциональный посыл лирических любовных песен – это страдание: от невозможности любить того, кого хочется, от измены, от разлуки, от тоски. Например: *Сердце любит, не спросясь чужих людей. Кто мил сердцу, мне нельзя того любить. Не любить – сердцу от горести изныть; Я не знала ни о чем в свете тужить; Пришло время, – начало сердце крушить; С вздыханьица сердечку тяжело. Я не вижу любезного своего; ...Я при миленьком резва и весела, Без любезного печальна и грустна.* Для процесса метафоризации эмоционального состояния страдания характерно обращение к лексеме *сердце*. *Сердце и душа* в русском языковом сознании предстают в большинстве лирических песен как вместилища страданий.

В сознании говорящих на русском языке концепты эмоций *страдание* и *радость* взаимообуславливают друг друга: в пресуппозиции представления о страдании существует знание о том, что оно не бесконечно и

всегда сменяется радостью, и наоборот, например: *Кто с вечера плачет, поутру засмеется; Сей слезами, радостию пожнешь*. Русское наивное языковое сознание отражает древнейшие представления о чередовании явлений и событий, желательных и нежелательных для человека. Эти представления находят отражение и в пословицах, и в лирических народных песнях.

Семантическая оппозиция *радость – страдание* акцентирует внимание на самом внутреннем состоянии, что отражается и в лексикографических дефинициях: «Страдание, - я, ср. 1. Физическая или **нравственная** боль, мучение. *Испытывать страдания. Умереть в страданиях*» [2; 760]; «Радость, -и, ж. 1. Веселое чувство, ощущение большого **душевного** удовлетворения. Испытывать р. Доставить р. Вне себя от р. (очень рад). С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью)» [2; 629]. Лексема *радость* полисемична, однако два последних значения не имеют отношения к выражению эмоций, скорее – к причинам, которые их вызывают: «2. То, что (тот, кто) вызывает чувство: *Радости жизни. Дети – р. Матери. Р. ты моя!* (часто в обращении). 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство. *В семье р.: приехал сын...*»). Лексема *радость* вступает в антонимические отношения с рядом слов, обозначающих негативное эмоциональное состояние, сопровождающееся нравственными страданиями: *грусть, кручина, огорчение, печаль, скорбь, тоска, уныние*, причем эти концепты различаются интенсивностью проявления эмоций и временем их действия на человека, например: ...**Кручинна** красна девица, **печальна**, *Никто ее кручинушки не знает...*

Радость видеть своего избранника, восторг, вызванный его достоинствами, также отражены в лирических песнях, причем и в монологической форме, и в диалоге с самим субъектом оценки: *Как ты знатен, как преславен, молодец! Красоты твоей не можно описать И примера невозможно подыскать: Очи ясны – как у ясна сокола; Брови черны – как у черна соболя!; Моего-то любезного Нету лучшие из робят: Он повыше плечом, Порумянее лицом; Что походочка его – У сердечка моего; Поговорочка его – у ретивенького....*

Песни зафиксировали и сам процесс внешнего изменения человека в эмоциональном состоянии влюбленности, например: *Ко мне миленький подходит, Крепко ручку мне-ка сжал, Я руки не отнимала, Откуль взялся в лице жар?..* Типичным для лирических женских песен можно считать сравнение чувства любви с болезнью, отождествление эмоционального состояния с физическим: ... *У девушки сердце ноет; Сердце ныло – занывало, Красота с лица спадала. Красота с лица спадает, Меня милый не узнает...; ... Расплохое-то мое здоровьице Без дружка милого, еще без дружка!*

В любовных песнях представлена также ситуация измены со стороны героини, в этом случае болезнь трактуется как наказание за неверность, например, в диалоге героев: «- ...Любушка-сударушка, скажи про здоровье!» - «В меня, миленький дружок, болит животочек: От животочка, миленький, болит ретиво сердечко» - «Любушка-сударушка, сама же виновата: С другим спозналася...»

Эмоциональное состояние героя, находящегося в разлуке с любимой, оценивается как высшая степень душевной боли, избавиться от которой можно только лишившись жизни, например: *Ненаглядная красна девица Все с ума нейдет, все мерещится... Как лишит бы меня свету белого, Положить бы во гроб прежде времени... Ах, вы, братцы мои, вы товарищи! Сослужите вы мне службу братскую – Бросьте меня в Волгу матушку – Утопите мою грусть-печаль-тоску!..*

В русском языковом сознании концепты эмоций обладают свойствами «очеловечивания», непредсказуемости и неконтролируемости, что определяет их тесную связь с ключевыми концептами русской культуры – *судьба, доля, душа, смерть*. Например: *Судьба, судьба моя несчастная, злая-горькая судьба! Сросла, девушка, без матери-отца, я без братца-то без ясна сокола; Никакой судьба отрады мне сердечку не дала. В огорченице-то меня судьба, ах, что судьба, привела... Жалобы на судьбу, долю вызывают сочувствие, сопереживание у слушателей, в сознании которых оценка собственной участи может изменить свой знак с негативного на позитивный. Говоря о концепте «судьба», Л.О. Чернейко замечает: «Словом *судьба* человек оформил идею, воплотившую его реальную*

зависимость от внешних обстоятельств, и наделил ее сверхъестественной силой. В обыденном сознании эта идея обретает вид мифа, того, что принимается на веру, не требуя доказательств истинности» [6, с. 331].

Наивная картина мира, представленная в текстах лирических народных песен, включает в себя эмоционально-оценочное отношение к различным жизненным ситуациям и их участникам. Типичными эмоциональными концептами лирической песни можно считать *страдание* и *радость*. Частые песни, в отличие от протяжных, в большинстве своем передают радостные события в жизни: приезд любимого, его красоту, его ласковое отношение к героине. В протяжных народных лирических песнях отражены типичные ситуации, которые вызывают страдание, печаль или тоску: разлука с милым, измена любимого человека, его пристрастие к вину. При этом негативный опыт страдания оказывается важнее для русского коллективного сознания, чем кратковременный опыт радости.

Создание лирических любовных песен, публичное выражение эмоционального состояния тесно связано с феноменом соборности, характерным для русской языковой картины мира. В то же время следует отметить, что интерпретация жизненных ситуаций в сознании русского человека динамична, подвержена изменениям, следовательно, и способы языковых репрезентаций эмоций оказываются зависимыми от исторических, социокультурных условий, опосредованно формирующих языковую картину мира.

Список литературы

1. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: «Златоуст», 1999.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН. М.: АЗЪ, 1994.
3. Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь/ Авт. В.И. Зимин, С.Д. Ашурова и др. М.: Школа-Пресс, 1994.
4. Самигулина Ф.Г. Языковое сознание и культурная специфика эмотивной картины мира: прагматика диминутивности // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтничного региона: Материалы I Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 5-7 ноября

- 2014 года) / Под общ. ред. Е.А. Жуковой, И.В. Ковтуненко, Е.В. Маслаковой, О.М. Холомеенко; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. С. 478–483.
5. Соболевский А.И. Великорусские народные песни. Т. 4, 5. СПб, 1899.
 6. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко. М., 1997.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ СТАТУС СОБЕСЕДНИКОВ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЕГО МАНИФЕСТАЦИИ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Котова Н.С., Кудряшов И.А.

Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону,
Россия

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

В условиях диалогического взаимодействия собеседников язык оптимально реализует все свои эвиденциальные возможности, при этом определенные языковые характеристики проявляют стабильную тенденцию к адаптации к тем прагматическим условиям, в рамках которых осуществляется текущее взаимодействие с опорой на процесс распределения знаний среди участников взаимодействия. В статье показано, что общие в культурном отношении знания собеседников, их контекстуально предопределяемые пресуппозиции играют существенную роль в интерпретации диалогического взаимодействия, речевого поведения его участников, поскольку элементы этого взаимодействия – стимулирую-

чая и реактивная реплики – в семантическом плане кодируют актуальную информацию, в прагматическом отношении предполагают ее.

Ключевые слова: *диалогическое взаимодействие; эпистемический статус; эвиденциальные средства; язык и знание; стимулирующая и реагирующая реплика; констативный и вопросительный речевой акт; фатическая функция языка.*

INTERLOCUTORS' EPISTEMIC STATUS AND EVIDENTIAL MEANS OF ITS MANIFESTATION IN DIALOGIC INTERACTION

Kotova N.S., Kudryashov I.A.

Southern Russian Institute of management of Russian national economy
and state service academy under the President of Russian Federation,
Rostov-on-Don, Russia

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

In interlocutors' dialogic interaction the language optimally realizes all its evidential possibilities meanwhile the definite linguistic characteristics dynamically tend to adapt to the pragmatic conditions within the frameworks of which the current interaction is realized based on the knowledge distribution among the interaction participants. The article reveals that the culturally shared knowledge, their contextually predetermined presuppositions play the constructive role in interpretation of dialogic interaction and its participants' speech behavior as the elements of the interaction – stimulating and reactive turns – semantically code the actual information, pragmatically presuppose it.

Keywords: *dialogic interaction; epistemic status; evidential means; language and knowledge; stimulating and reactive turns; assertive and interrogative speech acts; phatic language function.*

Текущие лингвистические исследования, посвященные проблеме эвиденциальности, свидетельствует о том, что язык – через реализацию зна-

чений, соотносящихся с источником информации – обеспечивает говорящего субъекта целым рядом средств для выражения различной степени уверенности / неуверенности в достоверности актуализуемых фактов [3; 4]. Эти факты базируются на знании, полученном в результате восприятия действительности или личного опыта участия в социальной жизни. В рамках данной публикации знание интерпретируется как информация, зафиксированная в языковых средствах, инициированная одним из участников взаимодействия с целью ее последующей переработки адресатом с учетом исходной языковой формы ее воплощения.

Знание обнаружится в диалогическом взаимодействии с опорой на прагматический принцип «Не говори Другому того, что он уже знает». Через формулирование знаний индивид формируется как субъект речи, который обнаружит действенный источник информации, послуживший основанием для реализации его речевого действия [1, с. 31-32]. Эвиденциальность интерпретируется в лингвистике как грамматическая категория, экспоненты которой признаются как явный / косвенный способ передачи источника знания, фактических данных, составляющих пропозицию высказывания [5]. В условиях диалога собеседники попеременно меняются коммуникативными ролями говорящего и слушающего (более подробно см. [2, с. 25-27]). Речь автора стимулирующей реплики адресована конкретному Другому, организована таким образом, чтобы учитывать эмоционально-психологический, интеллектуальный образ этого Другого. Речь автора реактивной реплики, в свою очередь, оформляется с учетом того, в какой степени инициатор стимулирующей реплики осведомлен о его действительных знаниях относительно обсуждаемого факта, насколько эффективно задействует эти знания в целях конструктивного развития взаимодействия.

В момент вступления в диалогическое взаимодействие собеседники, как правило, обладают разным эпистемическим статусом, который представляет собой реляционный феномен относительно степени доступа к одному и тому же информационному домену у говорящего субъекта и адресата в определенный момент развития взаимодействия. Эпистемиче-

ский статус имеет непосредственное отношение к процессу распределения знания среди участников общения, который предполагает априорное наличие определенного знания у говорящего и слушающего при вступлении во взаимодействие. В этой связи Дж. Херитидж замечает, что каждый из собеседников обладает собственной информационной сферой, и в этих сферах может содержаться одно и то же знание, но, как правило, в разной степени полноты. Другими словами, коммуниканты имеют разную степень доступа к тому знанию, которое является актуальным для данного взаимодействия [6, р. 376]. Сценарий взаимодействия включает в себя набор допущений относительно того, кто из собеседников призван обладать какими знаниями, в какой мере говорящий и слушающий должны проявлять осведомленность по отношению к информационным сферам друг друга.

В этой связи, как представляется, в рамках эпистемического измерения диалогического общения понятие статуса связывается с понятием оценки, которое выявляет отношение субъекта коммуникации к самому характеру текущего взаимодействия, определяемого смысловой и структурной организацией связанных диалогических реплик собеседников. Реагируя на стимулирующую реплику, определяя ее прагматический тип (констативный или вопросительный речевой акт), адресат одновременно выявляет то, каким объемом знаний обладает говорящий в данный момент взаимодействия, призван он восполнить требуемые знания или подтвердить их действительность, детализировать или уточнить. Во всех этих случаях реагирующий собеседник положительно / отрицательно оценивает знания говорящего или тот источник знания, который им обнаружится в стимулирующей реплике.

Подобным образом слушающий проявляет эпистемический статус *Знание* + и, как правило, учитывает фактор адресата, предварительно вводя ту или иную информацию фатического характера. Например: (1) “*You look distant, and before you were positively glowing. ‘Lil, I’m not going to lie. I like you. I like you a lot. **But there are things you don’t know about me...**”* [8, р. 30]. В иницирующей диалог реплике говорящий экспли-

цирует свои знания относительно сложившейся ситуации. По мнению реагирующего собеседника, субъект речи обладает ложными знаниями, о чем он и заявляет в своей ответной реплике. Прежде чем указать, что первый собеседник обладает эпистемическим статусом *Знание –*, второй собеседник поддерживает фатическую функцию общения с тем, чтобы облегчить процесс восприятия негативной оценки имеющихся у партнера по взаимоотношениям знаний (ср.: *I'm not going to lie. I like you. I like you a lot*).

Оба собеседника могут обладать одинаковой степенью доступа к обсуждаемой информации, но проявлять разный уровень знания об этой информации, что формирует конфликт между их эпистемическими статусами. Асимметрия между эпистемическими статусами участников общения, по сути дела, становится конструктивным стимулом последующего развития взаимодействия. Частично действенной оказывается и обратная закономерность: позитивная симметрия между уровнями знания собеседников относительно актуализуемого факта (т.е. когда оба они обладают статусом *Знание +*) приводит к завершению взаимодействия, поскольку тема обсуждения является в этом случае исчерпанной. Негативная асимметрия (наличие у обоих собеседников статуса *Знание –*), напротив, способствует последующему эффективному развитию взаимодействия: участники общения в равной степени не обладают доступом к актуальному информационному домену, делают попытку совместно достигнуть нового знания, в том числе, и в форме предположений, всевозможных гипотез.

Процесс распределения знаний между собеседниками предопределяет диапазон диалогических высказываний, к которым прибегают участники взаимодействия для выражения своих намерений. Типы реализуемых в диалоге речевых актов можно рассматривать в качестве средства дифференциации тех действительных знаний, которыми обладают собеседники в момент вступления во взаимодействие, маркируют процесс распределения знаний в условиях данного взаимодействия. Наиболее последовательно указанный процесс реализуется, в частности, при ини-

циации констативных и вопросительных речевых актов, которые манифестируют, соответственно, реализацию имеющегося знания и запрос относительно тех знаний, которыми не обладает участник взаимодействия, асимметрию между наличием и отсутствием действенных знаний у собеседников. Этот контраст можно представить в виде следующей схемы (в которой «+» – наличие Знания, «-» – отсутствие Знания).

Схема 1.

Асимметрия знаний собеседников

Тип речевого акта	Говорящий	Слушающий
<i>констативный</i>	<i>Знание +</i>	<i>Знание –</i>
<i>вопросительный</i>	<i>Знание –</i>	<i>Знание +</i>

В рамках реализации констативных речевых актов говорящий субъект в целях обоснования своего эпистемического статуса *Знание +* может вводить известную ему информацию с помощью таких эвиденциальных средств, как *I think / Я думаю, что; I suppose / Я предполагаю, что* и т.д., которые ослабляют уверенность в достоверности знания, которое обнаружится в диалогической реплике. Вопросительные речевые акты определяют эпистемический статус *Знание –*, поскольку являются закономерными в диалогической ситуации, когда говорящий не обладает какими-либо знаниями и делает запрос информации в целях их восполнения. Вопросы различных типов служат конструктивным средством регулирования эпистемического несоответствия между участниками диалога (тем, кто задает вопрос, и тем, кто отвечает на него), кодирования той или иной степени информационного разрыва между собеседниками, обязательство адресата дать ответ на поставленный вопрос. Очевидно, что если говорящий субъект проявляет свой эпистемический статус *Знание –*, адресат воспринимает подобную коммуникативную ситуацию как возможность восполнить информационную лауну, если он обладает для этого достаточными знаниями. Указанный статус субъект речи актуализует, как правило, посредством следующих диалогических действий.

● Вопросительные речевые акты. Например: (2) ““*They had arrived at the end of the tour and were on the third-floor ballroom, where a vast collection of ornate candleholders was exhibited. ‘What’s the other category?’ Wanda was less interested in clay at this point than in Margaret’s manner of response. How could she know so much about this stuff and care so little? ‘Secondary or sedimentary clays. They travel.’ Finally Margaret stopped sounding like a bad recording of a boring textbook. ‘For centuries, they travel. Carried along by wind, rain, ice. They’re won thousands of miles from where they were initially formed.’ ‘So they’re less pure’* [7, p. 17]. Иницируя вопросительные диалогические реплики, первый собеседник проявляет своей эпистемический статус *Знание* –, выявляет отсутствие доступа к информационному домену, актуальному на данный момент общения, таким образом стимулируя партнера по диалогу к восполнению своих знаний, предопределяя коммуникативную перспективу последующего развития взаимодействия. Второй собеседник манифестирует достаточный уровень знаний об обсуждаемом факте (т.е. эпистемический статус *Знание* +), не просто сообщает требуемую информацию, а адаптирует ее к картине мира диалогического партнера (т.е. ориентируется на фактор адресата) в целях эффективного восприятия нового знания со стороны слушающего. В результате эпистемический статус субъекта восприятия информации меняется на *Знание* +, о чем свидетельствует иницируемое им оценочное суждение (т.е. адресат не только обогатился новыми знаниями, но и выразил свою точку зрения об этих знаниях). Существенные расхождения между эпистемическими статусами собеседников сглаживаются, диалог плавно переходит к следующей теме обсуждения.

● Констативные речевые акты, содержащие в своей структуре интродуктивный предикат *I didn’t know (that) / Я не знал, что... I had no idea that / Я и понятия не имел, что...* Например: (3) ““*The commander is here somewhere,’ Stephen assured Mike. ‘She just came in from Houston to learn everything in detail.’ ‘I didn’t know she had found that story particularly fascinating.’ ‘She flew in to meet you, in fact,’ Stephen said, far too innocently. ‘Don’t worry. We told her all about you.’ ‘Tell me you didn’t tell her this’ Mike*

grinned" [10, p. 42]. В процессе диалога второй собеседник, иницируя констативный речевой акт с вводным компонентом *I didn't know*, проявляет эпистемический статус *Знание* –. Первый собеседник, который обладает статусом *Знание* +, восполняет эту информационную лауну. При этом он учитывает фактор адресата, а именно воздействует на эмоционально-волевую сферу диалогического партнера (*Don't worry...*) с тем, чтобы облегчить восприятие нового знания для последнего. Эпистемические статусы участников общения уравниваются, однако, осознание нового знания вызывает у второго собеседника негативную реакцию (ср. с примером (2): подобный когнитивный процесс предопределяет положительную реакцию второго собеседника, который, в свою очередь, с опорой на новое знание включается в поддержание темы диалога). Другими словами, расширение пресуппозиций собеседника (т.е. смена его эпистемического статуса со *Знание* – на *Знание* +) не всегда выполняет в диалогическом общении фатическую функцию, способно породить ответную негативную реакцию. Возможно, подобная ситуация имеет место, когда говорящий субъект, сообщающий новую информацию, не в достаточной степени учитывает фактор адресата.

В момент вступления в диалогическое взаимодействие собеседники, как мы уже заметили, могут не иметь доступа к обсуждаемому информационному домену, обладать равным эпистемическим статусом *Знание* –. Например: (4) "... *she said: 'Well, you'll discover things. Your French is good and now you'll be able to perfect it. 'Who will I perfect it with?' 'I don't know. Valenna's friends. You'll meet people your own age, too. And they play chess in the parks. You could talk to the chess players. 'Will they talk to me?' 'I don't know. I expect to. 'Will I be able to play chess with them?' 'I can't say. You'll have to ask them. 'I looked at Alice and she was sweetly smiling, as if she were laughing at me or as if everything in the world were as easy as looking for shrimps in the pool. I wanted to tell her that I thought I'd feel stupid going round Paris begging people to talk to me or play games with me, but I didn't*" [11, p. 7]. В стимулирующей диалогическое общение реплике субъект речи формулирует тему для последующего взаимодействия, при этом оба собеседника не обладают доступом к информационному домену

знаний, который является необходимым для исчерпывающего обсуждения заявленной темы. Возможно, это предопределяется тем фактом, что в текущем диалоге обсуждается ситуация, которая будет иметь место в будущем, а поэтому никто не может проявить уверенности, что она будет протекать по определенному сценарию. Реагирующий собеседник надеется, что говорящий обладает эпистемическим статусом *Знание +*, а поэтому для восполнения информационной лакуны последовательно реализует вопросительные речевые акты.

Каждый последующий обмен репликами в составе анализируемого диалогического единства подтверждает негативную асимметрию эпистемических позиций собеседников (*Знание – / Знание –*). Однако фактический информационный обмен не стоит на месте: с учетом фактора адресата (а именно потребностей и эмоционально-психологического состояния адресата) инициатор диалога выдвигает умозаключения гипотетического характера, которые в отдельных случаях содержат эвиденциальные языковые средства, указывающие на то, что сам говорящий является источником информации (ср. *I expect to*). Подобная диалогическая активность субъекта речи, с позиции адресата, усиливает достоверность сообщаемой информации. Обладая статусом *Знание –*, говорящий субъект создает иллюзию информационной насыщенности диалога, что вполне устраивает самого адресата. Ср. эпистемические модальные средства в высказываниях инициатора диалога: *You'll meet people..., You could talk...*

Адресат, в свою очередь, верит говорящему, воспринимает его гипотетические суждения как достоверные высказывания, таким образом обогащается новыми знаниями (а его статус меняется со *Знание –* на *Знание +*). Доказательством этого предстает тот факт, что не прекращает общения, а задает новые вопросы, стремясь получить более детальное знание об обсуждаемой ситуации. Диалог, фактически, прекращается, когда инициатор диалога эксплицитно маркирует свой эпистемический статус *Знание –*. Он не может предоставить новую информацию, а поэтому адресат завершает общение, переходит к стадии обдумывания полученного нового знания. Таким образом, негативная симметрия эпистемических статусом собесед-

ников (*Знание – / Знание –*), фактически, является конструктивным прагматическим фактором плодотворного развития диалогического общения.

Полагаем, что эвиденциальные языковые средства представляют собой – наряду с другими, доступным адресанту средствами – действенный способ актуализации знания, необходимого для эффективного развития диалогического общения, согласования эпистемических позиций собеседников. В диалогической речи говорящего субъекта данные средства не только отражают уровень уверенности / неуверенности в достоверности той информации, которая обнаружится, но и в рамках обсуждаемой ситуации манифестируют асимметричные отношения между тем, что говорящий субъект действительно знает и тем, о чем адресат фактически осведомлен. Рассмотрим следующий пример: (5) “*Rebus was looking around the cul-de-sac, trying to remember, from the photographs he had been sent, just where the body had been found. ‘It was there, I suppose’, he said. ‘Apparently’, Flight answered and pointed to a gate in the iron railings. Not at street level, but down some stone steps leading to a basement. The victim had been found at the bottom of the steps, same modus operandi as last night, down to the bite marks on the stomach. ‘It narrows things down’, Rebus said with a smile*” [9, p. 73]. В иницилирующей диалог реплике первый собеседник реализует собственное видение ситуации, актуализует свои знания об этой ситуации в форме предположения (*I suppose*). Манифестируемая говорящим субъектом неуверенность в том, что обнаруженный им факт действительно имело место в указанном месте (*there*), снижает эпистемическую обоснованность его утверждения. Маркер неуверенности (*I suppose*), по мнению говорящего субъекта, призван настроить адресата на выражение обратной связи в реактивной диалогической реплике, а именно на подтверждение представленного в исходной реплике факта. Реагирующий собеседник, однако, не реализует прямолинейного подтверждения данного факта. Прибегая к маркеру *apparently*, он заявляет, что сам обладает ограниченными знаниями об обсуждаемом факте и, размышляя над этим фактом, делает собственные умозаключения, которые находят поддержку у первого собеседника.

Таким образом, в диалогической речи эвиденциальные средства:

- на уровне иницирующей реплики отражают степень уверенности / неуверенности собеседников в истинности обсуждаемого факта;
- на уровне реактивной реплики выражают ту или иную степень согласия с тем, что информация, содержащаяся в иницирующей реплике, является достоверной, подтверждают действенность знаний, имеющихся у автора иницирующей реплики, их актуальность для текущей ситуации общения;
- на уровне диалогического единства создают особый фокус внимания в текущем взаимодействии: то, что адресат знает о факте, и то, что говорящий субъект признает наличие у адресата некоторых знаний об этом факте, оказывается в равной степени важным для эффективного взаимодействия.

Эвиденциальные и эпистемические средства играют конструктивную роль в организации диалогического взаимодействия, в процессе которого собеседники, реализуя свои текущие намерения, ориентируются на тот объем знаний, которыми они обладают. Эпистемические статусы собеседников *Знание +* и *Знание –* репрезентируют их информированность относительно обсуждаемого факта, события и явления, предопределяют сам процесс распределения знаний в текущем диалогическом взаимодействии, речевое поведение его участников в эвристическом освоении новой информации и расширении своих пресуппозиций. В результате проведенного исследования мы выявили тот факт, что распределение знаний проявляется прежде всего в формировании стимулирующих и реактивных диалогических действий собеседников, оценке уровня владения актуальной информацией, присущего партнеру по взаимодействию.

Список литературы

1. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. Т. 21. № 21. С. 30-33.
2. Кудряшов И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе. Ростов-на-Дону, 2005. 240 с.

3. Постева Е.В. Интродуктивные предикаты как прагматический способ ввода достоверной информации в репортажном высказывании (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 24 с.
4. Чепурная А.И. Языковое маркирование эпистемической ответственности автора публицистического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 22 с.
5. Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing // Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology. Norwood, NJ, 1986. P. 260-278.
6. Heritage J. Epistemics in Conversation // The Handbook of Conversational Analysis. Oxford, UK, 2012. P. 370-394.
7. Kallos S. Broken for You. NY: Vintage, 2007. 178 p.
8. Raisin R. Christmas at the Gingerbread Café. NY, 2011. 247 p.
9. Rankin I. Tooth and Nail. L, 2007. 361 p.
10. Shalvis J. Her Perfect Stranger. NY, 2012. 234 p.
11. Tramain R. The Way I Found Her. NY, 1997. 361 p.

МОДЕЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ

Нагиева Е.Б.

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются особенности речевой организации объяснения как основного компонента публичной лекции. Представлена типология объяснительных текстов с учетом их логико-смысловой и тема-рематической организации. Рематический компонент, вводящий новую информацию, как правило, требует объяснения и инициирует его последующую разработку в тексте. В зависимости от типа ремы (именной, качественной, акциональной) устанавливаются модели объяснительного текста, а также характерные для того или иного типа объяснения языковые средства.

Ключевые слова: *публичная лекция; типы текста; объяснение; логико-смысловая структура текста; тема-рематическое членение; именная; качественная; акциональная рема.*

THE MODELS OF THE EXPLANATION IN THE STRUCTURE OF PUBLIC LECTURES

Nagieva E.B.

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The article considers the specifics of speech organization of the explanation as a main component of public lectures. The typology of explanation texts is presented with due account for their logical-semantic organization and actual division. The rheme, which includes new information generally needs to be explained and activates a further elaboration of the explanation. The rheme

(nominative, qualitative, actional) predetermine the semantic programme of explanation texts as well as linguistic means.

Keywords: *public lecture; text types; explanation; logical-semantic structure; actual division; nominative; qualitative; actional rheme.*

В центре внимания лингвистических исследований последних десятилетий находятся коммуникативные процессы. Лингвисты, обращаясь к изучению текста, рассматривают его не как герметичное образование, а как коммуникативное явление, задаваясь вопросами: каким образом на организацию текстов влияет деятельность адресанта, его цели, психологические особенности, а также условия общения, специфика адресата и другие аспекты, определяющие особенности речевого продукта.

В русле лингвопрагматических исследований идет активный поиск моделей, структур, позволяющих выявить классификацию речевых построений. В едином коммуникативном пространстве выделяются типовые, воспроизводимые в речи формы (функционально-смысловые типы речи, речевые жанры, фреймы, сценарии и пр.). При этом речевой жанр, как одна из единиц общения, в последнее время занимает одно из ведущих мест в лингвистике, являясь перспективной областью исследований.

В статье будет рассмотрен жанр публичной лекции, получивший в настоящее время широкое распространение вследствие многократного увеличения информационного обмена. Материалом для данного исследования послужили публичные лекции из цикла «Академия» - известного проекта телеканала «Культура».

Среди основных факторов, влияющих на композиционно-семантическую и языковую организацию текста публичной лекции, необходимо отметить: официальность, публичность общения; совмещение непосредственного и опосредованного контактов; устную форму контакта; неподготовленность речи, относительную спонтанность и т.д. Однако главное отличие этого жанра заключается в подаче информации, интеллектуализированной, с одной стороны, и упрощенной – с другой, предполагающей перевод специальной научной информации на язык неспециального

знания. Адресант – человек, профессионально занимающийся научной проблемой, сообщает знания широкому кругу лиц, среди которых большинство – это неспециалисты. Таким образом, эффективность общения в значительной мере зависит от адекватности избранной говорящим стратегии и способов представления информации. Именно поэтому **объяснение** является основным компонентом публичных лекций.

В лингвистике объяснение рассматривается как функционально-смысловой тип речи или текста. Типология «рассуждающих» текстов была предложена Н.В. Бессмертной [1] и Э. Виттмерс [2]. С точки зрения этих исследователей, объяснение является подтипом рассуждения, наряду с доказательством, опровержением, умозаключением. Объяснение рассматривалось в рамках общей теории каузальности и средств ее реализации в предложении и тексте, а также как один из видов рассуждения [3,4,5,6]. Специального исследования текстовой природы объяснения с выявлением его основных моделей до настоящего времени не проводилось.

Потребность в объяснении возникает в ситуации информационного неравенства собеседников, когда один из участников ситуации общения знает и понимает больше, чем его собеседник, и в процессе общения хочет это неравенство преодолеть. Поэтому, на наш взгляд, особенно важно отметить, что объяснение – это не только выявление причины явления в поисках его истинной сущности, но и раскрытие обнаруженных закономерностей какого-либо явления адресату. Итак, **объяснение** можно определить следующим образом: функционально-смысловой тип речи, используемый в ситуации неравенства знаний (или опыта) адресата и адресанта и реализующий интенцию объяснения как представление знаний о явлении, ставшем предметом сообщения, в той речевой форме, которая делает эти знания ясными для понимания адресатом.

Предпринятый в работе анализ объяснения позволил выявить базовые схемы данного типа текста. Исследование было направлено не только на лексико-грамматические средства, но и на смысловые компоненты текстов-объяснений как опор, обуславливающих использование тех или иных языковых средств. В результате выяснилось, что в структуре объ-

яснений основными являются следующие три логико-смысловых компонента: 1) установление причинно-следственных связей объясняемого явления, 2) идентификация явления, 3) характеристика явления через детализацию. Каждому из данных подтипов свойственны соответственно языковые средства причинно-следственной семантики, конструкции квалификации и характеристики явления.

Анализ лекций показал, что объяснение с опорой на **причинно-следственные связи** является наиболее характерным, представляющим объяснение как разновидность рассуждения. Этот тип объяснения обладает устойчивой структурой, включающей в себя две обязательные части: экспланандум (тезис) и эксплананс (комментарий, состоящий из аргументов) и ряд факультативных: примеры, вывод (обобщение). Рассмотрим такой пример: *Нет ни одного подобного Новгороду объекта, над которым археологи работали бы из года в год десятилетиями. Накапливая все новые и новые материалы. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, Новгород – один из крупнейших центров древнерусской политической, культурной жизни, отличающийся, к тому же, особым государственным устройством. Новгород занимает совершенно особое место в истории российского государства. Напомню, что в Новгороде в тысяча восемьсот шестьдесят втором году был открыт памятник тысячелетия России...* **Во-вторых, Новгород не испытал разрушения в ходе монгольского нашествия. И многие процессы общественного развития не были, следовательно, столь жестоко реформированы этой общерусской катастрофой середины тринадцатого века...** [4]. В данном случае объяснение состоит из:

- тезиса-суждения: в Новгороде постоянно ведутся археологические раскопки;
- аргумента 1: Новгород – политический и культурный центр Древней Руси с «особым государственным устройством»;
- аргумента 2: монгольское нашествие не коснулось города и не повлияло на жизнь горожан.

Несмотря на то, что в научной сфере знаний при объяснении каких-либо фактов, явлений установление причинно-следственных отношений

занимает ведущее место, тем не менее, адресант может использовать и другие логико-структурные модели, например, **идентификацию** как способ «локализовать впервые вводимый в поле зрения адресата объект в релевантном денотативном пространстве или идентифицировать объект с ранее известным ему объектом, сведения о котором хранятся в «мысленном досье» в соответствующем участке памяти» [7, с. 39]. Например: *Кроме того, здесь же (в Новгороде – Е.Н.) был обнаружен значительный комплекс построек и сооружений, в том числе огромный **настил** в сто тридцать квадратных метров, датированный тысяча сто двадцать шестым годом. Этот настил был не чем иным, как специально оборудованным помостом, на котором могли собираться тяжущиеся стороны и судьи...* [4]. Объясняя, что такое настил, автор лекции указывает на:

- внешние признаки: размер (*сто тридцать квадратных метров*);
- назначение, функцию: *специально оборудованный помост, на котором могли собираться тяжущиеся стороны и судьи*;
- время возникновения (данного конкретного настила): *датированный тысяча сто двадцать шестым годом*.

Авторы лекций также довольно часто прибегают к **характеризации** явления через **детализацию**: описанию свойств объясняемого объекта (когда общее понятие или явление раскладывается на составляющие его признаки), конкретизацию общего через частное, а именно: *А с другой стороны, это **основная масса людей**. Это крестьяне. Это священство. Ну, за исключением иерархов. Это купечество. Это мещане, то есть, жители города* [1].

Выделенные в ходе исследования компоненты значительно облегчают работу с текстами-объяснениями, но не исчерпывают всех возможностей их структурирования. На наш взгляд, коммуникативную структуру текстов-объяснений лучше описывать с опорой на категории актуального членения. Это позволяет выяснить, как складывается поступательное движение информации в процессе речепорождения, а также чем обусловлена последовательность компонентов, определяющих семантическую композицию текста.

Основные модели текстов-объяснений можно представить в зависимости от типа ремы (именная, качественная, акциональная), так как в большинстве случаев именно рема, как новая информация, нуждается в объяснении и вводит объект объяснения. Рема определенного типа в начальном, исходном суждении предопределяет смысловую программу дальнейшего построения текста, а также характерные языковые средства (лексические, грамматические), которые являются актуальными в связи с разработкой того или иного типа ремы.

Исследованный материал показывает, что в публичных лекциях среди именных рем значимыми оказываются объяснения явлений, абстрактных понятий, лиц. Так, модель объяснения явлений, обозначенных существительными с **событийной семантикой** (*революция, война, переворот*), актуализирует акциональность, представление общего события через его частные проявления – микро-события. Текст данного типа включает в себя следующие компоненты: наименование ситуации: *В Англии началась промышленная революция* → события, представляющие эту ситуацию: *Переход к пару. Конец ремесленных дел. Начало промышленности* → последствия: *Осуществился переход к индустриальному обществу* [1].

Объяснение явлений, обозначенных существительными с семантикой **«процесс»** (*воспитание, революционная экспансия, подъем, противоборство*) строится с опорой на демонстрацию этого процесса, что актуализирует глагольную лексику представления действий в их развитии, движении, формы глаголов настоящего времени и несовершенного вида. Например: *Страна переживает бурный подъём* → *повышается уровень благосостояния, растет образование* → положительная/негативная оценка процесса: *рождается мощная экономика* [2].

При объяснении **абстрактных понятий** (*теория, концепция, направление*) разработка текста опирается на их идентификацию через представление ключевой идеи, вводятся основные признаки стоящих за этими понятиями явлений, имена сторонников и противников. Обратимся к контекстам: *Ну, конечно, думали русские люди не хуже других. Они всегда думали. Но тип той культуры, который был раньше, до Петра Великого, не предпо-*

лагал вообще никакой отдельной мысли. Это была культура религиозная. Сакральная. Традиционалистская. Это был период развития русского общества, который не предполагал выделения мысли в особую сферу [1].

В данном примере сначала дается номинация типа культуры: *тип той культуры, который был раньше, до Петра Великого* [= Допетровская культура];

- основная идея этого типа культуры (*не предполагал вообще никакой отдельной мысли, не предполагал выделения мысли в особую сферу*);
- выделение специфических отличительных признаков, причем характеристика дается через определения: *религиозная, сакральная, традиционалистская*;
- временные характеристики => используются временные распространители (*был раньше, до Петра Великого, период развития общества, который...*).

Объектом объяснения часто является **лицо**, введение которого в речи лектора требует комментария. Тексты этого типа состоят из таких компонентов, как: а) идентификация б) указание созидательной деятельности, подчеркивающей значение этого лица, с использованием глаголов с общим значением «создать, открыть, предложить что-то новое» (*принять реформу, дать законы, создать, осуществить, собрать, воссоздать*); в) характеристика с помощью прилагательных с разными видами оценки. Например: **Юрий Федорович Самарин**. *Это человек, который, как бы, создал научные, идейные предпосылки и дал вариант, по которому уже практические политики стали осуществлять реформу освобождения крестьян через общину, в общине. Он был также теоретиком земского самоуправления. И практикой земство ему многим обязано* [2].

- кем был, сфера деятельности: *теоретик земского самоуправления*;
- что сделал, его значение, результат его деятельности (используются глаголы СВ): *создал научные, идейные предпосылки и дал вариант, по которому стали осуществлять реформу освобождения крестьян*.

Тексты-объяснения с **качественной ремой**, выявленные нами в исследуемых лекциях, представляют характеристику какого-либо объекта или явления, в основе объяснений такого типа лежит описание качеств, значительное место занимает лексика с общеоценочным и частнооценочным значением, эмоционально-оценочная лексика, включающая оценку или описание чувств, эмоций, вызываемых явлением, которое служит предметом речи: *На каждом шагу мы слышим «великая Россия, величие Росши», и мне бы хотелось свою лекцию закончить вопросом, а что такое великая Россия, как понимать понятие «великая Россия и величие Росши»? Одни говорят, нас уважали и нас боялись, это была огромная страна, сильная армия, сильная промышленность, блестящее образование, и прорыв в космос и так далее и так далее [3]. Слова «великий, величие» предполагают положительную характеристику и, соответственно, лексику с положительной коннотацией (*уважали, огромная, сильная, блестящее, прорыв*). Так как в анализируемом примере речь идет о стране, то значимыми компонентами являются:*

- внешнеполитические отношения (используются глаголы проявления отношения: *уважали, боялись*);
- размер страны (*огромная страна*);
- характеристика основных ее составляющих, отраслей, систем (*сильная армия, сильная промышленность, блестящее образование*);
- открытия, сделанные в этой стране (*прорыв в космос*).

Объяснение с **акциональной ремой** отмечается редко, но в этих случаях строится на перечислении действий: *Пестель хочет всех русифицировать. Немец. Лютеранин. Всех русифицировать. То есть, многонациональная Российская империя должна вся переодеться в русскую одежду, говорить только по-русски, забыть все нерусские религии [2]. Так, мы видим, что глагол «русифицировать» предполагает ряд действий в различных сферах, выраженных глаголами: *переодеться в русскую одежду, говорить по-русски, забыть нерусские религии*.*

Таким образом, анализ материала показал, что разработка текстов-объяснений с опорой на специфику рематического компонента даёт

возможность выявить определенные типологические закономерности в смысловом развитии текстов и выделить характерные для каждого из типов лексико-грамматические средства. Предложенная лингвистическая типология имеет перспективу учебного использования, в частности, при обучении восприятию и порождению речи изучающих русский язык иностранцев. При работе с определенным типом текста-объяснения нужны задания, которые развивают прогностические способности учащихся (задания на продолжение тезиса или, наоборот, на формулировку тезиса в отношении группы аргументов, на отработку соответствующих тому или иному типу объяснения языковых средств).

Владение мастерством объяснения, логично выстроенного, оформленного с учетом конкретного коммуникативного задания, сферы и ситуации общения, ориентированного на диалог с адресатом и интеллектуальное воздействие, является важной составляющей современного общения, определяет его адекватность и эффективность. Изучение объяснения имеет принципиальное значение для понимания особенностей связной логичной речи, для овладения процедурой объяснения, играющей важную роль в познавательном процессе и в любом интеллектуальном общении. Исследование объяснения в аспекте РКИ предполагает изучение закономерностей порождения такого типа текста, а также средств речевого оформления объяснений, что помогает учащимся строить собственные тексты-объяснения и значительно облегчает восприятие лекций, а также любых письменных или устных научных текстов с элементами объяснения.

Список литературы

1. Бессмертная Н.В. К вопросу о типологии текста//Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. – Киев: Вища школа, 1978. С. 48-55.
2. Виттмерс Э. Целеустановка как способ организации содержания в текстах-рассуждениях//Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. – Киев: Вища школа, 1978. С. 180-186.
3. Куриленко В.Б. Учебно-научные тексты-объяснения//Вестник РУДН. Серия: Русский язык нефилологам, теория и практика. 2004. № 5. С. 128-140.

4. Луковникова О.Ю. Объяснение в научной и эстетической сферах функционирования языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 22 с.
5. Трошева Т.Б. Эволюция способов экспликации рассуждения в научных текстах XVIII – XX вв. в связи с тенденцией к расчлененности высказывания//Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1988. С. 97-107.
6. Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. 208 с.
7. Шмелёв А.Д. Парадоксы идентификации//Тождество и подобие. Сравнение и идентификация: Сб. науч. тр. М., 1990. С. 33-51.

Источники

1. Пивоваров Ю.С. «Русская история в зеркале русской мысли (лекция 1)» http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/156640/brand_id/20898/
2. Пивоваров Ю.С. «Русская история в зеркале русской мысли (лекция 2)» http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/156635/brand_id/20898/
3. Сахаров А.Н. «Россия как часть мирового цивилизационного процесса (лекция 2)» http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/156373/brand_id/20898/
4. Янин В.Л. «Человек XIII века» http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/156645/brand_id/20898/

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ВОИНА В СПЕЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ФЕЙСБУК»

*Полякова С.В., Жданова С.Ю., Мишланова С.Л.,
Пузырева Л.О., Печеркина А.В.*

Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермь, Россия

В статье представлены результаты исследования образа советских военнослужащих во время второй мировой войны на материале специальных групп социальной сети «Фейсбук». Выявляется, что отличии от современного образа советской армии как «другого» в официальном американском медиадискурсе, образ союзника – советского военнослужащего в тематических группах социальной сети представлен как положительный. В большей степени проявляется эмоционально окрашенный компонент, чем интеллектуальный компонент образа. Выявляется, что образ советских женщин-военнослужащих вызывает большой интерес и отличается особенной героизацией в комментариях американцев.

Ключевые слова: *образ советского воина; образ союзника; специальные группы «Фейсбук»; образ советской женщины военнослужащей.*

IMAGE OF A SOVIET SOLDIER IN SPECIAL GROUPS OF “FACEBOOK”

*Polyakova S.V., Zhdanova S.Y., Mishlanova S.L.,
Puzyreva L.O., Pecherkina A.V.*

Perm State University, Perm, Russia

The article is focused on the image of a Soviet soldier in the social network “Facebook”. It demonstrates that unlike the contemporary image of the Soviet

army as “the other” in the official American discourse, the image of the ally - Soviet soldiers in special groups about WWII is represented as a positive one. The emotional component considerably prevails over the intellectual component of the image. It is revealed that the image of Soviet women in combat is of greater interest and it is reflected through special glorification in the comments of the American participants.

Keywords: *image of the Soviet soldier; the image of an ally; «FaceBook» special groups about WWII “Facebook”; the image of the Soviet woman.*

Образ войны – комплексное явление, включающее ряд других образов таких как образ, противника, образ соперника, образ врага, образы коалиции или образ союзника. Восприятие участников военных действий зависит от широкого историко-психологического контекста и является предметом многочисленных междисциплинарных исследований «свой-чужой», «мы и они» в рамках новой науки имагологии [8, с. 10]. Образ восприятия субъективен и зависит от источника и канала передачи воспринимаемой информации. Кроме того, вопрос о том как конструируется «имагема» (тот или иной образ или стереотип в сознании наций) в зависимости от взаимоотношений стран — бывших союзников привлекает внимание ряда ученых исследователей [8, с. 12], [3, с. 16], [5, с. 81], [6, с. 56]. Проблема воздействия на формирование образа России и Советского Союза в США в сознании американцев изучается довольно интенсивно. В основном, материалами исследований служат официальные источники- архивы газет и журналов, документы военных лет, письма с фронта, высказывания и речи политиков, учебников, документальных кино и плакаты и другие материалы [2, с. 23], [4, с. 5]. В результате изучения работ по данной теме выявляется общая тенденция к изменению дискурса о войне, изменению образа России в направлении образа «чужого» с помощью специальных языковых средств и приемов профилирования (дегуманизации, манипулировании негативом, амбивалентности оценок) [2, с. 22]. Это приводит к закреплению негативных стереотипов о войне и искажению роли Советского Союза/ России в медиатексте, поскольку

«при восприятии «чужого», с которым был или, тем более, сохраняется негативный контакт, и особенно когда чужое угрожает «своему» (интересам, самооценке, комфортной стабильности и т.д.), отношение к нему преимущественно или полностью негативное» [7, с. 36].

Однако, вопрос о представлении Второй мировой войны и Великой отечественной войны в современных социальных сетях остается открытым и малоизученным. Актуальным остается также вопрос о формировании образа Советской армии, в частности, восприятии советского/русского воина у американцев.

Целью нашего исследования стал анализ материалов комментариев и публикаций о советских военнослужащих в специальных тематических группах социальной сети «FaceBook». Данные материалы относятся к ретроспективному медиа дискурсу. Исследователи медиапамяти отмечают общий демократизм Интернет-среды, поскольку «сетевая среда позволяет участникам выступать в разных ролях, создавать разные образы, в том числе и памяти, делиться опытом, который сам считаешь ценным, и делать это исключительно приемлемым для тебя способом [1, с. 73].

На сегодняшний день в сети «FaceBook» существует более ста групп о Второй мировой войне, насчитывающих от 20-25 до 16 тысяч человек. Количество участников в каждой группе увеличивается с каждым днем. Так, например, международная группа «WWII: everything» [9], созданная американскими пользователями в мае 2015 года включала 1715 новых членов, к ноябрю 2015 года количество составляет 4130 человека. В основном, участниками данного сообщества являются американцы (мужчины) в возрасте от 13 до 78 лет. Хотя в последнее время в группу включаются представители разных наций (чехи, французы, сербы, корейцы и др.). Многие из старших членов группы — бывшие военные, историки, преподаватели.

Рассмотрим несколько правил публикаций (постов) для группы: «A group created to appreciate all things WW2 and share knowledge. Keep that in mind and don't stray onto modern events or political topics folks, all which will be deleted without notice. ANY prejudice against ANY Nationality be it

U.S./British/German/Russian or otherwise will NOT be tolerated. WE have Discussions NOT arguments and all members shall be treated with respect... Subversive apology of national-socialism, racism, antisemitism or any form of such political commentary will not be tolerated...» («Группа создана для того чтобы оценить все, что связано со Второй мировой войной и делиться знаниями. Имейте это в виду, чтобы не сбиться на современные события или политические темы. Подобные высказывания будут удаляться без предупреждения. Любые предубеждения против любой национальности, будь то американские/британские/немецкие/российские, будут пресекаться. В нашей группе проходят беседы, а не споры и все члены должны относиться друг к другу с уважением... Подрывная деятельность, связанная с национал-социализмом, расизмом, антисемитизмом или иной формой подобных политических комментариев не допускается...») [9].

Наблюдения за развитием группы в течении нескольких месяцев показывают, что данные правила всегда строго соблюдаются. За период с мая по октябрь в группе было опубликовано свыше 5000 фотографий и комментариев к ним. Условно их можно разделить на технические и гуманитарные посты. К «техническим» постам и коллекциям относятся фотографии и описание танков, самолетов, кораблей, оружия данного военного периода, тогда как «гуманитарные» посты посвящены отдельным личностям, событиям и историям о Второй мировой войне. Анализ материалов позволяет сделать вывод о том, что социальные группы сети представляют альтернативный и независимый от политического давления и пропаганды источник информации о формировании образа войны в некой «нейтральной» виртуальной среде. Наш вывод согласуется с идеей Агеевой, о том, «...что за несколько лет сложилось инновационное информационное пространство – независимое и сложно контролируемое» [1, с. 74].

Методом сплошной выборки нами было отобрано 248 комментариев о советских военнослужащих в обеих категориях в трех тематических группах «FaceBook» [9], [10], [11]. В целом комментарии можно разделить на две группы. К первой группе относятся портретные и групповые фотографии советских военнослужащих – фотографии женщин (194 фо-

тографии и комментария), и ковторой группемуж – чин (54 фотографии и комментария). К наиболее «популярным» советским военным относятся Людмила Павличенко, Наталья Мерлин, Марина Раскова, Лидия Литвяк, Роза Шанина; Александр Покрышкин, Иван Кожедуб, Григорий Речкалов, маршалы Константин Рокоссовский, Иван Конев, Георгий Жуков и другие советские герои.

В фотографиях и комментариях выделялись следующие критерии репрезентаций образа: женственность; мужественность и героизм; личные военные достижения/истории.

Критерии женственности советских женщин – летчиц, снайперов, командиров, медсестер репрезентирован наиболее частотно в первой группе «Внешняя привлекательность». Чаще всего используются прилагательные «beautiful», «all pretty» (все хорошенькие), «all honeys» (все милые), «nice» (приятная), «gorgeous» (великолепная): «Brave and beautiful young heroine» (смелая и красивая молодая героиня): «How nice she looked, angelical look...» (Какая красиво она смотрела, ангельский взгляд).

Вторую группу можно условно обозначить как «Смерть и Красота». К ней относятся комментарии, в которых актуализируется не только внешняя привлекательность, но и подчеркивается, что такая красота несет смерть врагам: «Lady Death» (Леди Смерть, прозвище снайпера Людмилы Павличенко); «Russian Beauty but Deadly for Nazis!» (Русская красавица, но смертельна для нацистов); «Nice looking, but I wouldn't want to cross her!» (Приятная, но я не хотел бы пересекаться с ней); «The Lethal Soviet "Night Witches" of the 588th Night Bomber Unit (Смертельные советские "ночные ведьмы" 588-го Ночного бомбардировочного полка). Кроме того отмечается естественность и отсутствие позирования для фото: «Yes, very nice, a real fighter, no posing here» (Да, очень милая, настоящий боец, никакого позирования). Были выявлены и негативные высказывания о внешности, например: «They probably scared the Fritzes to death with their looks...» (Они наверное пугали фрицев до смерти из-за своей внешности...).

Отметим, что наиболее часто в группе «WWII: everything» выкладывают фотографии Лидии Литвяк — наиболее почитаемой женщины пи-

лота-истребителя. В ее образе отмечается молодость, женственность и обаяние: «very young, full of femininity and charm». Часто упоминается ее прозвище и радиопозывной «White Lily of Stalingrad» (Белая Лилия Сталинграда). Фотографии Лидии Литвяк и других женщин-героев отражают доминирующий тип женственности советской молодой женщины довоенного и военного времени, когда женщина выступала в друга, сестры, помощника и воина. Красивые, сильные, волевые, уверенные воины-женщины были одновременно и фемининными и мускулинными. Женщина становилась тождественной мужчине, его заменой, она была важнейшим элементом военной машины, неотъемлемой частью ее функционирования. В следующем примере (случай из жизни Людмилы Павличенко, один из комментаторов отмечает такие детали:

Kevin Jossick: Some of the press asked her typical questions. Like how does a woman wear makeup at the front? She answers “There’s no rules, no one has time to think about how shiny their nose is at the front” The press was brutal, one reporter implied her uniform made her look fat. She eventually had enough and said it has nothing to do what underwear she is wearing underneath, it is what the uniform stands for. The uniform she wears is stained with blood. (Кто-то из репортеров задавал типичные вопросы. Например, как может женщина носить макияж на фронте? Она отвечает: “Нет никаких правил, ни у кого нет времени, чтобы думать о том, несколько нос блестит на фронте”. Пресса была жестокой, один репортер намекнул, что военная форма ее полнит. Ей в конце концов надоело, и она сказала, что это не имеет ничего общего с тем, какое нижнее белье она носит под формой, это именно то, для чего предназначена форма. Ее военная форма запачкана пятнами крови).

Критерии мужественности в оценке советских воинов-мужчин и воинов-женщин репрезентированы чаще всего лексемами «brave» (храбрый/храбрая), «bravery» (храбрость); «fearless» (неустрасимый/неустрашимая), «gutsy» (бесстрашная), «dauntless» (разящий), например: «One of many Soviet women rewarded for bravery» (одна из многих советских женщин награждена за храбрость); «These Women were some of the bravest

soldiers ever» (эти Женщины были одни из самых отважных воинов); «That guy was simply a hero» (тот парень был просто герой).

В комментариях также присутствует и пейоративная лексика: «brutal» (жестокий), «incredibly ruthless» (невероятно безжалостный), «a serious deadly smile» (серьезная смертельная улыбка). Актуализация концепта «страх» осуществляется с помощью прецедентного имени «Ivan the Terrible» (Иван Грозный). Критерий мужественности репрезентирован, например, в следующих высказываниях: «Mariya Dolina poses in front of her Pe-2 dive bomber. 1944...it was so difficult to rotate the aircraft for take-off, that it would take the female pilot, AND the navigator to pull the yoke back hard enough to get off the ground» (*Мария Долина стоит перед ее Pe-2 пикирующим бомбардировщиком. 1944...настолько было трудно развернуть самолет для взлета, что женщине-пилоту И штурману нужно было тянуть ремень очень сильно, чтобы оторваться от земли*); «In this case it's just sheer admiration, 20 year old women flying planes with a top speed of 94 MPH without guns or radios at night!!» (В данном случае это просто сплошное восхищение, 20-летние женщины летают на самолетах с максимальной скоростью 94 мили в час, без пушек или радиоприемников ночью!!!). В комментариях также выражается восхищение женщинами-пилотами: «Russian Women Fighter Pilots were Awesome in Wwll !!!» (Русские женщины летчики-истребители были потрясающими во Второй мировой войне !!!); «Definitely a Man's job that they could excel at each & every day & way...» (Определенно, они могли отлично справляться с мужской работой в каждый каждый день ..); «Iconic photo of our brave Soviet ALLIES. Caps intentional» (Культовые фото наших отважных советских СОЮЗНИКОВ. Заглавные буквы использованы умышленно).

Критерий «Личные военные достижения/истории» репрезентирован в текстах – пояснениях к фотографиям и рассуждениях членов группы. Объем информации может вырваться от одного предложения до целого развернутого текста, как, например, в следующем комментарии о Людмиле Павличенко:

«She was removed from the front on Stalin's order ("We need more living heroes!") and sent to the US on a PR tour. Eleanor Roosevelt was impressed with her sincerity. She eventually finished her degree in Kiev and taught after the war, but sadly died of a heart attack at age 58...» (*Да, она была снята с фронта по приказу Сталина ("нам нужно больше живых героев!") и послал к нам на обзорную экскурсию. Элеонора Рузвельт была впечатлена ее искренностью. Она (Л. в конце концов закончила свое образование в Киеве и преподавала после войны, но, к сожалению, умерла от сердечного приступа в возрасте 58 лет).* В качестве примера комментария о советском военнослужащем — мужчине можно привести пример высказывания об Александре Покрышкине: «Stalin also relegated him considerably after the war. Not until after Stalin's death did he start getting more credit for his accomplishments. Khrushchev really liked him, luckily» (Сталин также значительно принижал его после войны. Только после смерти Сталина он начал получать большее признание его достижений. Хрущеву он действительно нравился, к счастью). Стоить отметить, что Сталин чаще упоминается в комментариях о советских мужчинах — воинах, чем в комментариях о женщинах. Иосиф Сталин выступает в качестве несправедливого злого диктатора, ломающего судьбы настоящих солдат.

Таким образом, в тематических группах о второй мировой войне социальной сети «Фейсбук» образ советских воинов (женщин и мужчин) и советской армии вызывает значительный интерес у американцев. Ретроспективный образ представлен в комментариях в большей степени как положительный, чем нейтральный. В образе проявляется более сильный эмоциональный компонент, чем интеллектуальный компонент. Выявляется, что образ советских женщин–военнослужащих вызывает большой интерес и отличается особенной эмоциональной оценкой и героизацией в сознании американских участников групп. Кроме того, субъективный образ советского воина в социальных сетях отличается от современных стереотипов американских медиатекстов, что может свидетельствовать о психологически гибком и независимом восприятии военных событий Второй мировой войны и участниками подобных социальных групп.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-16-59006).

Список литературы

1. Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестн. Том. гос. ун-та . 2012. №363. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-pamyati-memuarnye-svidetelstva-v-blogah-i-sotsialnyh-setyakh>. (дата обращения: 12.10.2015).
2. Гриценко Е. С. Дискурс, стереотипы и реальность: Россия и вторая мировая война в американских учебниках истории // Политическая лингвистика. 2010. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-stereotipy-i-realnost-rossiya-i-vtoraya-mirovaya-voyna-v-amerikanskih-uchebnikah-istorii> (дата обращения: 14.11.2015).
3. Жданова С.Ю., Мишланова С.Л. Образ войны в различных семиотических системах / Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 11-17.
4. Завьялова Ю.А. Стереотипные представления о Германии и СССР в письмах советских и немецких военнослужащих (1941–1945 гг.): лингвокультурологическое и лингвокогнитивное исследование. Афтореф. к. филол. наук Екатеринбург, 2015. 26 с.
5. Завьялова Ю.А. Стереотипные представления о России в письмах немецких солдат 1941 года / Ю. А. Завьялова // Политическая лингвистика. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2013. № 2 (44). С. 80–84.
6. Путенихина А. В. Трансформация образа США в советской прессе в период окончания второй мировой войны (1945–1949 гг.) / Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской 56 области №2 (9) 2015. С. 56 -60.
7. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 288 с.
8. Сенявская Е.С. Соперники, союзники, враги...Восприятия Великобритании, Франции и США в России в первой половине XX века / Обозреватель-observer. 2010 № 5. С. 86-101.

9. WWII: everything. URL: <https://www.facebook.com/groups/911124065575224/> (дата обращения 15.11.2015).
10. The Red Army 1917/1945. URL: www.facebook.com/groups/51057896576560 (дата обращения 20.11.2015).
11. World War Buffs. URL: <https://www.facebook.com/groups/WorldWar2Buffs> (дата обращения 25.11.2015).

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОТОБРАЖЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В АВТОРСКОМ СОЗНАНИИ

Тарасова Ю.В., Кравченко М.В.

Ростовский государственный экономический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Функционально-коммуникативный подход к метафорическим номинациям обеспечивает исследователей-лингвистов методологической основой для анализа метафоры в конкретных текстовых произведениях, дает возможность проводить изыскания, выявляющие специфические характеристики динамического функционирования метафорических номинаций и выражений в непосредственной зависимости от коммуникативной предопределенности речевого произведения. Актуализация прагматического и когнитивного параметров в анализе метафорических номинаций открывает новые возможности для определения соответствующего своеобразия процессов функционирования метафорических номинаций в разнообразных функциональных стилях речи, в том числе и на уровне художественного текста с учетом особенностей языковой личности и картины мира автора текста.

Ключевые слова: *метафорическая номинация; авторское сознание; концептуализация реальной действительности; прагматический троп.*

METAPHORICAL NOMINATION AS MEANS OF REFLECTING THE MENTAL PROCESSES IN AUTHOR'S CONSCIOUSNESS

Tarasova Y.V., Kravchenko M.V.

Rostov state economical university, Rostov-on-Don, Russia

Functional and communicative approach to metaphoric nominations provides the linguists-investigators with methodological basis for analyzing metaphor in particular texts, gives opportunity to conduct investigations revealing specific characteristics of metaphorical nominations and expressions dynamic functioning in direct dependence on speech creation communicative pre-determination. Actualization of pragmatic and cognitive parameters in metaphorical nomination analysis opens new opportunities for determining the corresponding peculiarity of metaphorical nomination functioning in various functional speech styles including at the level of the literary text taking into account the peculiarities of linguistic personality and the author's worldview.

Keywords: *metaphorical nomination; author's consciousness; reality conceptualization; pragmatic trope.*

Для современного состояния лингвистики характерно осмысление функционирования языковых единиц на широком фоне, включающем также внеязыковую действительность. В последнее время лингвистическая специфика употребления языковых единиц все чаще проверяются когнитивно-дискурсивными закономерностями их функционирования. Язык мыслится, соответственно, как один из многих возможных способов кодирования результатов, познания, как ментальный феномен, что, несомненно, продуктивно, поскольку позволяет на единой основе интерпретировать и объяснять ряд особенностей функционирующего вербального кода, которые ранее не могли получать адекватных толкований. Современные лингвистические изыскания в обозначенном выше аспекте

уделяют значительное внимание проблемам функциональной системы языковых единиц, когнитивным стратегиями их употребления в художественном тексте [6]. Язык рассматривается как продукт концептуализации реальной действительности, в рамках которой авторский дискурс включает в себя разнообразные индивидуальные семантические и синтаксические формы, отражающие системные когниции определенных объективных феноменов, фактов, событий, ситуаций и т.д.

В связи с этим, проблема понимания авторского дискурса непосредственно соотносится с проблемами когнитивной обработки языкового материала, осуществляемой читателем. В целях достижения успешной коммуникации с субъектом речи адресат прослеживает направление движения мыслей говорящего, осуществляет обоснование этих мыслей. Вследствие этого, в сферу исследовательского внимания попадает соотношение между объективным содержанием дискурса и внутренним когнитивным миром участников акта коммуникации, предполагающим метафорическое видение действительности. В основе когнитивно-дискурсивного изучения метафоры лежит признание взаимосвязи языковой и неязыковой природы образных явлений, в частности, идея о значимом соотношении метафоры и знания о мире, языковых и неязыковых знаний, обеспечивающих понимание смысла метафоры [2].

Метафора интерпретируется исследователями как наиболее прагматический троп, который традиционно характерен не только для языка поэтических текстов, но и текстов прозы. В метафорических наименованиях некоторое свойство какого-либо объекта переносится на другой объект или явление. Причем последний объект или явление не манифестируются в метафорическом тропе непосредственным образом, а всего лишь предполагаются или неявно подразумеваются. Метафорические наименования на уровне языка известны еще из античных времен. Стершиеся метафоры не оказывают на адресата особого эмоционально-волевого воздействия, не напоминают объекту воздействия о сравнении, которое первоначально заложено в них. Однако живая метафора призвана порождать, предопределять именно подобную реакцию со стороны адресата. Стершиеся метафо-

ры, полагается, невозможно именовать метафорами, поскольку таковыми они предстают исключительно в диахроническом отношении.

Метафору традиционно интерпретируют в качестве нерасчлененного сравнения двух никак не связанных объектов или явлений. Кроме языковой, вербально выраженной метафоры, подавляющее распространение на уровне художественного творчества представляют собой развернутые метафоры, так называемые – часто носящие индивидуальный характер – метафорические образы, порождаемые авторами. В целом ряде случаев целостный художественный текст манифестирует собой авторский индивидуальный метафорический образ. Текст, наполняясь метафорическими наименованиями и моделями, сам, по сути дела, превращается в развернутую метафору. Подобные художественные тексты являются объектом и предметом пристального междисциплинарного анализа, с опорой на лингвистическое комментирование образов и моделей.

В лингвистических изысканиях в качестве базовой разновидности метафоры рассматривается олицетворение, которое в ряде случаев именуется как прозопопея или персонификация. Когнитивная сущность олицетворения определяется тем, что характеристики живого объекта переносятся на объекты неживые. В результате образы неживых объектов функционируют в тексте как одушевленные существа, уподобляются живому. Олицетворению подвергаются, как правило, отвлеченные – абстрактные – понятия. Для иносказательной интерпретации абстрактных понятий активно задействуется авторами аллегория, являющаяся некоторым условным обозначением абстрактных понятий, которое, в свою очередь, базируется на определенном сходстве абстрактного понятия и конкретного явления или объекта.

Разграничение между отдельно взятыми тропами в подавляющем большинстве случаев предстает неясным и неточным. В частности, подлинно художественный эпитет возникает, прежде всего, на уровне переносного смысла словоформы. Подобный эпитет именуется как метафорический, так как он, как правило, манифестирует собой метафору в свернутом состоянии. Таким образом, внутри тропов исследователь имеет воз-

возможность наблюдать такое явление, как взаимопроницаемость. Другими словами, один троп преобразуется в другой троп, формируется смешение этих тропов, что для исследователя в некоторых случаях вызывает трудность определения того, какой же именно из тропов оказывается перед ним. Прагматический потенциал порождения «свежих» образных значений слов и словоформ, фактически, бесконечен. В данном случае мы имеем дело как в художественном мастерстве отдельно взятого автора, так и в возможности и тонком авторском чутье обнаружения ранее не известных, оригинальных сопоставлений объектов реальной действительности. Метафорическая номинация интерпретируется современными исследователями в сфере когнитивной лингвистики как наиболее эффективный метод языкового отображения творческой мысли автора текста.

Текущий анализ функциональных и когнитивных аспектов, связанных с процессами языковой метафоризации дает возможность определить такие функции метафорического образования в языковой системе, как:

- аксиологическая функция – обеспечение речевого произведения образной выразительностью, имитирование ощущения оригинальности и необычности, отображение эмоционально-оценочного (прагматического) отношения субъекта речи к актуализуемой внеязыковой ситуации, погружение адресата в сферу речевой экспрессивности;
- гносиологическая функция – одновременное отображение как прозрачности, так и стилистической окрашенности художественного высказывания, ясное, логически детерминированное моделирование мыслительного процесса, дающее возможность избегания в оценочных суждениях излишней многословности, обеспечения их лаконичного отображения в тексте;
- оценочно-экспрессивная функция – потенциальная способность раскрыть неявные смыслы, заложенные в художественном высказывании в рамках относительно широкого контекста и внеязыковой информации, например, в результате взаимодействия метафорических моделей друг с другом, вследствие чего в тексте порождается единый, целостно представленный образ, который выражает поло-

жительные и / или негативные коннотации словоформ, заключенные в отдельно взятой метафорической номинации;

- психическая функция – «психическое строение личности человека» становится когнитивной основой его погружения в акт восприятия объективной реальности с опорой на уникальное психолого-эмоциональное состояние.

Что касается функциональной действенности метафорических номинаций и моделей на уровне художественного текста (авторской речи), исследователи выражают мнение, согласно которому метафорические номинации и модели в комплексе выполняет следующие базовые функции:

- информативная функция: образные языковые структуры предопределяют адекватный характер реализации авторской информации о смыслах, значениях и интенсификации тех или иных признаков в словоформах, что, в свою очередь, становится основой для результирующего значения, связанного с метафорическим признаком в составе художественного высказывания;
- образная функция: кодирование / декодирование метафорическим выражением базового параметра того или иного объекта, явления, факта с опорой на порождаемый уникальный образ;
- символическая функция: метафорическая номинация способствует тому, что читатель адекватно интерпретирует зашифрованные автором знаки, авторское настроение в момент порождения текста; символы реконструируются на основе специфических авторских знаков, связанных с теми или иными эмоциональными переживаниями.

Метафорические номинации одновременно предполагают как сообщение неявной авторской информации, так и реализацию образного характера высказывания, в состав которого входит метафора. В связи с этим, наряду с представленными выше функциями, выявляется также эмоциональная и экспрессивная функции:

- эмоциональная функция метафорических номинаций реализует неявное авторское отношение к описываемым событиям, фактам, явлениям, порождает эмоционально-оценочный фон художественного текста;

- экспрессивная функция динамически способствует интенсификации образной выразительности той информации, которая сообщается автором в тексте или сегменте текста [1; 3; 5].

В плане самого художественного текста метафорические номинации и модели реализуют такие важные функции, как:

- стилеобразующая функция: метафорические номинации и модели принимают непосредственное участие в порождении авторского индивидуального стиля, стилистики целостного художественного текста и речевого произведения;
- жанрообразующая функция: метафорические номинации и модели становятся основой того, что сам художественный текст начинает маркироваться как относящийся к определенному жанру или целому литературному направлению;
- текстообразующая функция: метафорические номинации и модели характеризуются мотивированностью, развернутостью, т.е. легко декодируются, интерпретируются, усиливают эмоциональный образ, манифестируемый, выражаемый посредством стержневого слова.

Проявление метафорического языка художественного текста предопределяется исходными творческими установками автора. Другими словами, базовые и вспомогательные функции метафорических номинаций рамках художественного текста оказываются, как правило, нерасторжимыми, синкретически связанными друг с другом. Эти функции, в свою очередь, оказываются сопряженными друг с другом, одновременно реализуются как взаимно дополняющие друг друга, т.е. в комплексе.

В частности, детальное исследование актуальных для булгаковских текстов метафорических моделей дает возможность определить закономерности порождения авторского идиодискурса, когнитивную специфику мыслительных процессов автора. Определенной значимостью обладают доминирующие метафорические модели, которые частотно функционируют в тексте романа, являются детально развернутыми и расфокусированными по разнообразным текстуальным пространствам и текстовым сегментам. Приоритетными параметрами доминирующей мета-

форы в анализируемом тексте романа М.А. Булгакова, мы называем также уникальные индивидуальные для данного автора образы-концепты, которые неявно отображают действительную позицию создателя текста в плане изображаемых персонажей, событий, явлений. Одной из частотных концептуальных метафор, которые структурируют художественное пространство текста романа, является «Положение в государстве – это оперетка». Посредством указанной метафорической модели осуществляется уравнивание противоборствующих сторон – «гетманской страны», которая определяется как «глупая и пошлая оперетка», является не лучше и не хуже, чем «кровавая московская оперетка».

Автор в тексте романа стремится преодолеть ситуацию выбора, которая в реальной действительности (в условиях военного времени) преодолению фактически не подвергается. М.А. Булгаков позиционирует свою личность не как сторонника или противника одной из противоборствующих сторон, а именно как зрителя специфического опереточного действия, занимает остраненную позицию по отношению к тому, что в действительности происходит вокруг. Военные сражения, которые имеют место между французами и немцами, получают концептуализацию в тексте романа посредством зооморфных метафор. Например: *«Галльские петухи в красных штанах, на далеком европейском западе, заклевали толстых кованых немцев до полусмерти. Это было ужасное зрелище петухи во фригийских колпаках, с картавым клетком налетели на бронированных тевтонов и рвали из них клочья мяса вместе с броней»* [4, с. 27]. Истинную сущность событий военного времени, отражающих не только отечественную, но и общеевропейскую историю, автор мастерски выявляет посредством такого образного переноса по сходству, как когнитивная метафора. Данная разновидность метафорических номинаций отражает амбивалентный характер его действительной позиции. С одной стороны, концептуальная метафора имплицитно в себе ироническое отношение автора к тому, что происходит вокруг. Причем это отношение непосредственно связывается с театральным, а в некоторых случаях и с бутафорским началом. С другой стороны метафора выявляет авторское пессимистическое мироощущение и осознание того факта, что «оперетка», «игра», «театр» манифестируют собой

негуманные и очень жестокие действия, которые оплачиваются высокой ценою, а именно многими человеческими жизнями.

Метафорическая номинация заставляет исследователя обратить пристальное внимание на определенное сходство между двумя или несколькими явлениями, фактами, объектами. Указанное ординарное, но меткое наблюдение становится прочной основой для оригинальных выводов в плане семантики метафоры. Полисеманτικότητα слова, если таковая имеется, обуславливается непосредственно тем фактом, что в рядовом контекстуальном окружении то или иное слово обозначает одно, а в метафорическом контексте – другое. Однако в метафорическом контексте не всегда наблюдаются колебания. Вне всяких сомнений, можно проявлять скептицизм относительно правильности выбора адекватной интерпретации метафорической номинации или выражения из числа потенциально возможных, но проницательный читатель отличит образную метафору от необразной «неметафоры». Во всяком случае прагматический эффект воздействия метафорической номинации не ограничивается прекращением колебаний в текущей интерпретации текстового отрывка с метафорическим смыслом. Другими словами, потенциал речевого воздействия метафорических номинаций не связывается с подобного рода неоднозначности метафоры, проявляемой в рамках целостного текста.

Список литературы

1. Агеев С.В. Метафора как фактор прагматики речевого общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2002. 23 с.
2. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Метафора и ее персуазивные эффекты в публицистическом тексте // В мире научных открытий. 2015. № 5.6 (65). С. 2008-2022.
3. Базылев В.Н. Новая метафора языка: семиотико-синергетический аспект: дис. ... докт. филол. наук. М., 1999. 416 с.
4. Булгаков М.А. Белая гвардия. М.: Кучково поле, 2010. 272 с.
5. Ковалевская Е.В. Метафора и сравнение в публицистическом тексте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 172 с.

6. Кудряшов И.А., Пантелеев А.Ф. Проблема метафоры как пересечения доменов в концептуальной структуре дискурса // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 163-168.

ПОСЛОВИЦА И ПОГОВОРКА: К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

Хруненкова А.В.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В данной статье речь идет о разграничении терминов “пословица” и “поговорка”. С целью выявления дифференциальных признаков данных паремий проводится анализ существующих работ по данной проблематике. Для более четкого разграничения терминов автором статьи предлагаются семантические модели, участвующие в построении пословиц и поговорок и позволяющие выделить некоторые семантические компоненты, отличающие пословицу от поговорки.

Ключевые слова: пословица; поговорка; паремия; разграничение; критерий; семантическая модель; семантический компонент.

PROVERB AND SAYING: THE PROBLEM OF TERMINOLOGY

Khrunenкова A. V.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

The article is dedicated to the distinction between the terms “proverb” and “saying”. For the purpose of the distinctive features of these paroemias the anal-

yses of existent studies is conducted on this range of problems. For more clear differentiation of the terms the author of the article offers semantic models, participating in the construction of proverbs and sayings and making it possible to highlight the some semantic components that distinguish a proverb from a saying.

Keywords: *proverb; saying; paroemia; distinction; features; semantic model; semantic component.*

В современной науке вопрос о разграничении терминов “пословица” и “поговорка” до сих пор остается актуальной и неразрешенной проблемой, несмотря на сложившуюся уже достаточно длительную традицию изучения природы пословиц и поговорок, их структурно-семантических особенностей, функционирования в языке и целей употребления. В отечественной лингвистике попытки отграничить пословицу и поговорку, выявить их дифференциальные признаки и сформулировать общепринятые критерии, которые служили бы для разграничения данных паремий, были предприняты А.А. Потемной [1894], Е.А. Ляцким [1897], И.М. Снегиревым [1823], В.И. Далем [1957], Г.Л. Пермяковым [1970], М.А. Рыбниковой [1939], А.И. Молотковым [1978], В.П. Фелицыной [1964], В.П. Жуковым [1966], Ю.П. Солодубом [1984], В.М. Мокиенко [1989], З.К. Тарлановым [1970], Н.Ф. Алефиренко [1993], Л.Б. Савенковой [2002] и другими русскими лингвистами.

Изучая пословицы и поговорки, многие исследователи [5, 2, 11] отмечали, что между рассматриваемыми терминами трудно провести определенную границу, между ними много общего, поскольку пословицы и поговорки – это сложные образования, имеющие несколько разных планов, это явления языка, «устойчивые сочетания, во многом сходные с фразеологическими оборотами», в то же время это логические единицы, «выражающие то или иное суждение», а также это «художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме обобщающие (моделирующие) факты самой действительности» [13 с. 10].

В статье «Аспекты исследования славянской паремиологии» В.М. Мокиенко пишет, что с течением времени менялась точка зрения на тер-

мины “пословица” и “поговорка”. Изначально древнерусское слово “пословица” было многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и «соумышление», и вообще – согласие, мир. Одним из его значений было «краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция» [10 с. 6-7]. В Предисловии к Большому словарю русских пословиц В.М. Мокиенко и соавторы отмечают, что до сих пор «в народной речи, у писателей и журналистов, и у носителей языка, неискушенных в терминологических нюансах паремиологии, термины пословица и поговорка употребляются не дифференцированно» [8 с.4].

Следует обратить внимание, что в лингвистике имеется также достаточно устойчивая традиция объединять пословицы и поговорки в один класс, именуемый паремиями. Как справедливо заметил В.М. Мокиенко, «статус паремий разного типа и их терминологическая и классификационная интерпретация постоянно обсуждаются и будут обсуждаться <...> теоретически возможен самый широкий взгляд на определение паремий – от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста» [9 с. 11]. Добавим, что разнообразие точек зрения на проблему паремий и их дефиниционных представлений во многом зависит от того, какой критерий исследователь считает наиболее важным. Анализ основных работ по паремиологии позволил нам сделать вывод о том, что в основе разграничения понятий “пословица” и “поговорка” лежат 5 критериев, которых придерживались исследователи: *семантический, структурно-семантический, структурный, наличие – отсутствие переносного значения и наличие – отсутствие идиоматичности*. Остановимся более подробно на рассмотрении каждого из критериев.

Структурно-семантический критерий. И.М. Снегирев и В.И. Даль положили в основу разграничения пословицы и поговорки структурно-семантический признак. В содержании исследователи видели отличие пословицы и поговорки в том, что пословица заключает в себе истину, правду, нравственность и т.д., важные для жизни человека; пословица является суждением, поучением, а поговорка содержит намек, уподобление,

сравнение, это «оборот речи», «красное словцо» [16 с. 29, 31], «простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения» [3 с. 11]. Иными словами, пословица в отличие от поговорки обладает законченностью формы и мысли, содержит дидактический смысл, а поговорка является выражением, характеризующим действие, ситуацию и т.д. В своих исследованиях как И.М. Снегирев, так и В.И. Даль указывают на наличие двучленной структуры у пословицы и одночленной – у поговорки. Разграничивая оба термина, З.К. Тарланов также обращает внимание на содержание и структуру пословиц и поговорок со структурой предложения, поскольку другие поговорки легко отделить от пословиц по одному только структурному признаку. Пословица, по словам З.К. Тарланова, самодостаточна для отдельного функционирования, она не поддается идентификации при помощи слов-синонимов, в то время как поговорка должна быть включена в речевую единицу и может быть заменена совами-синонимами. По содержанию пословицы отличаются тем, что они выражают суждение или ряд суждений, носят обобщающий характер в отличие от поговорки, которая характеризует отдельные стороны предмета речи [17 с. 35-37]. Таким образом, обобщенность и отсутствие конкретной временной направленности являются важными критериями при разграничении рассматриваемых понятий.

Рассмотрев мнение группы ученых, которые в основу разграничения положили смысловой и формальный критерии, можно заключить, что пословицы и поговорки, с точки зрения исследователей, отличаются тем, что в пословицах, имеющих двучленную структуру, заключена важная жизненная истина, поучительность, а в поговорках, являющихся одночленными, содержится намек, красивый образ, но отсутствует назидательность.

Структурный критерий. Другая группа паремиологов дифференцирует пословицы и поговорки на основе структурно-грамматического критерия, который определяется с позиции замкнутости – незамкнутости структуры и, соответственно, завершенности – незавершенности высказывания. Так, в конце XIX века Е.А. Ляцкий утверждал, что «отличительной чертой пословицы как краткого изречения служит ее формальная двучленность,

тогда как поговорка в собственном смысле всегда одночленна» [5 с. 756], т.е. в ней всегда отсутствует какой-либо член предложения или отсутствующий член предложения является переменным. Эта теория получила свое продолжение, в частности, в работах Г.Л. Пермякова, который по грамматической структуре разделил пословицы и поговорки на 2 класса: 1) незамкнутые предложения, или предложения, клишированные не полностью, к которым автор относит поговорки (*Стреляет из пушки по воробьям*); 2) замкнутые предложения, или клишированные предложения от начала и до конца, которыми являются пословицы (*Мал золотник, да дорог*) [12 с. 9-10]. Рассматривая классификацию пословиц и поговорок, предложенную Г.Л. Пермяковым, З.К. Тарланов, на наш взгляд, справедливо отмечает, что данная классификация не дает главного ответа на вопрос о различии исследуемых понятий, поскольку автор не определяет понятие “клише”, а также, с точки зрения теории Г.Л. Пермякова, неполные предложения автоматически переходят в группу поговорок, т.к. представляют собой незамкнутую структуру. Напротив, З.К. Тарланов убедительно доказывает, что неполнота синтаксического оформления характерна для многих пословиц (*Большому кораблю большое плавание; От хорошего цветка хороший аромат; и т.д.*) и не противоречит жанровой природе [17 с. 35].

Проанализировав некоторые паремиологические работы исследователей, которые основой разграничения обоих терминов считали только формальный критерий, можно заключить, что, исходя из предложенной авторами терминологии, двучленные образные предложения выражают законченную мысль, передают житейский опыт народа, а одночленные, являясь образным оборотом речи, используются в большей степени для украшения речи. При этом пословицы имеют обобщающий характер в отличие от поговорок, приложимых к конкретной ситуации.

Семантический критерий. Говоря о смысловом различии анализируемых терминов, А.А. Потебня приходит к выводу, что пословицами и поговорками являются изречения, имеющие иносказательный образ, при этом пословица «дает нам возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [14 с. 96-97], а поговорка явля-

ется частью пословицы. Таким образом, пословица является поэтическим произведением, заключающем в себе различные черты, необходимые для характеристики ситуации, в отличие от поговорки, которая содержит не ступок черт, а одну отличительную черту, служащую для характеристики конкретного лица или действия. Иная точка зрения у С.Г. Гаврина, который считает, что поговорка обладает особенной обобщенностью – функциональной, приобретаемой в конкретной ситуации употребления, а не содержательной, которая присуща пословице изначально. «По содержанию своему, - считает С.Г. Гаврин, - поговорка – наименование, обозначение конкретного предмета, явления, случая, по функции, в практике обобщения, поговорка – средство обобщения предметов, явлений действительности» [1 с. 33].

Наличие – отсутствие переносного значения. Основоположником этой теории стала О. Широкова. Согласно ее точки зрения «основным отличием пословицы от поговорки считается переносный смысл, которым обладает пословица, и отсутствие его у поговорки» [19 с. 117]. Последователем идей О. Широковой является В.П. Жуков, который отмечал двуплановость пословицы. По его мнению, пословица имеет буквальный и переносный план или только переносный план и является законченным предложением в отличие от поговорки, которая обладает только буквальным планом значения [4 с. 11-12]. Л.Б. Савенкова, вслед за В.П. Жуковым, также отмечает наличие переносного значения у пословицы и его отсутствие у поговорки [115 с. 103-104]. Однако, с точки зрения В.М. Мокиенко, данное терминологическое новшество является необоснованным, «ибо безобразные пословицы, именуемые им [В.П. Жуковым] *поговорками*, сохраняют все основные признаки паремий с законченной синтаксической структурой», поэтому пересмотр традиционного термина *пословица*, по словам В.М. Мокиенко, следует признать необоснованным [10 с. 7-8].

Наличие – отсутствие идиоматичности. Следующий подход в разграничении пословицы и поговорки ученые видят в наличии или отсутствии идиоматичности выражений. По вопросу идиоматичности как свойства, присущего пословице или поговорке, существуют различные точки зрения.

Так, В.П. Фелицына считает, что поговорка является идиоматическим выражением, которое может быть заменено словом или словосочетанием. Пословица же представляет собой эквивалент целого рассказа. Поэтому автор полагает, что поговорки являются фразеологическими единицами, а пословицы – нет [18 с. 125-127]. В.Ю. Меликян придерживается противоположной точки зрения при описании идиоматичности паремий. Исследователь отмечает различную степень фразеологизации русских паремий. В.Ю. Меликян выделяет 3 степени идиоматичности паремий: 1) наличие идиоматичности (пословицы, которые обладают переносным значением – *Горбатого могила исправит*); 2) наличие частичной идиоматичности (пословицы, характеризующиеся наличием как прямого, так и переносного значения – *Семь раз отмерь – один раз отрежь*); 3) отсутствие признака идиоматичности (поговорки – *В тесноте, да не в обиде*) [6 с. 209-210].

Анализ различных критериев, выдвигаемых с целью разграничения исследуемых понятий, позволил нам сделать некоторые выводы. Во-первых, отсутствие единого мнения при дифференциации понятий свидетельствует о трудности выделения основного критерия, позволяющего точно отграничивать пословицу от поговорки, поскольку, на наш взгляд, в рассмотренных выше работах речь идет не об основном устойчивом критерии, дающем безошибочное и строгое разграничение в любом контексте, а о преобладании того или иного критерия. К тому же наличие одного из критериев не исключает наличие других критериев. На наш взгляд, именно сосуществование всех выделенных исследователями критериев позволяет в одной ситуации говорить о разграничении пословиц и поговорок по формальному признаку, а в другой, если мы имеем дело, например, с простым предложением, - по семантическому признаку. Во-вторых, трудность состоит в том, что в контексте пословица может приобретать вид поговорки. В-третьих, вызывает сомнение отсутствие такого признака, как дидактичность, нравоучение у поговорки, поскольку, с нашей точки зрения, поговорка, произнесенная в определенном контексте, в конкретной ситуации и относящаяся к конкретному лицу с це-

лью его характеристики или характеристики явления действительности, наделена скрытым назидательным смыслом (*Был у друга, тил воду – показала слаще меду*). В данной статье предпримем попытку разграничения пословицы и поговорки по семантическому критерию, поскольку в структурном плане исследуемые паремии могут не различаться. Материалом исследования послужили пословицы с корнем *-друг-*, отобранные из Большого словаря русских пословиц [8]. Отметим, что мы не разделяем точку зрения ученых, которые трактуют поговорку как фразеологизм в узком понимании, поэтому поговорки, включенные в Словарь русских поговорок [7], по нашему мнению, не являются собственно поговорками (*закадычный друг, победила дружба, друзья-однопольчане* и т.д.) и не анализируются в нашем исследовании.

Пословицы и поговорки, на наш взгляд, представляют собой законченные в структурном и содержательном плане предложения, простые или сложные, но обладают разными признаками и выполняют в речи разные коммуникативные функции. По нашему мнению, любая пословица или поговорка – это высказывание, состоящее из определенного набора семантических компонентов. Рассмотрим некоторые семантические модели пословиц и поговорок, созданные на основе отобранного пословичного материала из Большого словаря русских пословиц. Следует оговориться, что, на наш взгляд, не все пословицы, вошедшие в состав данного словаря, являются собственно пословицами, многие из них являются поговорками. Мы выделили следующие повторяющиеся элементы, участвующие в создании исследуемых паремий: **С** – совет; **СС** – скрытый совет; **ОС** – описание ситуации; **З** – заключение, суждение; **П** – поучение; **СП** – скрытое поучение; **Н** – намек; **Т** – толкование;

Х – характеристика; **СР** – сравнение; **Р** – результат; **И** – ирония.

Представим модели описания **пословиц**: **1. ОС** → **З+С**: *Есть друг – береги, потерял – ищи*; **2. Х** → **П**: *Плохой друг – до черного дня*; **3. ОС**→**П+СС**: *Не тот друг, кто потакает, а тот, кто на ум наставляет; Три друга – отец да мать, да верная жена [подруга]*; **4. ОС**→**С**: *Бойся друга как врага; Ищем друга, когда тужо*; **5. ОС**→**Р+СП**: *За друга пору-*

читься – от недруга помучиться; Кто имеет доброго друга – обретает сокровище; 6. З→СС+СП: В дружбе правда; Друг познается в беде.

Приведем модели образования **поговорок**: **1. Х+СР→Т+СС**: *Новый друг – что весенний лед*; **2. Х→Т**: *Хорош мой друг, да дурень; Хорош мой друг, да правды не говорит*; **3. Н+Н→Т+СП**: *Был бы друг, будет и досуг*; **4. ОС→Т+СП**: *Кается богатый, что один пил, а друга не любил*; **5. ОС→Т+И**: *Так друга любит, что для него последний кусок сам съест.*

Проанализировав некоторые пословицы и поговорки, можно сделать вывод о том, что главное отличие пословицы от поговорки состоит в том, что пословица не может содержать функции «толкование» и «сравнение», поскольку является «заповедью», которой нужно руководствоваться и следовать ей, а поговорка служит, как правило, для описания ситуации и ее прямого толкования. Заметим, как показывают наши примеры, поговорка может содержать поучение, назидательность, однако это не прямое, а скрытое поучение. К тому же, по нашим наблюдениям, не все поговорки, как и не все пословицы обладают этим признаком, что требует дальнейшего глубокого изучения данных терминов с целью объяснения данного факта.

Список литературы

1. Гаврин С.Г. К вопросу об отличии пословицы от поговорки в современном русском литературном языке // Учен. записки Пермского гос. пед. института. Вып.17. Пермь, 1958. С. 28-46.
2. Даль В. Пословицы русского народа: Сборник. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 992 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ННН, 1994. 616 с.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 544 с.
5. Ляцкий Е.А. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. II. СПб., 1897. С. 745-782.
6. Меликян В.Ю. Современный русский язык : синтаксическая фразеология: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2014. 232 с.

7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
9. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6-20.
10. Мокиенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремеиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 4-25.
11. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. 240 с.
12. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 236 с.
13. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока: Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 672 с.
14. Потехня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков: Тип. К. Счасни, 1894. 162 с.
15. Савенкова Л.Б. Элективный курс «Русские пословицы и вопросы общей паремиологии»: содержание и методика преподавания // Acta Neophilologica, X, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, University of Warmia and Mazury in Olsztyn. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego Olsztyn, 2008. С. 103-111.
16. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М.: в Унив. тип., 1848. 550 с.
17. Тарланов З.К. Русские пословицы : синтаксис и поэтика. Петрозаводск: [б. и.], 1999. 448 с.
18. Фелицына В.П. О пословицах и поговорках как материале для фразеологического словаря // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.; Л., 1964. С. 123-129.
19. Широкова О. Жизнь пословицы // Русский язык в школе. 1931. № 6. С. 116-121.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://www.nkras.ru/vmno/guidelines.html>)

В журнале публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, представляющие собой результаты завершенных исследований, обладающие новизной и представляющие интерес для широкого круга читателей журнала. В журнал принимаются статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с требованиями ВАК.

Журнал «В мире научных открытий» выходит с 2008 года и с 2014 года издается в двух тематических сериях: «Социально-гуманитарные науки», «Естественные и технические науки».

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

Рецензент:

Фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, место работы

AUTHOR GUIDELINES

(<http://www.nkras.ru/vmno/en/guidelines.html>)

The journal covers the topical issues of modern humanities, natural and technical sciences. The journal contains original articles of topical, scientific and practical nature presenting results of completed research and being novel and interesting for a wide circle of readers.

The expected audience of the journal is Russian and international scholars, academic teaching staff and graduate and undergraduate students interested in the recent results of research in different disciplines.

In the World of Scientific Discoveries has been published since 2008 and since 2014 in two topical series: «Humanities and Social Sciences», «Natural and technical sciences».

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ КАК АКТИВНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Воеводина И.В., Виниченко Н.В.	806
О ПОТЕНЦИАЛЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ Галеева Ф.Т., Хусаинова Г.Р.	816
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ С АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ Марченко С.Е., Пуленко Г.А.	824
ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЗЕМЛЯ В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ Маточкина А.Е.	832
ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА Нагорнова Е.В.	842
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕЙЗАЖА КАК ОПИСАТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА КОМПОЗИЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА Нагорнова Е.В.	852
РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ Сергеева З.С.	861

АНАЛИТИЧЕСКИЕ И СИНТЕТИЧЕСКИЕ ЛЕКЕМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ С КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ Шабаев В.Г.	870
ФАКТОР ВОЗРАСТА В УСВОЕНИИ ИНТОНАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Шевченко О.Г.	882
ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ (1965–1985 ГГ.) Афонасьева О.В.	892
ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ЛИЧНОСТИ Бестаева Э.Ш.	899
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА Галушко В.Г., Кудряшов С.В., Вашурин А.Н.	904
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ Герасимов Е.В.	914
РОЛЬ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД Коваленко Н.А., Гаспарян Г.А.	922
КУЛЬТУРНОЕ БЕЗУМИЕ: В ПОИСКАХ ТИПОЛОГИИ Кожевникова А.О.	930

**О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ****П.А. СТОЛЫПИНА****Кузнецов Д.В.** 936**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРЕССИВНЫХ ФОРМ ТОРГОВЛИ
В УНИВЕРМАГАХ В 50-60-Е ГОДЫ XX ВЕКА****Мороз И.А.** 942**О СЕМИОТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРИЧЕСКИ****Светличная И.В.** 951**ВОЗЗРЕНИЯ Н.Ф. ФЁДОРОВА НА БИОСФЕРУ ЗЕМЛИ****Скачков А.С.** 964**ЗНАНИЕ – ВЫРАЖЕНИЕ НЕЛИНЕЙНОГО ОПЫТА****Скачков А.С.** 974**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА КОРПОРАТИВНОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ****Чолоян А.В., Щека Н.Ю.** 984**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ****ИРОНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ****Заврумов З.А.** 991**ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРПРЕТИРОВАНИЯ
И ДЕФИНИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИРОНИЯ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ****Казиева А.М., Шевель Е.А.** 999**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «Я» ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ
И «Я» ПОЭТА****Култышева О.М.** 1006

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ Бондаренко Т.Н.	1016
КОСВЕННЫЙ ЭКСПРЕССИВНЫЙ АКТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ Головинова П.А., Кудряшов И.А.	1020
ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОД: ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ВЕТТУ ВОТТЕР И МОЛЛИ МИЛЛЕР ОДНИМ ЛИЦОМ? Журавская К.А., Кузнецова А.Е.	1029
АРХЕТИПЫ В НАИМЕНОВАНИЯХ ГОРОДСКИХ ТОРГОВЫХ ОБЪЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭМПОРОНИМОВ ГОРОДА АБАКАНА) Кадоло Т.А.	1039
ИЗУЧЕНИЕ ПУТЕЙ НОРМАЛИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ ЭМПОРОНИМИКИ: РАЗНОВИДНОСТИ НОРМАТИВНОСТИ Кадоло Т.А.	1049
ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СКРЫТЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИДИОМ Кайгородова И.Н., Крутова И.Н., Новикова Н.О., Новикова И.И.	1058
СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТАХ БЛОГОВ Ковтуненко И.В.	1064
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОЙ НАИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА Коростова С.В.	1074

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ СТАТУС СОБЕСЕДНИКОВ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЕГО МАНИФЕСТАЦИИ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ Котова Н.С., Кудряшов И.А.	1084
МОДЕЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ Нагиева Е.Б.	1096
ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ВОИНА В СПЕЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ФЕЙСБУК» Полякова С.В., Жданова С.Ю., Мишланова С.Л., Пузырева Л.О., Печеркина А.В.	1106
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОТОБРАЖЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В АВТОРСКОМ СОЗНАНИИ Тарасова Ю.В., Кравченко М.В.	1115
ПОСЛОВИЦА И ПОГОВОРКА: К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИИ Хруненкова А.В.	1124
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	1134

CONTENTS

FOREIGN LANGUAGES, LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

THE USE OF ROLE PLAYS IN TRAINING FUTURE SPECIALISTS FOR BUSINESS ACTIVITY Voevodina I.V., Vinichenko N.V.	806
THE POTENTIAL OF FOREIGN LANGUAGES AS A DISCIPLINE FOR THE DEVELOPMENT OF THE STUDENTS' CREATIVITY Galeeva F.T., Khusainova G.R.	816
THE PARTICULARITIES OF THE JUDICIAL TRANSLATION FROM ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES INTO RUSSIAN Marchenko S.E., Pulenko G.A.	824
PROBLEMS OF REPRESENTING PROVERBS WITH A COMPONENT EARTH/LAND/GROUND IN STUDY DICTIONARY FOR FOREIGN STUDENTS Matochkina A.E.	832
PARTICULAR UNDERSTANDING OF NATURE IN ENGLISH LITERATURE AND CULTURE IN THE XVIII CENTURY Nagornova E.V.	842
FORMATION AND DEVELOPMENT OF LANDSCAPE DEPICTING ELEMENT IN ENGLISH LITERATURE OF THE XVIII CENTURY Nagornova E.V.	852
THE ROLE OF FOREIGN LANGUAGE AT TECHNICAL UNIVERSITI Sergeeva Z.S.	861

ANALYTICAL AND SYNTHETIC LEXEMES IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES: TYPOLOGICAL CORRELATIONS WITH COGNITIVE INTERPRETATION Shabaev V.G.	870
AGE EFFECT IN THE ACQUISITION OF ENGLISH INTONATION Shevchenko O.G.	882
HISTORY, PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURAL	
PRIVATE SUBSIDIARY FARM CENTRAL TRANS URALS 1965–1985 Afonasyeva O.V.	892
THE DIALECTICS OF SOCIAL AND INDIVIDUAL IN THE MORAL CULTURE OF THE PERSON Bestaeva E.Sh.	899
PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PROCESS Galushko V.G., Kudryashov S.V., Vashurin A.N.	904
CULTUROLOGICAL ASPECTS OF GENDER STEREOTYPES SHAPING IN THE ENVIRONMENT OF THE YOUTH Gerasimov E.Vl.	914
THE ROLE OF TOMSK POLYTECHNIC INSTITUTE IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION DURING THE POSTWAR PERIOD Kovalenko N.A., Gasparyan G.A.	922
CULTURAL MADNESS: IN SEARCH OF A TYPOLOGY Kozhevnikova A.O.	930
ABOUT THE NECESSITY OF FORMING NEW CONCEPT OF AGRICULTURAL POLICY P.A. STOLYPIN Kuznetsov D.V.	936

THE USE OF MODERN FORMS OF TRADE IN DEPARTMENT STORES IN THE 50-60S OF THE XX CENTURY	
Moroz I.A.	942
THE SEMIOTIC ASPECT HAIRSTYLES	
Svetlichnaya I.V.	951
NICOLAY FEDOROV'S VIEWS ON THE BIOSPHERE OF THE EARTH	
Skachkov A.S.	964
KNOWLEDGE IS THE EXPRESSION OF THE NONLINEAR EXPERIENCE	
Skachkov A.S.	974
THEORETICAL ASPECTS OF ANALYSIS OF CORPORATE SOCIAL CARE	
Choloyan A.V., Shcheka N.U.	984

LITERARY CRITICISM

IRONY IN THE ART TEXT: COGNITIVE AND PRAGMATICAL POTENTIAL OF A PRETSEDENTNOST	
Zavrumov Z.A.	991
TENDENCIES OF INTERPRETATION AND DEFINIROVANIYE CONCEPTS «IRONY» OF THE ART TEXT	
Kaziyeva A.M., Shevel E.A.	999
THE PROBLEM OF CORRELATION "I" LYRICAL AND THE "I" OF THE POET	
Kultysheva O.M.	1006

LINGUISTICS

METAPHOR'S FUNCTIONS IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS	
Bondarenko T.N.	1016

INDIRECT SPEECH ACT AS SPEAKER'S EMOTIONAL EXPERIENCE REFLECTION IN DIALOGIC INTERACTION Golovinova P.A., Kudryashov I.A.	1020
FROM THE RESEARCH EXPERIENCE ON LINGUISTIC CULTURE VIEWED THROUGH TRANSLATION: ARE BETTY BOTTER AND MOLLY MILLER THE SAME PERSON? Zhuravskaya K.A., Kuznetsova A.E.	1029
ARCHETYPES IN THE CITY TRADING OBJECT'S NAMES (BASED ON ABAKAN'S EMPORONYMS) Kadolo T.A.	1039
RESEARCH INTO WAYS OF NORMALIZATION IN EMPORONYMS: VARIETIES OF NORMATIVITY Kadolo T.A.	1049
THE EXPRESSIVE POTENTIAL OF THE LATENT SYNTACTIC IDIOMS Kaygorodova I.N., Krutova I.N., Novikova N.O., Novikova I.I.	1058
COORDINATING CONJUNCTIONS AS MEANS OF FORMING MULTILEVEL CONSTRUCTIONS IN THE BLOG TEXTS Kovtunenکو I.V.	1064
EMOTIONAL CONSTITUENT OF THE RUSSIAN NAIVE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD Korostova S.V.	1074
INTERLOCUTORS' EPISTEMIC STATUS AND EVIDENTIAL MEANS OF ITS MANIFESTATION IN DIALOGIC INTERACTION Kotova N.S., Kudryashov I.A.	1084
THE MODELS OF THE EXPLANATION IN THE STRUCTURE OF PUBLIC LECTURES Nagieva E.B.	1096

IMAGE OF A SOVIET SOLDIER IN SPECIAL GROUPS
OF “FACEBOOK”

**Polyakova S.V., Zhdanova S.Y., Mishlanova S.L.,
Puzyreva L.O., Pecherkina A.V.** 1106

METAPHORICAL NOMINATION AS MEANS OF REFLECTING
THE MENTAL PROCESSES IN AUTHOR’S CONSCIOUSNESS

Tarasova Y.V., Kravchenko M.V. 1115

PROVERB AND SAYING: THE PROBLEM OF TERMINOLOGY

Khrunenkova A.V. 1124

RULES FOR AUTHORS 1134

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 30.11.2015.
Заказ ВМНО11.22015.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 24,9. Формат 60×84/16